

www.devec.ru

Развитие **и** ЭКОНОМИКА

март 2017

15

«Цивилизационный выбор»

или

«выбор цивилизации»?

Интернет-журнал «Развитие»

Выходит два раза в месяц, публикуется на сайте www.devec.ru и рассылается подписчикам по электронной почте.

Для подписки направляйте заявку в произвольной форме по адресу info@devec.ru с указанием своей электронной почты.

СОДЕРЖАНИЕ

март 2017 | №15

Развитие ^и
ЭКОНОМИКА

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

3

С.Н. Белкин
Цивилизационный фокус

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ДИНАМИКА

6

В.В. Малявин
Синергия и грядущее евразийское содружество

18

В.Э. Багдасарян
«Русская идея»: чего не понимает власть

Научный и общественно-политический альманах

Главный редактор: **Сергей Белкин**

Первый заместитель главного редактора: **Дмитрий Андреев**

Заместитель главного редактора: **Вадим Прозоров**

Арт-директор: **Олег Фирсов**

Ответственный секретарь:

Елена Колесникова

Адрес:

105077, Москва, Средняя Первомайская ул., дом 4, оф.17.

Тел.: +7 (968) 581-10-98

www.devec.ru

info@devec.ru

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-44936 от 4 мая 2011 г.

ISSN 2304-3962

Тираж: 2500 экз.

Дата выхода в свет: 25 марта 2017

Перепечатка материалов возможна только с разрешения редакции. При использовании материалов альманаха «Развитие и экономика» в любой форме ссылка на альманах «Развитие и экономика» обязательна.

Распространяется почтовой рассылкой по собственной базе данных, а также на форумах, конференциях, круглых столах и т.п. Заявку на включение в список рассылки направлять в редакцию. Оформить заявку можно на сайте www.devec.ru

25

С.В. Хатунцев

Культурно-исторические зоны России и Европы

32

Дмитрий де Кошко:

«Мы живем в реалиях тотальной и непрекращающейся информационной войны атлантистов против России»

Интервью французского журналиста и общественного деятеля альманаху «Развитие и экономика»

РЕЛИГИЯ И РАЗВИТИЕ

46

К.А. Свасьян

Христианство и политика

К истории католического воцарения Бога

55

А.В. Белокобыльский, В.С. Левицкий

Украина и Россия в эпоху постсекулярных идеологий

КУЛЬТУРА И РАЗВИТИЕ

64

Даниил Крамер:

«Культура – это непосредственный способ физического выживания нации»

Интервью композитора, педагога, продюсера и джазового исполнителя, народного артиста России альманаху «Развитие и экономика»

Сергей
БЕЛКИН

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ДИНАМИКА

Страны и народы движутся по своим историческим траекториям, формируя, вбирая и отвергая разные ценности, религии, этические системы, созидая и разрушая множество политических конструкций, институтов, создавая науку, достигая технического прогресса, экономического развития и упадка, внедряя различные модели жизнеустройства. При этом они то обретают сходные черты и признаки, то их утрачивают.

Начиная с недавнего – менее двухсот лет – времени ученые стали описывать сходства и различия вводя понятие «цивилизация», распределяя страны и народы по различным культурно-историческим типам. Существует много подходов к описанию цивилизаций. Количество разных цивилизаций на планете в зависимости от авторского взгляда, может составлять и несколько штук, и несколько десятков. За многие десятилетия в науке сложился так называемый цивилизационный подход в описании развития стран и народов.

Однако, при описании событий в общественно-политическом пространстве до сих пор преобладает взгляд на происходящее как на следствие развития материальных производительных сил и классовой борьбы. В сказанном мы узнаем язык марксизма. Но те же самые причины и факторы исторического развития (экономика и социальные противоречия)

Сергей Николаевич Белкин –
главный редактор альманаха
«Развитие и экономика»

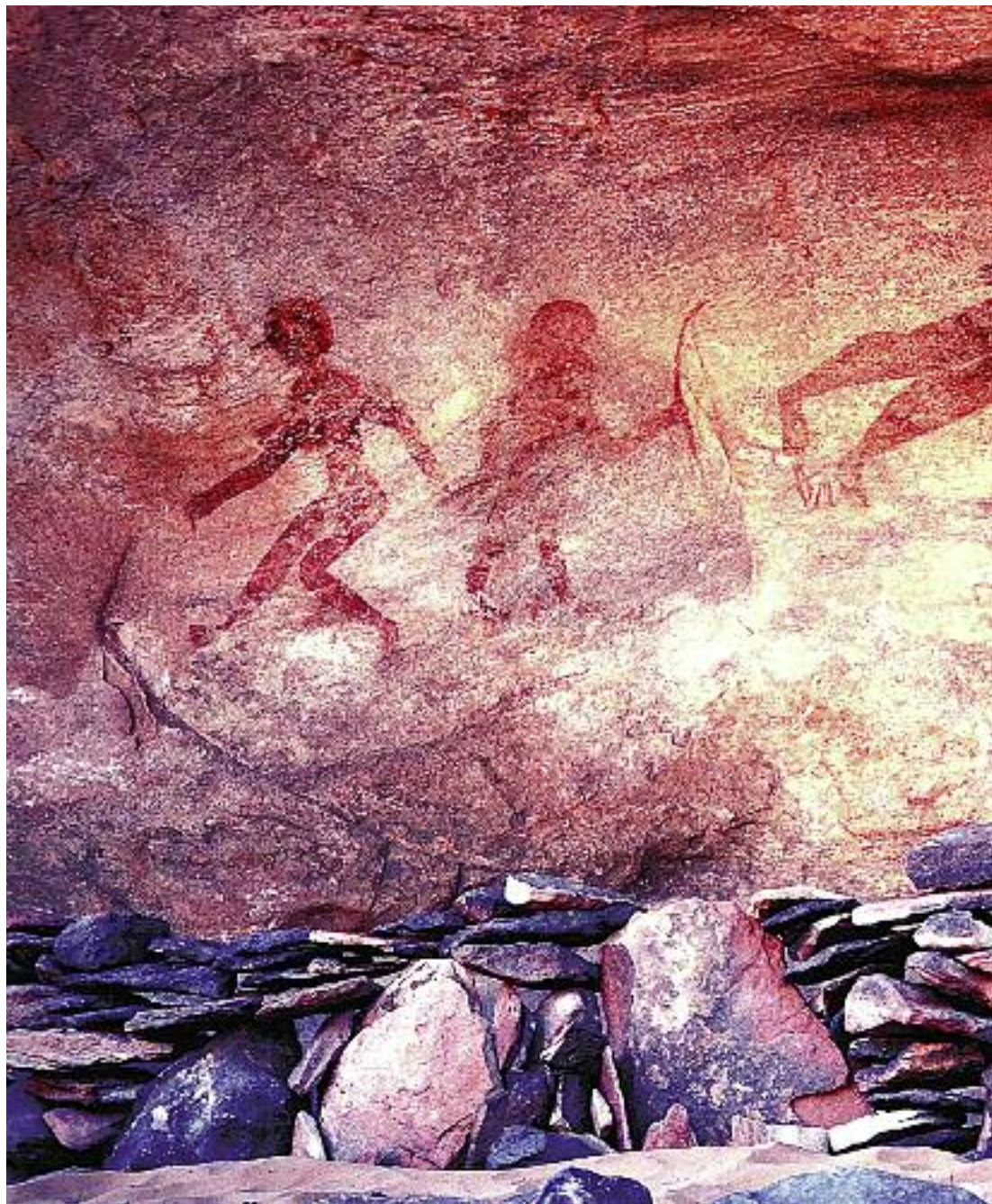
лежат в основе совершенно иного взгляда – современного либерализма, считающего себя антитезой марксизму-коммунизму. Либеральный, – особенно неолиберальный взгляд, – еще выше, нежели марксизм, оценивает роль экономики, ставя ее в мировоззренческий центр бытия, видя в ней не просто «базис», а смысл жизни: вплоть до квазирелигиозного поклонения ей («золотому тельцу»).

Цивилизационный подход – не отрицающий марксистский и либеральный подходы, но принимающий их в качестве дополнительных специфических инструментов анализа, – это другая система причинно-следственных связей и иная система координат. Основой этого подхода является убеждение в том, что в основе динамики общества лежит развитие человека, его духовного мира – науки, культуры, образования, этики, религии. Духовный мир во всей его многомерной полноте формирует систему ценностей человека и общества. Система ценностей определяет мотивацию человеческой деятельности, формирует цели и пути их достижения. Духовный мир и сложившаяся в обществе система ценностей определяют структуру, форму и правила жизнедеятельности: представления о должном составе и функциях семьи, о безопасности и качестве жизни, определяют социально-политическое и экономическое устройство, →

→ влияют на выработку применяемых технологий, обуславливают уровень экологического сознания, формы и правила взаимодействия стран и народов, обеспечивают способность и стремление к прогнозированию и конструированию будущего.

И либеральный и марксистский подходы предупреждают общество достижение к некой терминальной стадии развития – глобальный коммунизм или глобальный либерализм – по достижении которого развитие, по сути, завершается, наступает бесконечный период стационарного благоденствия. В отношении марксистской мечты о коммунистическом обществе можно говорить о принципиальной, теоретической возможности его достижения. В либеральной модели, где не просто действует, но оберегается как неотъемлемая сущность примат индивидуальной свободы и стремление к обогащению, главными двигателями истории становятся алчность и эгоизм. А это с неизбежностью рождает определённый тип хозяйствования, вступающий в противоречие с человеческой природой и с исчерпаемостью природных ресурсов. В рамках этой модели достижение стационарного либерального благоденствия в планетарном масштабе невозможно, система начнет спасать саму себя, порождая жесткое разделение человечества на тех, «кому благоденствие» и тех, за чей счет оно может поддерживаться.

Цивилизационный подход не отрицает возможность подобных стадий человеческой истории, но при этом исходит из того, что цивилизационные изменения будут длиться бесконечно: столько, сколько человечество будет существовать. «Конца истории» не будет, «окончательных стационарных состояний» – тоже. Локальные цивилизации будут влиять друг на друга, исчезать и появляться, переживать кризисы, время будет ставить перед ними новые вызовы, и они бу-

дут искать и находить ответы на них. В этой связи говорят о цивилизационной динамике, о взаимовлиянии цивилизаций, об их столкновениях и диалогах.

Когда происходит существенное изменение культурно-исторического типа, затрагивающие самые фундаментальные основы бытия народа, говорят о переходе цивилизации к иному типу, к осуществлению, тем самым, цивилизационного выбора. Например, в качестве перехода из одной цивилизации в другую рассматриваются такие масштабные события, как перевод народа из одной религии в другую. Наиболее распространенным примером из отечественной истории является принятие христианства на Руси в X веке – это многими трактуется как «цивилизационный выбор». Такой подход не лишен оснований, но не лишен и неточностей: религиозный выбор не тождествен цивилизационному. Более очевидным и осознанным

страну к тем или иным цивилизационно новым состояниям в ходе сложным образом складывающихся процессов, под влиянием многих факторов. Часто осознание тех или иных действий в качестве факторов, приведших к «цивилизационному выбору» приходит спустя время.

Тем не менее, вдумчивые аналитики, ответственные политики и руководители всех уровней должны взвешивать свои действия на цивилизационных весах. Следует соотносить предлагаемые или навязываемые обществу пути, цели и ценности с учетом того, в какое новое состояние попадет народ и страна. В этой связи очень многие явления жизни общества, внедряемые модели развития – экономического, политического, духовного и т.д., – можно и должно рассматривать как действия, оказывающие свое влияние на процесс цивилизационного развития и в этом смысле считать, что они могут оказаться тем, что впоследствии назовут «цивилизационным выбором».

Полноценный цивилизационный выбор, однако, имеет место в пространстве идей,

именно как слом культурно-исторической матрицы был переход к строительству социализма после 1917-го года, в связи с чем эти действия скорее можно называть цивилизационным выбором.

Цивилизационный выбор – распространенное словосочетание, но плохо определенное понятие. «Выбор» – действие, производимое здесь и сейчас, в настоящее время. В этой связи говорить об осознанном цивилизационном выборе чаще всего можно лишь с оговоркой. Выбор чего-либо может иметь место только тогда, когда есть субъект, обладающий возможностью производить выбор, и есть набор возможностей, из которых этот выбор производится. Важной особенностью, отличием цивилизации от государства является ее бессубъектность: у цивилизаций нет органов и персон, действующих от ее имени и в ее интересах. Чаще всего исторический процесс приводит

образов будущего, мечты. Если общество вырабатывает желанный для своего развития образ и модель бытия, стремится к определенному цивилизационному будущему, то оно должно научиться соотносить свои действия со сделанным в образной форме цивилизационным выбором. В этой связи важно не забывать, что любое действие – в политике, в экономике, в культуре и в религиозной жизни, в науке и технике, в духовно-нравственном и личностном развитии, – так или иначе, является элементом и фактором цивилизационной траектории, по которой движутся страны и народы. Поэтому наш проект, посвященный проблеме цивилизационной динамики, нацеливает общество, его лидеров и граждан на выработку умения взвешивать происходящее и свои действия на цивилизационных весах, определять место, роль и направление события в цивилизационной динамике.

Владимир
МАЛЯВИН

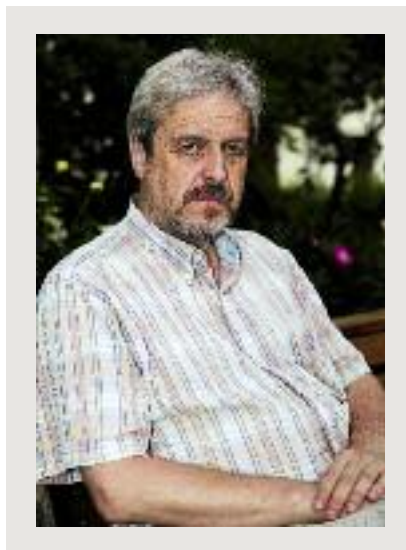

Ма Юань. Весной на горной тропе. Конец XII – первая четверть XIII века

СИНЕРГИЯ

и грядущее евразийское содружество

В Азии больше всего поражают, во-первых, великое разнообразие языков, народов, культур и, во-вторых, способность этих народов и культур свободно уживаться в русле прочного, настоящего на тысячелетиях, сочащегося всеми ароматами жизни быта. Наблюдая этот человеческий океан, можно понять, что основой его непривычного, малопонятного для европейцев уклада, в котором единство и многообразие не просто сосуществуют, но именно обуславливают и пронизывают друг друга вне юридических формальностей, является ритуал как принцип и норма общественной практики. Ритуал есть прежде всего коммуникация, но коммуникация особого рода, утверждающая единство через разделение взаимодействующих сторон. Ритуал обещает встречу именно

Владимир Вячеславович Малявин – доктор исторических наук, профессор Тамканского университета (Тайвань), научный руководитель Института исследований развивающихся рынков Московской школы управления СКОЛКОВО

несоизмеримых величин. Отсюда его первостепенная роль в регулировании отношений не только между индивидами и сообществами, но также между государствами и даже целыми цивилизациями.

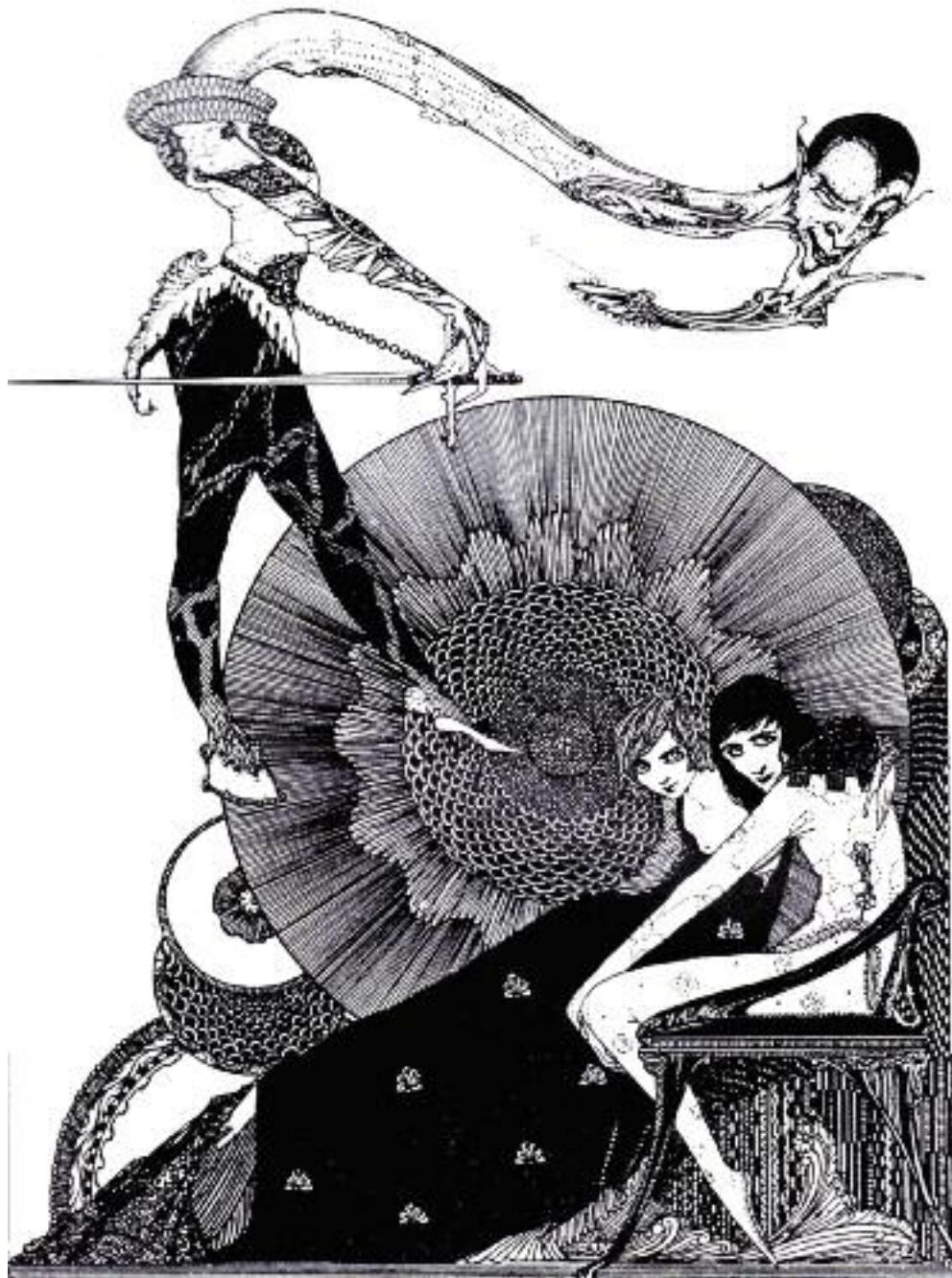
Азия с древности считалась «первой частью вселенной», и, надо думать, неслучайно: великие азиатские цивилизации сохранили органическую связь с наиболее фундаментальными, глубинными основами психической жизни человека. Азиатские религии и культурные традиции воспитывают в личности чувство причастности к родовой полноте существования, требуют от нее вернуться к состоянию блаженной самодостаточности младенца в «утробе мира» и учат коммуникации интимной, бессловесной. Спор между фаустовским человеком Запада, разрывающим пути природы и стремящимся к господству над ней,

и «ветхим Адамом» Востока, живущим в с-мирении, то есть в мире с миром, стар как сама история и, по-видимому, не разрешится, пока история не придет к концу.

Несмотря на давность спора между западным и восточным типами мирознания, реальные последствия различий между ними всё еще недостаточно продуманы и осознаны. Факт неувидительный: слишком глубокие корни человеческой психики и практики он затрагивает, слишком многое поставлено на карту для обеих сторон. Но сегодня, в момент явного исчерпания интеллектуальных ресурсов западного Модерна – момент, заставляющий Запад отказываться от прежних догм и открываться, часто помимо своей воли, более аморфным и гибким мировоззренческим установкам Востока, – складываются как никогда благоприятные условия для диалога Запада и Востока и выработки основ действительно глобального мира, в котором эта фундаментальная оппозиция человеческой истории преобразится если не в логически стройный синтез – что, скажу сразу, представляется крайне маловероятным, – то, по крайней мере, в некую целостную мыслительно-духовную конфигурацию. Такая смычка и станет моментом начала глобального мира.

В ряду понятий, знаменующих преодоление классической интеллектуальной традиции Запада, видное место принадлежит понятию синергии. Сегодня оно широко применяется и в естественных, и – хотя в меньшей степени – в гуманитарных науках. Некоторыми отечественными учеными выдвинуты концепции «синергичной антропологии», «цивилизационной синергии» и т. п. Отдельные историки и востоковеды отмечают роль принципа синергии в организации евразийского геополитического и цивилизационного пространства. Но понятие синергии еще не стало предметом систематического исследования применительно к социокультурным, цивилизационным или геополитическим отношениям. Между тем именно синергия, как можно предположить, является ключом к пониманию самобытной природы евразийской общности.

Синергию часто называют принципом организации – или, точнее,

Спор между фаустовским человеком Запада, разрывающим пути природы и стремящимся к господству над ней, и «ветхим Адамом» Востока, живущим в с-мирении, то есть в мире с миром, стар как сама история и, по-видимому, не разрешится, пока история не придет к концу

самоорганизации – сложных систем самой разной природы: от хаоса микромира до живого тела. Этимологически этот термин означает содействие, сотрудничество, но он получил самостоятельную жизнь, вероятно, вследствие того, что в отличие от сотрудничества относится к связям и отношениям, лежащим за пределами рефлексии, полностью спонтанным и на первый взгляд не поддающимся сознательному регулированию. Принято также считать, что синергия обозна-

чает общий эффект взаимодействия различных сил, который превосходит их простую сумму. В этом смысле синергия почти совпадает с творческой деятельностью. Я не буду говорить о природе и сущности синергии в теоретическом плане, а сосредоточусь на двух аспектах этого явления, которые особенно важны для исторического исследования: метафизических предпосылках синергии в человеческой практике и ее последствиях для истории культуры. →

В момент исчерпания интеллектуальных ресурсов западного Модерна, заставляющий Запад отказываться от прежних догм и открываться более аморфным и гибким мировоззренческим установкам Востока, складываются как никогда благоприятные условия для диалога Запада и Востока и выработки основ действительно глобального мира

➔ С точки зрения философских оснований евразийского миропонимания принцип синергии проявляется прежде всего в отсутствии в азиатских традициях метафизических систем, основанных на логике формального тождества и параллелизма духовного и материального бытия. Философская мысль Восточной Азии – вне ареала распространения индоевропейских языков – не знала онтологической редукции и всегда исходила из посылки о множественности бытия, что, кстати сказать, сближает ее с философией так называемого Постмодерна. Синергия имеет отношение не к сущностям или

формам, а к определенному виду пространства или, точнее, месту, а еще точнее – к некоему абсолютному, архетипическому месту, праместу, месту-матрице, которое делает возможным существование всех вещей или, можно сказать, является вмещителем мира. В мифологеме хоры (места) у Платона или Дао (Пути) у Лао-цзы такое место именуется «матерью мира», которая порождает все вещи и, отделяясь от себя, перетекая в инобытие, каким-то образом остается собой. Таким образом, нет тождеств и различий, но всё есть подобие, все вещи вовлечены во вселенскую паутину соответствий, существуют в-месте

повсеместной совместности, которая есть также мировая совместительность. Соответственно, перво-степенное значение приобретают не сами вещи, а их эстетическая аура, ускользающая между-бытность как своего рода антракт, пауза в мировом ритме, точка одновременно наибольшей насыщенности и самого глубокого покоя. В месте совместности всё есть ровно в той мере, в какой оно не есть.

Совместность воплощает существеннейшее свойство синергии: самовозрастание бытия. Она соответствует точке сингулярности, знаменующей разрыв в любой длительности и присутствие в ней реальности более высокого порядка. Ей соответствует формула из китайской «Книги перемен»: «В смешении вещей рождается благодатная сила». Всеобщность смешения придает всему сущему статус подобия, каковое становится собой как раз в той мере, в какой отличается от себя. Другими словами, подобие, как само сознание, усиливается и само в себе возрастает посредством потери, оставления себя. Подобие – это трещина или складка бытия, в которой зияет бездна свободы. Оно, по сути, есть чистая временность, добытийное различие, которое служит матрицей бытия. Именно в свете совместности, как сказано в даосских канонах, «все вещи вмещают друг друга», и «мир скрыт в мире», ибо мир, скрытый в себе, никогда не есть, но может быть только подобен себе. Скрытость же мира в себе есть залог высшей целостности существования, а потому безопасности и душевного покоя, что, в свою очередь, обеспечивает наиболее полное раскрытие творческого потенциала жизни.

Теперь мы можем сполна оценить, быть может, наиболее универсальную формулу китайской мудрости, которая представлена в изречении: «Соответствуй вещам в том, что существует само по себе». Оставление себя в пространстве мировой совместности равнозначно следованию Изначальному, то есть возвращению к истоку жизненных метаморфоз, каковой есть мировая событийность всего сущего, саморазличие как всеобщее подобие. Вторая половина формулы определяет онтологическую приро-

Энсо – образ «истинной таковости»

«Таковость» – это конкретная целостность существования. Она обуславливает двойственную природу всех вещей, являющих совместность сущего и несущего, присутствия и отсутствия, и сама есть воплощенная антинормичность, ибо она является одновременно предельной конкретностью, принципом самодостаточности каждого момента существования и универсальной природы этой самодостаточности

ду реальности всеобщего соответствия. Эта природа есть абсолютная спонтанность, несотворенная «таковость» всякого существования. Ошибочно видеть в ней субстанцию, сущность, форму или идею. Грамматически «таковость» следует понимать как прилагательное или наречие. Она имеет отношение к качеству состояния или действия и требует видеть в существовании прежде всего вертикальную ось возрастания этого качества, усиления интенсивности переживания. Всё сущее, по китайским представлениям, уравнивается или едино в чистом динамизме жизни как условия и пределе всякой деятельности. Как сказал древний китайский поэт, «движения насекомых – тоже действия духа», то есть дух и материя едины не субстанционально и не в интеллектуальном «гипостазировании», а в чистой актуальности практики. Другими словами, «таковость» –

Николай Рерих. Матерь мира. 1924 год

Синергия имеет отношение к некоему абсолютному, архетипическому месту, праместу, месту-матрице, которое делает возможным существование всех вещей или, можно сказать, является вместилищем мира. В мифологеме хоры (места) у Платона или Дао (Пути) у Лао-цзы такое место именуется «матерью мира», которая порождает все вещи и, отделяясь от себя, перетекая в инобытие, каким-то образом остается собой

это бесконечная действенность в ограниченном действии, которая не существует вне мира вещей, но и несводима к нему. Она находится с миром форм в отношении «недвойственности». Судьба вещей и самого бытия в рамках такого мировоззрения заключается не в том, чтобы замкнуться в самоутверждении, а в том, чтобы наоборот рас-

крыться бесконечности вселенского потока со-бытий и в конечном счете – вездесущей и всегда конкретной событийственности.

«Таковость» пребывает вне предметности опыта, знания или действия. Она выступает принципом неисчерпаемой или, как сказано в даосском каноне «Дао-Дэ цзин», «в хаосе завершенной» множе- ➔

→ ственности бытия, великого избытия жизни. «Таковость» – это конкретная целостность существования. Она обуславливает двойственную природу всех вещей, являющих совместность сущего и несущего, присутствия и отсутствия, и сама есть воплощенная антиномичность, ибо она является одновременно предельной конкретностью, принципом самодостаточности каждого момента существования и универсальной природы этой самодостаточности. Поэтому, например, в комментарии танского императора Сюань-цзуна (VIII в.) к 26-й главе «Дао-Дэ цзин» говорится, что «таковость» «одна возносится над всеми вещами».

Словом, в «таковости» все вещи едины именно благодаря их отличию друг от друга. В классическом комментарии Го Сяна к даосскому канону «Чжуан-цзы» (III в.) так и сказано: «Чем больше вещи отличаются друг от друга по форме, тем более они едины в том, что они таковы сами по себе». «Таковость» можно назвать принципом свободной и даже, точнее, взаимно освобождающей совместности всего сущего.

Итак, природа пространства всеобщей событийности или, можно сказать, уместности каждого места – это нескончаемое саморазличие, бесконечно малое различие, дифференциальное уравнение сил. Пожалуй, его можно назвать пространством со-небытийности, ибо в нем всё удостоверяет другое и причастно всеобщности... самоотсутствия, как об этом сказано в чань-буддийской сентенции: «Когда птицы не поют, гора еще покойнее». Птицы никак не связаны с горой, но их молчание внезапно выявляет незыблемый покой громады гор. Физическое увечье властно напоминает об отсутствующей цельности тела. Невидимое, но вездусущее смещение мест, непрерывно обновляющее мир, рождает сильное переживание, погружает в «аффект событийности», который равнозначен пребыванию в сокровенной преемственности жизни и дарует необыкновенную чувствительность духа, позволяет воспринимать малейшие метаморфозы бытия, как гениально показано

Что является прообразом синергии в человеческом бытии? Не что иное, как его самая естественная и неотъемлемая данность: присутствие тела. Конечно, речь идет не о теле в его физическом состоянии, а о теле живом, интроспективно переживаемом, что Морис Мерло-Понти (на иллюстрации) называл *corps vécu*, и потому не поддающемся локализации

Александром Пушкиным в стихотворении «Пророк». В этом мгновении духовной осиянности сходятся бесконечно далекое прошлое и невообразимое будущее, отчего оно связывает сердца глубже и крепче всяких слов. Таково действие синергии, и это действие – или, вернее, бесконечная действенность в конечном действии – имеет сущностно нравственную природу. Соответствие всех вещей возвышается до морально обязывающей ответственности.

Таким образом, синергия в человеческом обществе неосуществима вне нравственного совершенствования. Она открывает бездонную глубину просветленного сознания и дает человечеству пример нравственной прямоты. Синергия – первое условие человечности человека.

Согласно китайской традиции, принцип действия синергии есть центрированность как совместность полярных сил, встреча несходных начал, которые предполагают их взаимное уступление, даже само-

устранение. В моменте центрированности сознание, уступая инобытию, оставляя себя, в действительности пред-оставляет всему быть и тем самым проясняет себя, растет само из себя. Таков смысл «таковости» как производства самоподобия. Так божественный танцор в восточной мифологии, выходя за рамки себя, то есть как бы устраняя себя, отсутствуя в себе, воспроизводит себя и тем самым творит мир в своем танце. Речь идет, конечно, не о повторении, а о преобразении, подобии бесподобного. Точка

центрированности стягивает, вовлекает всё сущее в свой фокус. В ней есть своя ось возрастания качества и своя глубина свертывающегося пространства. Поэтому она бесконечно длит себя поверх течения времени.

Способность чувствовать момент событийности считалась в Китае главным секретом мудрого, ведь она дает власть не то чтобы над миром, но – в самом мире. Мир расцветает в пустыне уединенного, то есть бес-подобного, отличного даже

от самого себя, лишённого идентичности сознания, которое дарует всему полноту бытия, разделявая себя, разделяваясь с собой.

Что является прообразом синергии в человеческом бытии? Не что иное, как его самая естественная и неотъемлемая данность: присутствие тела. Конечно, речь идет не о теле в его физическом состоянии, а о теле живом, интроспективно переживаемом, что Морис Мерло-Понти называл *corps vécu*, и потому не поддающемся локализации. Такое тело выступает прообразом синергетической реальности в следующих аспектах.

Во-первых, живое тело, представляя собой одновременно запрeдельную цельность и чистую выра-

зительность, преломляется в множественность точек, каким и предстает тело в восточной медицине. И цельность, и точки, заметим, недоступны рассмотрению. В этом смысле тело точно воспроизводит природу «таковости» существования. Оно, как говорили китайские учителя боевых искусств, «свершается по сфере», а в предметном мире дает знать о себе как нечто, по слову Фридриха Ницше, «вневременное», плавающее во времени, *das Unzeitige*.

Во-вторых, такое тело всегда отсутствует в себе, являет собой как бы мировую телесность или, если позволить себе игру слов на основе еще одного определения Мерло-Понти, бес-плотную плоть мира как

Кишение уличной толпы, готовность нарушать все публичные правила и законы (разумеется, помимо церемониальных норм) – характернейшие черты китайской жизни, в первую очередь бросающиеся в глаза иностранцам. Этот хаос не отрицает и даже подразумевает высокую степень бытовой самоорганизации социума

«толщу опосредующей среды без вещей».

В-третьих, телесное присутствие предваряет всё сущее и является условием любого опыта и знания. Оно – анонимная мать-матрица мира и потому, будучи относимой к женскому роду, отличается определенной семантической неопределенностью. Китайская традиция говорит о «сокровенной родительнице» мира, что не мешало считать воплощением последней бородатого мудреца Лао-цзы или просто видимый мир.

В-четвертых, тело – и это обстоятельство имело особенно большое значение в традиции боевых искусств – выступает как место встречи, взаимного превращения полярных сил (присутствия и отсутствия, пустоты и наполненности, видимого и невидимого, центростремительного и центробежного и т. д.). Превращения, в котором генерируется имманентная сила жизни. В этом смысле тело является и средством, и средой духовного прозрения, что предполагает отвлечение от предметности тела и вместе с тем вовлеченность в телесное присутствие или, как гласит нарочито двусмысленная формула духовного бодрствования, пребывание в «пределе слушания и видения». Предельная чуткость восприятия уже неотличима от полной отрешенности от него.

В даосском каноне «Дао-Дэ цзин» мы встречаем специальные термины, которые обозначают перечисленные выше аспекты синергии. Призванием мудрого там объявляется «пособление таковости вещей», то есть благоприятствование – по необходимости скрытое – самовосполнению всего сущего. Чрезмерных индивидуалистов мудрец «смиряет первоизданной цельностью» мира, иначе говоря – вводит их в безграничную сферу вселенского резонанса. Наконец, о мудром сказано, что он «жалует всех обратным ходом», или посредством «возвращения к истоку», актом само-оставления пред-оставляет всем свободу жизненных превращений или само-восполнения.

Нетрудно видеть теперь, что пресловутый «азиатский коллективизм» имеет совсем иную природу, нежели коллективизм, свойствен- ➔

Живое тело, представляя собой одновременно запредельную цельность и чистую выразительность, преломляется в множественность точек, каким и предстает тело в восточной медицине. И цельность, и точки, заметим, недоступны рассмотрению. В этом смысле тело точно воспроизводит природу «таковости» существования

→ ный идеологиям западного Модерна (социализму, национализму, либерализму, даже консерватизму). Это не коллективизм, основанный на подчинении трансцендентной идее или принципу, а коллективизм стилиобразующего действия, не требующий подобия форм или идей, хотя он нуждается в строгой унификации самого стиля письма и даже мышления (что хорошо известно на примере великой китайской бюрократии). Подобный кол-

лективизм ничуть не предполагает «идейного единства» вовлеченных в него людей и в повседневной жизни допускает изрядную толику индивидуализма. Недаром сами китайцы называют себя «кучей песка». Кишение уличной толпы, готовность нарушать все публичные правила и законы (разумеется, помимо церемониальных норм) – характернейшие черты китайской жизни, в первую очередь бросающиеся в глаза иностранцам. Этот

хаос не отрицает и даже подразумевает высокую степень бытовой самоорганизации социума.

Таким образом, принцип «таковости» утверждает самодостаточность каждого момента существования. В его свете мир состоит из сингулярностей, которые настолько же тождественны себе, насколько отличаются от себя. Азиатская культура синергии учит быть вместе, не замечая друг друга. В том же Китае часто можно видеть, как на одной спортивной площадке увлеченно играют, не обращая внимания друг на друга, две пары команд. Для них пространство игры и есть «большое тело» социума, в котором все друг другу родные и никто не имеет субъектности. Бытие этих игроков, если воспользоваться китайскими понятиями, разделяется на внутреннее «тело-сердце» и внешнее «тело-тень». То и другое пусто, лишено идентичности и потому неспособно порождать конфликты. Чтобы сделать тело чувствительным и, следовательно, быть успешным во взаимодействии с другими, тело надо устранить, то есть сделать пустотным. Таково главное требование духовной практики на Востоке.

Подлинным основанием подобного отношения к жизни как раз и является ритуальная практика. Именно ритуал утверждает единение его участников в том, что предписывает каждому его индивидуальный статус, и тем самым разделяет их. Ритуал связывает индивидов посредством символической коммуникации и воспитывает в них вкус к безмолвной общительности. Он не позволяет сделать человеческую социальность предметом рефлексии и анализа. В ритуале социум мыслится как «мировая единотелесность», напоминающая «надвременное соборное тело» (Валериан Муравьев) в традиции русских славянофилов или, как уже говорилось выше, «плоть мира» в феноменологии имманентности Мерло-Понти.

Отличительная черта ритуального социума – наличие вертикальной оси возрастания качества, интенсификации опыта, где власть и авторитет зависят от степени внутренней центрированности, динамического покоя духа. Речь идет, как мы уже знаем, о фокусе мирового круговорота, точке вселенской событий-

ственности, в которой все вещи переходят в свое инобытие. Это «место пустоты» и является залогом подлинной общности людей, и связаны в нем люди не мыслями и даже не чувствами, а усилием само-центрирования, «выправления себя», которое, конечно, предполагает постоянное «выправление выправления». Этот поиск безупречной выверенности действия соответствовал высшей «искренности сердца» (и доверию к себе), каковая служила источником «духовной силы», оказывающей неотразимое воздействие на других. Душевный покой мудрого выправляет мир – вот главный завет китайской традиции.

Легко понять, что такое «само-превращение» равнозначно возвращению к началу всего сущего и, следовательно, восстановлению родовой полноты бытия. Мир в китайском представлении есть не что иное, как бесчисленное множество сингулярностей (традиционно именовавшихся «утонченным принципом» вещей), они же – точки самовосполнения или, можно сказать, самотипизации вещей через их рассеивание, самооставление. Социум, творимый силой самопревращения всего сущего, регулируется – точнее, саморегулируется как живое тело – не знанием, а, так сказать, просветленным неведением или, если угодно, забывчивым бодрствованием. В нем всё обретают, всё оставляя. В нем неустраима духовная иерархия, однако последняя исключает противостояние и конфликты между вышестоящими и подчиненными именно потому, что мерой власти здесь оказывается степень уступления, само-потери, которые равнозначны преодолению всего частного и субъективного ради приобщения к всеобщему порядку вещей, безмерной мощи «великого превращения» мироздания. Об этом – известная заповедь Конфуция: «Превозмогайте себя, претворяйте ритуал, и весь мир назовет вас человеческим». Здесь каждый достигает блаженной самодостаточности через преодоление индивидуального «я». И заметим, что ничтожество отдельного человека перед вселенским превращением есть оборотная сторона величия

Конфуций:

«Превозмогайте себя, претворяйте ритуал, и весь мир назовет вас человеческим»

этого человека в его причастности к мировому танцу вещей.

Сказанное позволяет понять природу двухполюсной по виду, а по сути синергичной организации общества и государства в восточно-азиатском ареале и в значительной мере во всем евразийском пространстве. В этой традиции люди едины «по незнанию», и власть представлена непостижимым, непрозрачным для эмпирического опыта и знания «небесным» символизмом имперского правления, которому противостоит столь же недоступная осознанию, необъективируемая стихия повседневности. Оба полюса не находятся в каких-либо формальных отношениях друг с другом, но именно поэтому связаны безусловным единством, тайной, но неразрывной преемственностью, как раз соответствующей принципу синергии. В азиатских традициях эти отношения, часто уподоблявшиеся отношениям между матерью и младенцем с их безмолвным, но непоколебимым взаимным доверием, имели подлинно универсальный характер. Чаще всего они трактовались как отношения между «небесным» и «человеческим» началами бытия или как отношения между отдельными органами тела, которые, выполняя совершенно определенные и уникальные функции в организме, составляют одно нераздельное

целое. Об этом говорится в древней китайской поговорке: «Зубы и губы не действуют друг для друга, но если убрать губы, зубам будет холодно». Речь идет об известных и в западной науке отношениях взаимного «полагания» различных сторон жизнедеятельности организма и психосоматической жизни. Можно вспомнить в связи с этим понятия полагания (*Anlehnung*, *Anaclisis*) у Зигмунда Фрейда и Корнелиуса Кастириадиса.

Власть на Востоке есть, в сущности, право отмечать порядок вселенской гармонии – бесконечно разнообразной и всё преобразующей. Эта власть абсолютна, ибо она происходит из первозданной целостности синергии, предшествующей оппозиции субъекта и объекта, а также всякой предметности. Невозможно ее оспорить и тем более ей противостоять, ей можно только (на)следовать, возводя существование к его родовой полноте. Ее природа хорошо определена в характеристике, данной одному персонажу даосского канона «Чжуан-цзы»: она «направляет течение вещей, храня в себе своего предка». Как видим, «предок» (мировая единотелесность) и явления мира составляют определенную иерархию, но эта иерархия снимается благодаря самоотрицательной природе абсолюта: «предок» целиком переходит в мир вещей, поскольку не принадлежит себе, каждое мгновение «оставляет себя», переходит в «иное». Он есть, по сути, чистая выразительность, чудесное «явление», превосходящее всё явленное. Оттого же мудрый способен незримо, но неотразимо воздействовать на мир, направлять течение событий. И это воздействие тем сильнее, чем сокровеннее его присутствие.

Перед нами мир, который «сокрыт в самом себе», существует в разрыве и пределе опыта, в зазоре вездесущей между-бытности, в собственной складке; мир, где всё на виду, присутствует в другом (и отсутствует в себе), но никто ничего не видит. В таком мире не может быть формального единства. И сама власть в евразийском пространстве предстает в двух как бы несовместимых видах. С одной стороны, власть часто выступает в личине «восточ- ➔

**Власть на Востоке есть, в сущности, право
отмечать порядок вселенской гармонии –
бесконечно разнообразной и всё предвещающей.
Эта власть абсолютна, ибо она происходит
из первозданной целостности синергии,
предшествующей оппозиции субъекта и объекта,
а также всякой предметности**

➔ ного деспотизма», ничем не ограниченного самовластия. В этом качестве она представляет избыточность жизненной трансценденции, соответствующей имперскому началу в политике. С другой стороны, власть сама подчиняется принципу следования и в конечном счете пред-оставления всем вещам свободы быть. Она не вправе вступать в конфронтацию или даже напрямую воздействовать на что-либо, она оправдывается своим инобытием. Эта власть допускает только текучие, ролевые, символические по своей природе идентичности. В сущности, она неотделима от ритуала и самой игры бытия и именно поэтому разыгрывается со всей серьезностью.

Мы видим действие принципа синергии в самом способе глобализации Китая посредством распространения по всему миру так называемых китайских кварталов, или чайна-таунов. Чайна-таун – пространство производства и потребления глобальной китайской мечты, заданная всем строем китайского мировоззрения фабрика подделок-

симулякров в отсутствие подлинников, по определению аполитичная. Его политическая индифферентность воспроизводит природу синергетической цельности как всеместительного (не)схождения, разрыва в потоке жизни. Чайна-тауны везде и всегда находятся с окружающим социумом в отношениях некоего симбиоза, творящих гибридные формы культуры в самых разных областях жизни – от кухни до промышленных брендов. Однако чайна-тауны – лишь продолжение отношений, на которых выстроено само китайское общество и, как легко предположить, ступень к синергичной со-организации цивилизаций в мировом масштабе. Их отношения с внешним обществом, возможно, указывают на характер отношений между двумя метацивилизационными мировыми системами, которые можно назвать евро-азиатской и евро-американской. Отношения между ними будут иметь принципиально неопределенный характер, ибо им суждено остаться невидимыми и даже неопознаваемыми друг для друга.

Надо заметить, что евразийское пространство имеет свою, так сказать, цивилизационную и геополитическую глубину. В нем на бескрайних просторах степей, равнин и лесов отдельные люди и целые народы свободно перемещаются, перемешиваются и легко переходят от крайней враждебности к сердечной дружбе и наоборот. Такова низшая ступень евразийской синергии, которая характеризуется отсутствием устойчивых форм артикуляции человеческой социальности. Дружба русского офицера Арсеньева и «инородца» (выделяю это слово, поскольку «инородец» означает также «единородец») Дерсу Узала – хорошая иллюстрация такого рода спонтанных отношений. В российской цивилизации уже в силу чисто географических факторов очень заметно и сильно наследие этой первичной страты, или ступени, евразийской общности. Россия находится между двумя миротестами и выступает в мире скорее как начало испытующее, бросающее вызов всем цивилизационным нормам. Свойственные русскому менталитету шутовство и пародирование всех идеалов и образцов неотделимо от высшей искренности сердца. Поскольку нормы мышления, культуры или общества всегда в известной мере условны и тем самым благоприятствуют лицемерию, Россия выступает как фактор предельной духовной искренности.

Но Евразия потому и грезила искони о великой империи (полнее всего реализовавшейся в Среднем царстве восточноазиатских народов, которое не равнозначно Китаю), что примитивная свобода общения может быть упорядочена и сублимирована в ритуале – подлинной сердцевине евразийской метацивилизации. Ритуал не отменяет первичной правды человеческой встречи, не подменяет ее метафизическими истинами и религиозными догматами. Он эту правду артикулирует и усиливает, внося в нее нравственный пафос. «Если ритуал утерян, ищите его среди дикарей», – говорил, по преданию, Конфуций.

Евразия не знает трансцендентных принципов, идей, форм, сущностей, которые могли бы служить идеальной моделью или образцом действительности. Евразийский

мир, как уже было сказано, – это плотная сеть узлов, точек скрещения сил, взаимных отражений, одними словом – интерактивное пространство, в котором свершается таинство самопревращения сущего, возрастания качества. В преемственности первоначальной, еще ничем не обусловленной встречи и предельно утонченного, досконально осознанного общения или, говоря языком даосской традиции, «сокровенной сообщительности», которые свершаются до и поверх всех условностей культуры, – секрет устойчивости евразийского мирознания и структурного единства евразийского мира от Балтики до Японского моря.

Таким образом, принцип синергии в евразийском мире имеет три основных измерения.

Во-первых, онтологическое измерение как единство-в-различии, совместность в повсеместно-совместительном месте, событийность всех событий и превыше всего – сущего и несущего, видимого и невидимого, внутреннего и внешнего миров. Синергия утверждает – или, лучше сказать, освобождает – существование всех вещей, возводя его к высшей цельности, которая превосходит оппозицию порядка и хаоса, единого и множественного, ограниченного и безграничного.

Во-вторых, измерение практическое, в том числе политическое. В нем синергия предстает как недвойственность всеобщности символического «небесного» порядка и актуальности повседневного существования. В свете синергийного принципа одно не отличается от другого, хотя то и другое – величины несопоставимые, принципиально несходные. Их общее основание – имманентность жизни «как она есть», что в конечном счете снимает противостояние возвышенного и низменного, священного и мирского и служит благодатной почвой для так называемого бытового исповедничества, характерного для Евразии. Имманентность религиозного идеала благоприятствует отождествлению последнего с человеческими практикой и техникой во всех их формах, что зафиксировано, помимо прочего, в популярной китайской поговорке: «Когда свершится путь человека,

путь Неба свершится сам собой». Другими словами, человеческая практика и есть высшая реальность, что обусловило легкость восприятия западного гуманизма на Востоке в эпоху Модерна с его представлением о человеке как господине космоса и одновременно придало ему «постгуманитарные» свойства, сближающие азиатский «небесный гуманизм» с предчувствием эры «постчеловеческого» на Западе.

В-третьих, историко-культурное измерение. Оно представлено двумя последовательными стадиями, или ступенями, развития евразийского мирознания. Первая из них соответствует свободным формам отношений, регулируемым лишь базовыми практическими или эмоциональными факторами. Россия уже в силу чисто географического фактора представляет в основном именно этот уровень доцивилизационной организации, что определяет ее уникальное место в мировой истории. Вторая стадия характеризуется всё более тщатель-

ной артикуляцией межличностных отношений, основанной на рефлексии об изначально заданной, совершенно естественной связи членов общества. На этом этапе в человеческой практике возникают устойчивые нормативность и иерархия, а также возможность и даже потребность в духовном совершенствовании. Наиболее полно данная стадия развития евразийского мирознания представлена в общем для всех народов Восточной Азии идеале Срединной империи (империи Центрированности!) – идеале культуроцентричном и наднациональном по своей природе.

Нужно подчеркнуть, что социум и сама общественная природа человека в евразийской картине мира конституируются не рациональным знанием сущностей и, следовательно, ясной идентичности всех вещей, а именно разрывом в опыте, пределом знания, сокровенной глубиной складки, которая как раз и позволяет постулировать не-двойственность всего сущего. Евразийский →

Мы видим действие принципа синергии в самом способе глобализации Китая посредством распространения по всему миру так называемых китайских кварталов, или чайна-таунов. Чайна-таун – пространство производства и потребления глобальной китайской мечты

Чайна-таун в Нью-Йорке

В евразийском пространстве отдельные люди и целые народы свободно перемещаются, перемешиваются и легко переходят от крайней враждебности к сердечной дружбе и наоборот. Дружба русского офицера Арсеньева и «инородца» (выделяю это слово, поскольку «инородец» означает также «единородец») Дерсу Узала (на фото) – хорошая иллюстрация такого рода спонтанных отношений

→ мир основан именно на не-знании – или, если угодно, на положительном незнании, – которое является условием спонтанного, истинно творческого действия синергии. Но эта глубина складки соответствует природе сознания и переживается самым непосредственным и внутренне убедительным образом. Синергия есть принцип творческой и в полном смысле слова свободной жизни, не поддающейся формально-логическим ограничениям. Разнообразие хорошо уже тем, что в нем больше истины. А неисчерпаемое разнообразие жизни высвобождается строжайшей дисциплиной само-выправления. Совместность того и другого выражает особый этос открытости бездне жизненных превращений – этос вольной дружбы тех, кто видит жизнь неуклонным уклонением, «благодатной ошибкой».

Взгляд на Евразию в свете принципа синергичности бытия позволяет по-новому оценить одну необъяснимую в западной системе координат особенность политического уклада в евразийском ареале. В западной литературе и особенно политизированной публицистике часто отмечается – не без внутреннего удовлетворения – «одиночество», «изоляция» России и Китая, якобы неспособных создавать устойчивые коалиции и политические союзы. В свете сказанного о главенстве принципа синергии в евразийской картине мира и евразийской геополитике это мнение нуждается, как минимум, в серьезной корректировке. Пресловутое «одиночество» крупнейших дер-

жав Евразии оказывается не чем иным, как следствием того же принципа синергии, заменяющего формальные договоренности «чудесным совпадением» противоположностей, отношениями спонтанной «совместности» и самоорганизации, свободного культурного обмена и взаимопомощи, в широком смысле – ориентацией на согласование, притом исключительно в актуальной ситуации, очень разных сил и ценностей. Общие для всей Восточной Азии принципы внешней политики выражены в древней китайской формуле: «Быть вместе,

не имея союзов». Такая позиция предполагает восхождение от взаимного соответствия в отношениях к нравственно обязывающей ответственности отдельных личностей, народов и государств.

Культурные нормы Евразии показывают, каким образом политика и мораль могут сойтись непосредственно в общественной практике народов. Напротив, западная идея фиксированной идентичности обязывает делить мир на друзей, скрепленных союзническими отношениями, и врагов, наделяемых иной и негативной идентичностью. Западное мышление требует создания политических партий и блоков, тогда как на Востоке политика осуществляется в пространстве неопределенной, но интимно заданной жизненной общности. Отсюда тяготение к партиям «всенародного» типа, даже независимо от характера политического режима (Партия государственного народа, Партия любви к народу, Партия народного действия и т. д.) и порой, как в Корее, с выплесками национального честолюбия (например, Партия великого государства). Россия тоже принадлежит к этому виду политической организации.

Сказанное позволяет сделать три важных вывода относительно при-

На Востоке политика осуществляется в пространстве неопределенной, но интимно заданной жизненной общности. Отсюда тяготение к партиям «всенародного» типа, даже независимо от характера политического режима

Деталь картины «Добрые люди счастливо выбирают правительство». 1950 год

роды и организации грядущего евразийского содружества.

Во-первых, евразийское содружество действительно основывается на совместности и даже, можно сказать, со-вместительности его устройства по известному принципу восточной мысли: «вещи вмещают друг друга», «тьма вещей – как сеть, в которой нет начала» («Чжуан-цзы»). Поистине, разделяя мир, мы на самом деле разделяем нашу совместность.

Во-вторых, между-бытность само-различия утверждает бесконечность в самой конечности всего сущего или, точнее, всего, что бывает. В нем и благодаря ему становится возможной сама освобожденность свободы. В фольклоре русских казаков недаром воспевается «вольная воля», и последняя с неумолимой закономерностью соотносится с пределом человеческой конечности – смертью.

В-третьих, евразийское содружество не нуждается в трансцендентных или просто формальных принципах организации общества и политики. Азиатские общества, не исключая России с ее приверженностью к ритуалистической религии, сплочены не идеями и даже не ценностями, а опытом постижения истоков сознания, которым обеспечивается нерушимое единение людей вне и помимо общественных институтов. Образцом социума синергии является школа как метод и практика передачи опыта родовой полноты бытия (жизненной мудрости) в сообществе индивидуально очень разных учеников. Надо признать, что в рамках синергического уклада отношения между властвующими и управляемыми, посвященными и профанами, учителями и учениками остаются непрозрачными для вторых и регулируются не рациональным знанием, а стихийным доверием наподобие доверия ребенка к старшим в семье. Но это обстоятельство не вызывает конфликтов, поскольку авторитет старших основывается на нравственном усилии «оставления себя», преодоления в себе эгоистических поползновений.

Политически евразийское пространство отличается, можно сказать, глубинной нейтральностью: оно способно вместить в себя самые разные политические режимы –

или, другими словами, имеет метаполитический базис. Событийность и сообщительность указывают путь «из монады в номады», устанавливают связь между «небесным» и «земным» полюсами общественной практики, пред-оставляют свободу проявлениям человеческой социальности, то есть воистину очеловечивают человека. Ибо человек

в конечном счете следование Изначальному. Следование не требует усилий и не терпит произвола. Оно есть архетипический, бесконечно действенный жест, который предваряет или, лучше сказать, предвосхищает всё сущее подобно тому, как в пространстве совместности подобие предшествует сущности. Оно есть форма гармонизации

Евразийское содружество действительно основывается на совместности и даже, можно сказать, со-вместительности его устройства по известному принципу восточной мысли: «вещи вмещают друг друга», «тьма вещей – как сеть, в которой нет начала» («Чжуан-цзы»),
на иллюстрации)

доподлинно становится человеком, когда ему «негде преклонить голову».

Опознание природы евразийского мира станет прорывом в деле выработки универсального, ко всему человечеству обращенного и подлинно человеческого пути развития как сбережения полноты форм жизни. Запад породил активистский, субъективной волей направляемый и по сути насильственный способ управления как использования природного материала, который в своем пределе и в человеке обязывает видеть только расходный материал. Этот путь по определению не может быть всемирным, и опыт России, пожалуй, яснее всего об этом свидетельствует. Стратегия синергии, утверждающая свободную совместность и, как следствие, взаимное высвобождение людей, напротив, возводит всех участников игры бытия к родовой полноте жизни и, следовательно, к бессмертию. Она не «пускает в расход» человека, а напротив, обогащает всех ее делателей и последователей. Действие воистину действенно, только когда оно есть со-действие и

ции и синергии всех уровней и сил бытия (вспомним прекрасное русское слово «чинопоследование»). В основе всечеловеческой цивилизации – или цивилизации всечеловечества – может лежать только такое великое действие, как самосвидетельствование того, что в великих традициях Евразии именуется «мировой единотелесностью», «великим соборным телом» человечества.

В конце концов, главная трудность в опознании и осмыслении природы евразийского единства имеет всецело познавательный характер: открытие Евразии требует необычайно обостренной духовной чувствительности и, следовательно, долгих и методически выверенных усилий духовного совершенствования, присутствия «расширенного», со-вместительного сознания. В евразийском мире человек ценится не в силу каких-то естественных и врожденных прав, а в меру его духовной зрелости. Именно Евразия откликается призыву Ницше превозмочь в себе все «слишком человеческое», чтобы стать... настоящим человеком.

«РУССКАЯ ИДЕЯ»: чего не понимает власть

Много говорится о различных исторических юбилеях. И вот еще одна дата, тоже очень важная в плане интеллектуальной истории России, но пока обделенная должным вниманием. И, по-видимому, этого внимания, судя по властному дискурсу, и не будет проявлено. В этом году исполняется восемьдесят лет со дня выхода в свет работы Николая Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма».

Цивилизационные истоки коммунизма в России

Бердяевым генерировались в течение жизни самые различные идеи, высказывались разные мировоззренческие позиции – философ был достаточно противоречив. Но что касается «Истоков и смысла русского коммунизма», то это одна из

Вардан Эрнестович Багдасарян – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета

самых блестящих его работ и, безусловно, работа, сущностно раскрывающая многое из того, над чем

работали русские мыслители и русские философы на протяжении всей российской истории.

В чем же основной пафос этой бердяевской книги?

Интересно то, что впервые данная работа была издана не на русском, а на английском языке. Уже потом, ближе к окончанию Второй мировой войны, она появилась и на русском языке – когда уже стало ясно, что всё то, что сказано в «Истоках и смысле русского коммунизма», подтверждается и усиливается и что Бердяев в данном случае оказался совершенно прав. Коммунизм – заявлял Бердяев – не привнесенное (как считалось) учение Карла Маркса (это внешняя форма). Он имеет глубинные истоки в самой России, в русской культуре. Бердяев не использовал в том значении, в каком мы сегодня используем, термин «цивилизация», но им подразумевались именно цивилизационные истоки ком-

Коммунизм – заявляет Бердяев – не привнесенное (как считалось) учение Карла Маркса (это внешняя форма). Он имеет глубинные истоки в самой России, в русской культуре

мунизма в России. Коммунизм идет от раскольников, от самого начала российского государствогенеза. Ленин (в бердяевской трактовке) не столько марксист, сколько народник. Он хотя и клеймил народников с позиций марксизма, исторически выступал выразителем той же народнической линии. Большевизм впитал в себя русские цивилизационно-ценностные традиции и идеалы. В связи с этим приведу лишь одну цитату, в которой Бердяев, как бы обращаясь к Западу, говорит, что тот совершенно не понимает происходящего в

Борис Кустодиев. Вступление. 1905 год. Москва. 2. 1905 год

России: «Вместо Третьего Рима в России удалось осуществить Третий Интернационал, и на Третий Интернационал перешли многие черты Третьего Рима. Третий Интернационал есть тоже священное царство, и оно тоже основано на ортодоксальной вере. На Западе очень плохо понимают, что Третий Интернационал есть не Интернационал, а русская национальная идея, это есть трансформация русского мессианизма. Западные коммунисты, примыкающие к Третьему Интернационалу, играют уничижительную роль, они не понимают, что, присоединяясь к Третьему Интернационалу, они присоединяются к русскому народу и осуществляют его мессианское призвание. И это мессианское сознание, рабочее и пролетарское, сопровождается почти славянофильским отношением к Западу». Это высказывание соотносится и со сталинскими словами, сказанными о большевиках-славянофилах. То есть, по видимому, были еще и большевики-западники, с которыми большевики-славянофилы вели борьбу внутри партии.

Мне впервые удалось прочитать книгу Бердяева в 1990 году. Книга буквально меня перевернула, пришло понимание того, что в ходе горбачевских реформ низвергаются не марксизм и не коммунистическая идеология, а, если считать, что русский коммунизм заложен в фундаменте русской цивилизации, низвергается под видом демонтажа коммунизма сама Россия. Так действительно и случилось. Последовал 1991 год, и демонтаж коммунистической идеологии обернулся демонтажем Советского Союза.

Методологические основания Бердяев продолжил тему. В 1946 году вышла его книга «Русская идея», где он развернул сформулированные ранее положения. «Русская идея» – это та тема, с которой русская национальная философия вышла на уровень мирового философского интеллектуального дискурса и внесла в него свой основной вклад. На уровне властей мало что об этой теме знают, мало кто в ней разбирается, хотя цитиро-

«Истоки и смысл русского коммунизма» – это одна из самых блестящих работ Николая Бердяева (на фото), безусловно, сущностно раскрывающая многое из того, над чем работали русские мыслители и русские философы на протяжении всей российской истории

вание представителей эмигрантских философов, обращавшихся к «русской идее», очень популярно. Используются яркие цитаты, в том числе и бердяевские, но политика реализуется прямо противоположная воззрениям цитируемых мыслителей.

О самом понятии «русская идея» впервые заявил Федор Достоевский, и с апелляцией к Достоевскому осмысление этого вопроса в значительной степени и осуществлялось. Следующая принципиальная веха – это работа Владимира Соловьева, непосредственно называвшаяся «Русская идея». И тоже, что характерно, первоначально она вышла не на русском, а на французском языке. Вначале как бы пояснялось Западу, что такое «русская идея», – и уже только потом происходила ее «русская конвертация». Темы «русской идеи» так или иначе касались фактически все, кого принято относить к философам Серебряного века. Попробуем разобраться и мы, что

такое «русская идея», как к ней относиться, какая методология связана с ее раскрытием и постижением.

Вначале вопрос о методологии. В методологическом плане, если говорить о гуманитарных науках, о гуманитарном сознании, сталкиваются две мыслительные парадигмы, две традиции. Они в значительной степени определяют цивилизационную полемику и между православием и католицизмом, и, в конечном итоге, между Россией и Европой. Это линия Платона и линия Аристотеля.

Точка опоры для Аристотеля – это вещь, материальный объект. Отсюда индукция как основной аристотелевский метод познания.

Исследователь аристотелист идет по пути изучения объектов, после чего приходит к некоему генерализующему обобщению. Мир трансцендентный, мир идей для аристотелевской философии не является необходимым компонентом. К Аристотелю во многом восходила и католическая схоластика. На аристотелевском миропонимании в значительной степени и дальше выстраивается западная цивилизация.

Византия (а от нее и Русь) выстраивалась в соответствии с линией Платона. Точка опоры для Платона – это не вещь, а эйдос, чистая идея. Эйдосы первичны по отношению к объектам. Постигая первоначально идею, исследователь далее экстраполирует достигнутое понимание на конкретные объекты. Отсюда у Платона дедуктивный принцип вместо индуктивного у Аристотеля. Отсюда платонический поиск (сам Платон заложил основы этого поиска) идеального жизнеустройства. Отсюда, как политическая проекция, идеократия, то есть власть идеи, – та самая модель государственности, которая исторически была свойственна России.

«Русская идея» не может быть понята и адекватно воспринята без историософии. Не просто истории, а именно историософии, то есть ценностно-смыслового рассмотрения исторического процесса. Необходимо дать ответы на вопросы: куда идет мир, куда идет человечество, куда идет, в конечном итоге, Россия? И «русская идея» в этом ➔

Кузьма Петров-Водкин. 1918 год в Петрограде. 1920 год

**«Русская идея» не может быть понята
и адекватно воспринята без историософии.
Не просто истории, а именно историософии,
то есть ценностно-смыслового рассмотрения
исторического процесса**

→ отношении – это миссия России в мире. Зачем Россия существует в мире, что она миру должна предъявить? Только в контексте историософии возможна сама постановка этих вопросов.

Три подхода к сущности «русской идеи»

Откуда берутся эти смыслы? Кто их генерирует? Ответы мыслителей, связанных с дискурсом «русской идеи», были различны. Первый подход сформулировал Владимир Соловьев. «Русская идея», согласно ему, это выражение замысла Божьего. Это то, что Бог задумал в отношении России. Свой замысел есть и в отношении других стран и народов – «немецкая идея», «английская идея», «французская идея» и т. д. Человек может постигнуть такой замысел лишь через откровение, эвристическое озарение.

Но соловьевская линия объяснения не единственная. Другой подход состоит в понимании «русской идеи» как идеала. Это то, что думают о себе русские люди, каким русский народ исторически желал себя видеть. Это можно сформулировать и как «русскую мечту».

Если есть мечта «американская», то, соответственно, почему не может быть мечты «русской»?

К достижению идеала народ стремится в своей идентичной истории. И, по большому счету, что такое развитие? Всегда, когда рассматривают категорию «развитие», возникает много вопросов, связанных с определением его критериев. Оказывается, что у каждого человека может быть свой критерий и в каждой культуре он также свой. Но в каждой культуре есть и свой идеал. Развитие в этом понимании есть движение от реального к идеальному, к тому идеалу, который соответствующий социум целелолагает для себя.

Итак, первый подход связан с Богом, второй – с историческим сознанием народа, а третий – с материальными средовыми условиями существования. Каждый народ, в том числе и русский, исторически формировался в определенных средовых условиях: соответствующая природная среда, соответствующее внешнее цивилизационное окружение. В российском случае – это иноцивилизационное окружение, определяющее перманентную угрозу

цивилизационных войн. Применительно к природе – это огромная русская равнина и континентальный климат. Все это предопределяло особенности менталитета. И в данном понимании национальная «русская идея» – это выражение оптимума существования на данной территории, в данных исторических цивилизационных реалиях. «Русская идея» сообразно с третьим подходом – это как жить русскому народу в российских условиях месторазвития.

«Русская идея» как идея солидаризационного развития человечества

В чем же сущность заключается «русская идея»?

Несмотря на то, что различались подходы в отношении того, откуда берется эта идея, различались зачастую язык и аргументация, но – удивительное дело! – все мыслители (с разными позициями, с разными оценочными характеристиками по отношению к власти, в том числе по отношению к СССР и по отношению к дореволюционной России) сходились в понимании того, что есть «русская идея». Концентрированно ее можно сформулировать как идею солидаризационного развития человечества. Здесь важна каждая составляющая, каждый компонент этой формулы.

Солидаризация (солидаризационная составляющая) – эквивалентом ее является выдвинутое еще в XIX веке понятие «соборность». Соборность – это особое духовное единение. Это даже не просто социализм как преобладание и приоритетность общего (социума) над частным (индивидуумом). Это даже не просто коммунизм как общность по форме – коммуна. Это нечто большее – общность в духе. Идея солидаризации – это идея коллективизма, но усиленная духовной ориентированностью. Не просто коллектив, а коллектив, одержимый духовными идеалами.

Если мы говорим «солидаризационное развитие человечества», то подразумевается, что солидаризируется не один народ или нация (это путь национал-социализма), а объединяются вокруг «русской идеи» все народы. Это ее мессианский компонент.

Что такое мессианство? Много негатива было распространено в

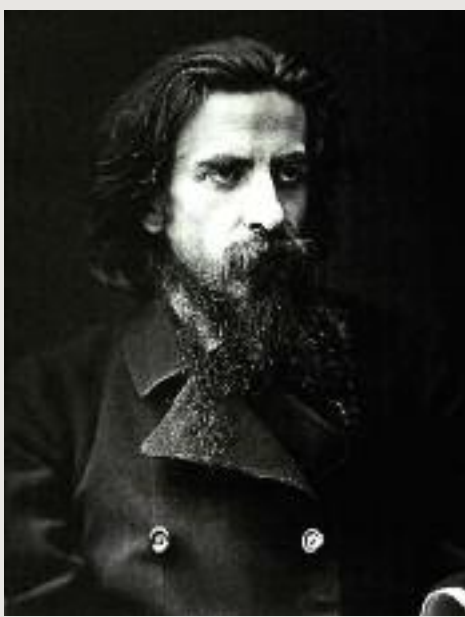
отношении русского мессианства. На Западе, например, в плане русофобской критики мессианство начинало соотноситься с русским империализмом. Но в мессианстве содержалась прямо противоположная идея. Мессианство этимологически производно от понятий «мессия», «спаситель». Мессианская идея – это идея спасения человечества. На основе идеи солидаризации спасти человечество от эрозии расчеловечивания. И здесь принципиально важно не господство, а именно спасение. Мессианство – концепт, прямо противоположный идее мирового господства.

Сегодня мы фиксируем очередное обострение геополитического противостояния России и США. У США тоже есть национальная идея, обращенная в мир («американская идея»), – это идея мирового доминирования («град на холме», который возвышается над остальным миром). «Русская идея» принципиально иная: не доминировать, не господствовать, а спасать – спасать даже зачастую через самопожертвование.

Солидаризационное развитие – тут речь идет не просто о бытии, пусть даже на основе коллективистских форм. На основе коллективистских принципов существовали многие традиционные сообщества. Так и по сей день живут племенные объединения. Но самого по себе коллективизма недостаточно. Вопрос стоит о развитии. Возникает, соответственно, идея развития на основе солидаризации.

Запад предложил свою модель развития, которая претендовала на универсальность. Было заявлено, что развиваться можно только за счет конкуренции. Только конкурируя друг с другом, субъекты, государства и экономики могут развиваться. Без конкуренции будто бы ничего добиться нельзя. В критике Советского Союза это являлось основным доводом: в СССР якобы не было конкуренции, потому он и распался.

Россия предложила другую идею. «Русская идея» заключалась в том, что развиваться можно иначе – не на основе конкуренции, а именно на основе солидаризации.

По мысли Владимира Соловьева (на фото), «Русская идея» – это выражение замысла Божьего, который человек способен постигнуть лишь через откровение

Что такое развитие в западном понимании? Человек – это индивидуум (индивидуум буквально – атом). Индивидуум не меняется, меняться может среда. Развитие рассматривается как изменение среды вокруг тождественного человека. Появляются новые технические средства (айфоны, смартфоны), создаются новые технологии – не развивается только человек. В реальности же человек при совершенствовании технической среды нравственно деградирует.

У России другая модель развития: развивается прежде всего человек, а уже дальше – измененным человеком – может преобразовываться и техническая среда. Эта идея заложена еще в православной культуре – в идее преображения. Идеи преображения не было в католическом богословии, не получила она должного раскрытия и в западной мысли в целом.

Идея преображения была, впрочем, на Востоке. Но что такое преображение в восточном понимании? Отшельник (мудрец) уходит от мира. Пребывая в отшельничестве, он преображается, обретает

свое новое существование. Получается, что преображение – это удел монаха, удел человека, уходящего от мирской суеты.

Россия же привнесла – и в этом третий компонент «русской идеи» – идею социального преображения. Преображение не избранных, а преображение всего социума на основе привнесения новой идеи. Одухотворение социума через реализацию системы идеократии.

Взгляд со стороны

Помимо русофобского направления на Западе существовало и русофильское направление. Западные мыслители, которые занимались рассмотрением русской культуры, приходили к тем же выводам в оценке того, что собой представляет «русская идея». Пожалуй, наиболее емкую формулу «русской идеи», русского историко-культурного типа дал Освальд Шпенглер. Им была предложена следующая формула: «Россия есть апокалиптический бунт против античности». Может возникнуть недоумение – что за бред? Какая еще античность? Причем тут апокалиптический бунт? Где вообще всё это есть в русской мысли? И здесь необходимо пояснить афористический язык Шпенглера. В формуле «апокалиптический бунт против античности» содержится несколько составляющих.

Во-первых, апокалиптика. Это идея будущего – и не просто будущего (как кратко-, средне- и долгосрочного прогнозирования), а будущего финального. Будущего, где разрешается принципиальный (для любой культуры и для мира в целом) вопрос борьбы добра и зла, будущего, где в апокалиптике развертывается драма Армагеддона, извечного противостояния сил света и тьмы. «Русская идея», таким образом, акцентирована не на настоящем, а на образе будущего.

Во-вторых, бунт. Создан миф, что чего-чего нет у русских, так это идеи свободы. Вот, мол, есть свобода на Западе, а у русских она ментально отсутствует. Но в «русской идее» есть даже более акцентированно, более емко и глубинно выраженная формула свободы – это идея воли. Это идея свободы абсолют- ➔

Альфонс Муха. Из цикла «Славянская эпопея». 1926 год

«Русскую идею» концентрированно можно сформулировать как идею солидаризационного развития человечества. Идея солидаризации – это идея коллективизма, но усиленная духовной ориентированностью. Речь идет не просто о коллективе, а о коллективе, одержимом духовными идеалами

→ ной. Это восстание против любых форм. Русский бунт может быть и восстанием против существующей государственной власти, но может быть и восстанием против тех форм (даже вместе с этой властью), которые устанавливаются как мировой порядок. Поэтому бунт – очень русская тема. Но против чего бунтует русский человек?

В-третьих, против. Это очень важное слово. «Русская идея» оппонировала «западной идее» – западному проекту, западной претензии на мировую гегемонию. Через «русскую идею» заявлялось миру, что возможно иное, что альтернатива существует. Никакая другая культура – ни китайская, ни индийская, пусть и со своей спецификой, – глобального альтернативного проекта не выдвигала. Был проект западный, существующий по сей день и предъявляемый миру как

универсальный западный путь развития, и был русский проект – проект альтернативный.

В-четвертых, античность («против античности»). Причем тут античность? Очень важен смысл, вкладываемый Шпенглером в это понятие. Античность, согласно ему, была построена на идее индивидуализма. Представление о человеке-индивидууме идет с античных времен. И вот против этого человека-индивидуума, против связанного с ним мира плотского, индивидуального, вещественного и материального (в конечном итоге) и восставала «русская идея». Идее индивидуализма противопоставлялся коллективизм, всечеловеческая соборная солидаризация.

«Западная идея»

Запад во все времена (это можно исторически проследить) и в раз-

ных формах артикулировал идею конкуренции, идею борьбы индивидуумов, стран, государств и народов друг с другом.

Католический проект. В чем его смысл? От святого Августина идет гипертрофированно воспринятая на Западе идея предопределенности. Предусловлено, кто будет богоизбранным, и кто – богоотверженным. Одни спасутся, другие неизбежно погибнут. Человечество делится на эти две группы. Люди как бы уже изначально конкурируют за вход в рай. В православии этого принципиально нет. Православие вместо индивидуального спасения утверждает идею спасения всем миром.

Просветительский проект. Идеология просветительства сводилась к следующему представлению: есть цивилизованный мир, культура, а есть люди вне культуры – дикари, варвары. И либо народ входит в сообщество народов культурных, либо он находится в дикарском, варварском состоянии, и тогда его надо цивилизовать, используя в том числе не только культурные, но и силовые, военные инструменты.

Либеральный проект. А что собой представляет либеральный проект? Мир является полем глобальной конкуренции: в нем есть успешные и есть неуспешные. Если ты выигрываешь в конкурентной борьбе – ты успешный, если проигрываешь – ты неуспешный. Та же самая тема избранных и отверженных, но только на другом идеологическом языке.

Социал-дарвинизм. В социал-дарвинизме акцентировалась идея борьбы за существование. В этой борьбе есть победители (и они составляют ту группу, которая несет дух эволюции) и эволюционно проигравшие. И сам Чарльз Дарвин (хотя говорят про Герберта Спенсера, перенесшего это понятие на социум) вполне четко переносил свою теорию о борьбе в животном мире на народы, и слово «расизм» к дарвинизму вполне применимо. Дарвином устанавливалась иерархия народов, иерархия рас, где высшие должны господствовать над низшими. На этой основе далее возникает уже фашистский проект.

Фашистский проект. В теории германского национал-социализма

есть расы сверхлюдей, а есть недолюди. Между расами идет глобальная борьба за расовое господство. Одни в этой борьбе побеждают, другие проигрывают.

И наконец, неолиберальный (современный) проект. Есть постиндустриальное общество, свободный мир, а есть культурная архаика, которая не идет по западному универсальному передовому постиндустриальному пути развития. Она существует как-то иначе, и, соответственно, на нее накладывается маркер отсталости. Как мы видим, во все времена «западная идея» была идеей конкуренции, выражаемой тем или иным образом.

«Русская идея» наоборот во все времена была идеей солидаризации. Это привнесенная православием тема соборного спасения, это та же тема соборности, которую поднимали славянофилы, это общинный социализм, с чем шло народничество, это большевизм с коммунистической моделью развития, это... Хотелось бы продолжить, но вот тут в проекции по отношению к современной России возникает некий сбой, некое принципиальное противоречие в отношении всей российской истории. Но об этом ниже.

Западные учения на русский лад

Еще один интересный феномен. Очень много идеологических и научных концептов привносилось в Россию из Европы (с Запада). На судьбу этих концептов уже обращали внимание авторы сборника «Вехи». Западные концепты перетолковывались в России на русский лад. И в результате такого перетолковывания все равно конструировалась «русская идея».

Гегельянство. В чем состоял социальный пафос философии Гегеля? Это освобождение человека. В ходе исторического развития познается идея свободы. Начинается развитие с Востока, где свободы минимальны, дальше мировой дух перемещается на Запад, где и создается общество свободного человека.

Что привнесло русское гегельянство? Финал истории у русских

Наиболее емкую формулу «русской идеи», русского историко-культурного типа на Западе дал Освальд Шпенглер (на фото), писавший: «Россия есть апокалиптический бунт против античности»

гегельянцев был совершенно не гегелевский. Опираясь на Гегеля, они вели борьбу за социализм (чего у немецкого философа принципиально не было). Русские гегельянцы вместо идеи освобождения человека-индивидуума выдвигали идею солидаризации людей. Авторы «Вех» писали, что, наверное, Гегель перевернулся бы в гробу, когда б узнал, что сделали из его учения русские последователи.

Дарвинизм. Борьба за существование как двигатель эволюции – это базовое положение учения Дарвина. И дарвинизм прежде всего связывался с этим положением. Русские эволюционисты (с опорой на Дарвина) провозглашали иное: солидаризация как двигатель эволюции. Дарвин парадоксальным образом оказывался предтечей идеи социализма.

Нигилизм. На Западе нигилизм состоял в отрицание любого позитивного знания. Русский нигилизм (можно вспомнить образ нигилиста, созданный Иваном Тургене-

вым) утверждал некое новое эволюционное знание. Западный нигилист отвергает любое знание – русский нигилист провозглашает новое знание. Очевидно, что русский нигилизм уже нигилизмом в западном толковании не являлся.

Ницшеанство. Еще одним привнесенным в среду русской интеллигенции европейским учением являлось ницшеанство. Ницшеанцем, к примеру, был Максим Горький. В ницшеанстве в центре находился сверхчеловек, трактуемый как аморалист. Ницшеанский сверхчеловек попирает общественную мораль. Русское ницшеанство несло идею сверхчеловечества как коллективного преображенного человечества. Сверхчеловек в интерпретации русских ницшеанцев – это обществен-

ный человек. Речь у русских ницшеанцев шла о социуме в целом, а не об отдельном индивидууме, противостоящему социуму.

Марксизм. Переход к социализму в результате борьбы пролетариата и буржуазии – базовая идея марксизма, выраженная еще в «Манифесте Коммунистической партии». Капитализм определялся строем, при котором с одной стороны класс буржуазии, а с другой стороны класс пролетариата.

Что привнес русский марксизм? Оказывается, через некоторые этапы в социальной эволюции можно и перепрыгнуть, и необязательно, в частности, проходить фазу капитализма. Можно построить новое социалистическое общество и на основе традиционного института русской общины. Понятно, что сама модель перехода к социализму как проявления максимального расщепления на два класса – буржуазию и пролетариат – принципиально ломалась в таком перетолковывании. В результате социалистическая революция была организована в стране с преобладанием крестьянского населения.

Геополитика. В настоящее время широкой популярностью в России пользуется геополитика. Она преподается в вузах, по ней издаются учебники, защищаются диссертации. Геополитика в Россию также, как известно, была импортирована с Запада. Но что такое геополитика →

Александр Дейнека. Стахановцы. По Сталинскому пути. 1938 год

Русское ницшеанство несло идею сверхчеловечества как коллективного преображенного человечества. Сверхчеловек в интерпретации русских ницшеанцев – это общественный человек

➔ на Западе? Геополитика выстраивалась на представлении о предопределенности борьбы государств фактом их географического положения. Есть определенная географическая среда, и она задает политические ориентиры соответствующих государств.

Русская геополитика сегодня – это совсем другое учение. Она заявляет приоритетность духовных ценностей, идею солидаризации – опять-таки! – человечества. В западной геополитике тон принципиально задает география. Духовный компонент тут неважен, а важно географическое положение, материальный фактор. Не идет в ней и речи о солидаризации человечества. В классической геополитике есть принципы геополитической борьбы: атлантизм и континентализм будут неизбежно бороться друг с другом, и их противостояние задано самой географией. Русская геополитика является в этом смысле отрицанием геополитики классической.

**«Русская идея»
и современная Россия**

А как обстоит дело с обращением к «русской идее» в современной России? Сегодня ни одна из политических сил «русскую идею» не

несет, никто ее политически субъектно не выражает.

Либералы? Они отвергают ее в принципе. Либералы – индивидуалисты, никакой солидаризации в постановке вопроса у них просто не может быть.

Может быть, националисты? Но солидаризационного развития человечества националисты принять не могут. Для них солидаризация ограничена рамками своей нации. Не могут они принять и идею мессианства. На то, чтобы спасти другие расы или нации, солидаризироваться с ними, националисты категорически не пойдут.

Если «русскую идею» считать аккумулятивным выражением того, что Россия несла в себе идеального, то националистическая программа не имеет русских корней. Если либералы обращались к одной части западной мысли, то националисты также импортируют западные идеологемы, но только взятые с другого фланга. И в том и в другом случае наблюдается диссонанс с «русской идеей».

Ну и, наконец, власть. Сама тема солидаризационного развития человечества во властном дискурсе отсутствует. Ее нет ни в одном из направлений государственной политики.

Хорошо еще то, что хотя бы сама тема национальной идеи признана допустимой. Но что получается при попытках сформулировать национальную идею? И насколько эти формулировки соотносятся с тем, что подразумевается под «русской идеей»?

Первая попытка имела место в 2004 году. На высшем властном уровне была предложена следующая формулировка: «Нам нужно быть конкурентоспособными во всем, человек должен быть конкурентоспособным. Город, деревня, отрасль, производство и вся страна – вот это и есть наша основная национальная идея сегодня». «Быть конкурентоспособным»? Но позвольте, это же как раз «западная идея». Конкуренция, конкурентоспособность, «быть конкурентоспособным» – это то, с чем исторически, как было показано выше, всегда шел Запад и в отношении чего выдвигалась русская альтернатива.

Дальше была новая попытка выдвижения национальной идеи. Было сказано, что «наша национальная идея – патриотизм». Безусловно, само по себе обращение к патриотической теме принципиально важно. Но возникает вопрос: правильно ли патриотизм называть российской национальной идеей? Любой народ патриотичен. Для любого человека свойственно любить свою Родину. Нельзя сказать, что русские – патриоты, а скажем, американцы или китайцы патриотами своей страны не являются.

А в чем же тогда специфика российской национальной идеи? Где та идея, которая отличает именно Россию, выражает именно «русскую мечту», русское послание в мир? Это не раскрыто, и от самой постановки этих вопросов бегут под прикрытием «общепризнанных принципов и норм международного права».

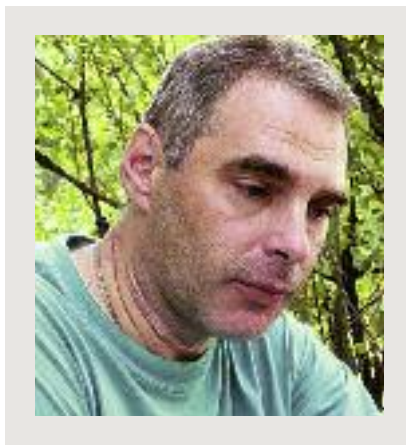
И, конечно, сегодня встает принципиальный вопрос. Можно обратиться к русским мыслителям: понять, выразить, сформулировать, донести, что есть «русская идея». Но кто выразит политически эту «русскую идею», кто в соответствии с этой ценностно-смысловой парадигмой будет осуществлять политику, практически ее воплощать в жизнь? Это вопрос принципиальный.

Портолан второй четверти XVI века. Черное море

Культурно-исторические зоны РОССИИ И ЕВРОПЫ

О тветы на вопрос «что такое цивилизация?» составляют крупнейшую литературу. Внося в нее свои «пять копеек», отмечу, что, на мой взгляд, цивилизация есть некое своеобразное «гравитационное поле», или же «поле тяготения», лежащее на той или иной географической территории, являющейся цивилизационным месторазвитием. Это как своего рода магнитное поле, которое человек не способен ни пощупать, ни увидеть, но убедиться в его существовании может весьма легко. Достаточно на лист бумаги, под которым расположен магнит, бросить щепотку металлической стружки, и она образует на этом листе определенный узор, соответствующий силовым линиям магнитного поля. Мощь магнитного поля не

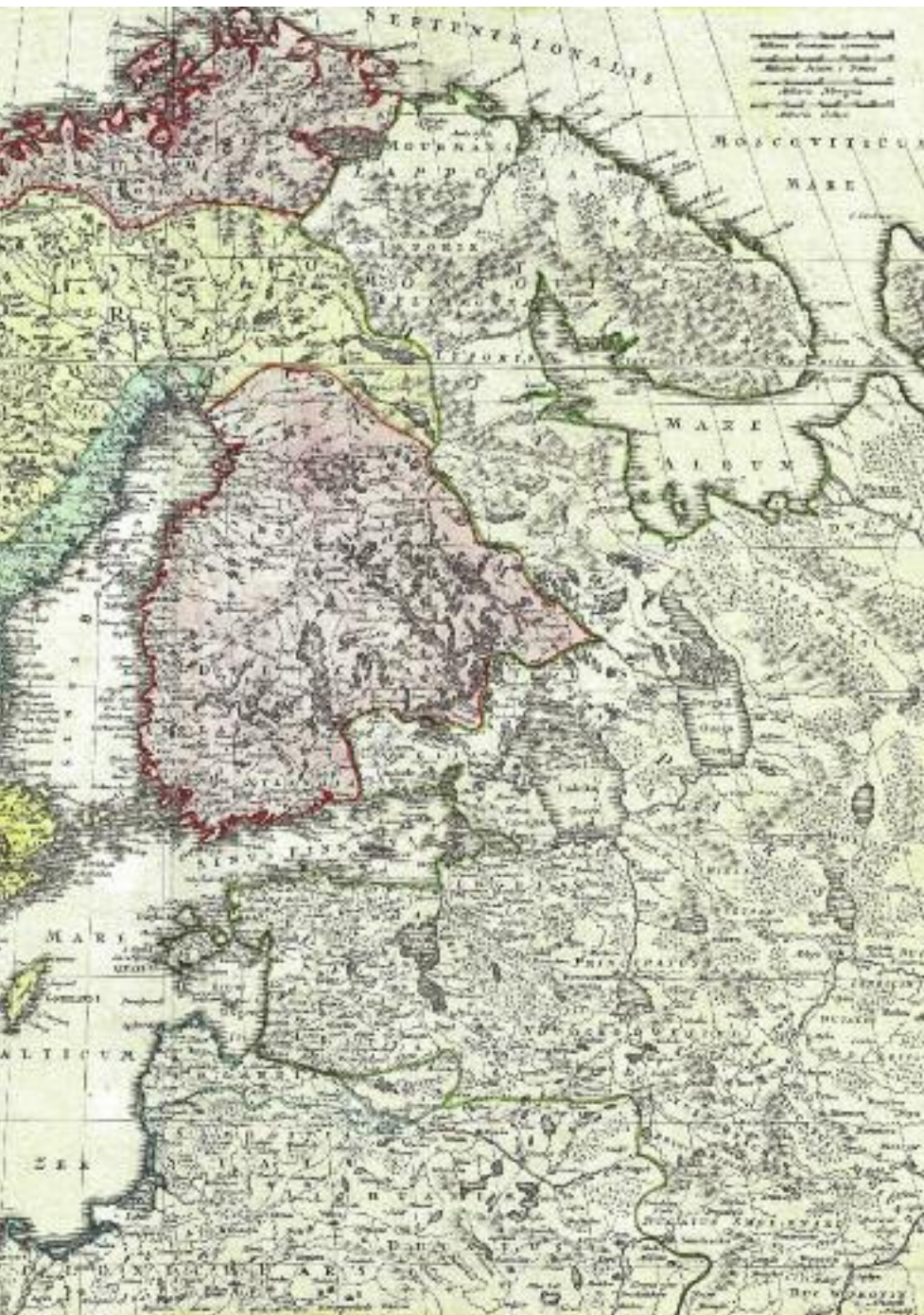

Станислав Витальевич Хатунцев – кандидат исторических наук, историк, публицист

абсолютна, ее не стоит переоценивать: стружку в нашем примере несложно сдвинуть деревянным карандашом или эбонитовой палочкой. Но и недооценивать ее тоже не следует: как только действие внеш-

ней силы заканчивается или становится более слабым, нежели воздействие магнитного поля, стружка на листе бумаги вновь подчиняется его объяснимой с точки зрения возникшей в Новое время физики невидимой «магии». Действие цивилизационного поля во многом подобно действию поля магнитного: внешние (а также внутренние) силы время от времени меняют положение фигур на цивилизационной доске, но силы эти непостоянны, а вот магнетизм самого поля следует рассматривать как непрерывно действующий фактор.

Цивилизации, культурно-исторические миры – в частности, европейский и российский (или, если угодно, российско-евразийский) – можно описать как концентрические структуры. Первым их элементом является полоса земель, представляющая собой культурно-географическую границу, отделяющую одну цивили-

Фрагмент карты около 1715 года. Балтийское море и прилегающие земли

→ зацию от другой. Назовем эту полосу цивилизационным лимесом, или же просто лимесом. Поскольку цивилизации имеют природу скорее полевую, нежели корпускулярную, то есть представляют собой не столько некое единое тело, сколько культурно-историческое поле, лежащее, как уже говорилось, на соответствующем поле географическом, выступают своеобразным культурно-географическим континуумом, сходящим на нет на периферии, но все более уплотняющимся по направлению к центру, то и цивилизационный лимес отнюдь не всегда можно представить

в виде узкой и четкой линии: это скорее специфическая контактная зона шириной от нескольких десятков до нескольких сотен километров.

Второй элемент цивилизационной структуры – пояс примыкающих к границе-лимесу территорий, в пределах которого происходят зарождение, активная борьба и вытеснение, а также интеграция и синтез сюжетов, культурных, исторических, геополитических и т. д. парадигм, форм и элементов, присутствующих соседним цивилизациям. Переходность для данных пространств является основной реаль-

ностью, главным, системообразующим свойством. Такого рода пространства можно обозначить как лимитрофные земли. Благодаря тому, что на практике отделить цивилизационный лимес от лимитрофных земель, как правило, не всегда возможно, целесообразно рассматривать оба элемента совместно, в единой категории лимитрофных пространств. Всю эту зону можно сравнить с речной поймой, в пределах которой петляет изменчивое русло реки. В данном случае река символизирует лимес, цивилизационную границу, а пойма – лимитрофные пространства в целом.

Третий элемент – это полоса примыкающих к лимитрофным землям (лимитрофным пространствам) территорий, в чьей традиционной – нормативной – культуре формы и комплексы, происходящие из соседних цивилизаций, играют заметную роль, однако прослеживается доминирование коренных, автохтонных культурно-исторических сюжетов и форм, свойственных цивилизации данной. В отличие от лимитрофных пространств, земли этого пояса имеют лишь некоторые, в целом второстепенные признаки переходности, контактности, пограничности. Полосу земель, его составляющих, мы назовем лимбом.

Четвертый и последний элемент цивилизационной структуры представлен территориями, находящимися за лимбом. Это земли, в самобытной и оригинальной культуре которых иноцивилизационные комплексы, сюжеты и парадигмы существенного значения не имеют. Такие пространства составляют опорный ареал, платформу цивилизации, ее устойчивое ядро.

Далее я предлагаю свое видение, свою, возможно, чересчур субъективную картину того, как все названные выше зоны выглядят на карте российского и европейского цивилизационных месторазвитий. Картина эта никоим образом не является окончательной, безапелляционной, напротив, она открыта для критики и поправок. Здесь автор дает ее финально-оценочно, перечислительно-описательно, как бы в готовом виде, не рассматривая аргументов за и против. В силу изложенного выше он вообще сомневается в том, что можно выработать

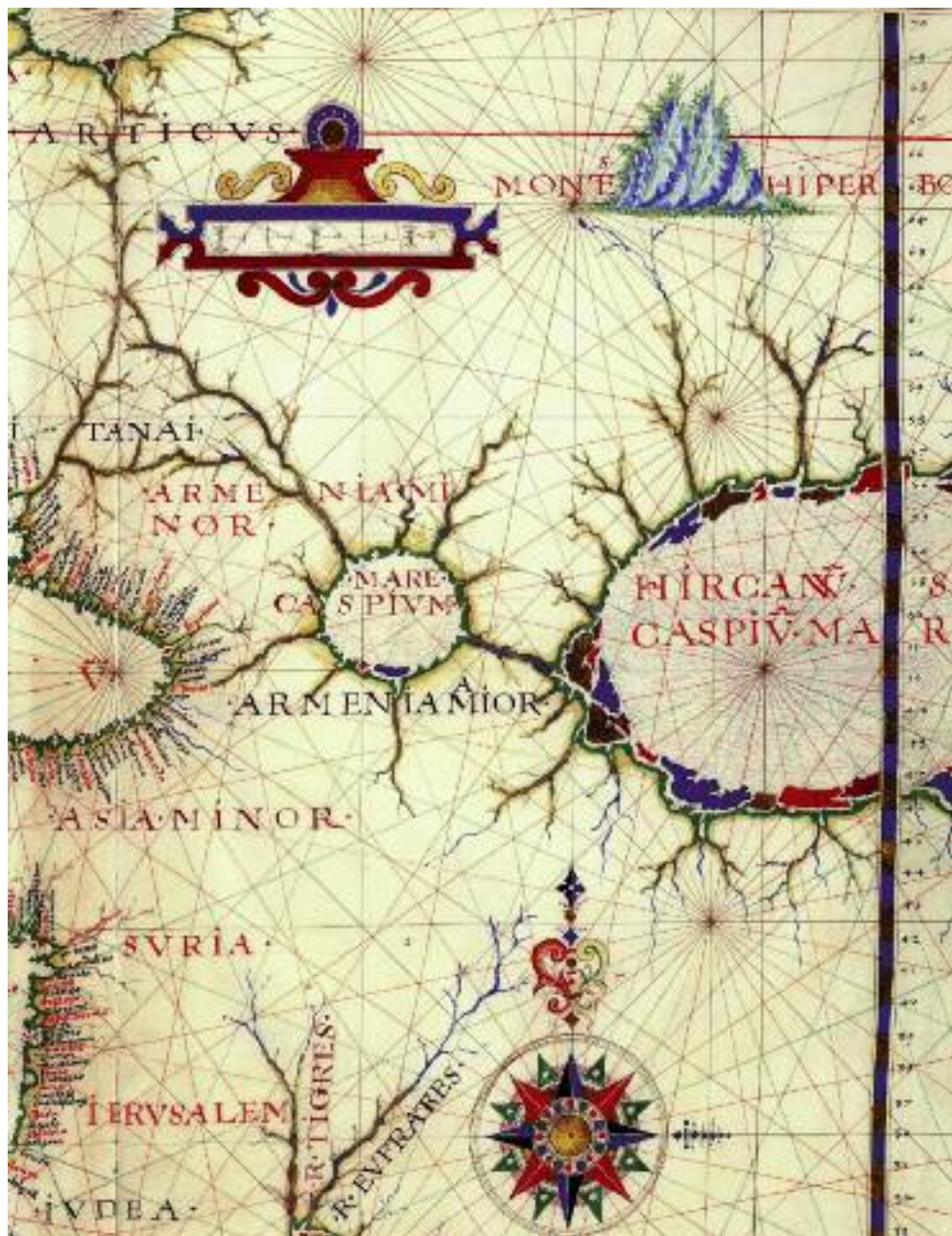
абсолютно четкие, недвусмысленные и однозначные культурно-исторические и географические критерии отнесения того или иного региона к одной из четырех зон цивилизационной структуры.

Лимес российского культурно-исторического мира связывает российско-евразийский континуум с другими цивилизациями Старого света – европейской, афразийской (арабо-персидской) и восточноазиатской. Границы российско-евразийского мира в среднем своем приближении достаточно близки к государственным границам Российской империи и СССР.

Лимесом российской цивилизации можно считать полосу, примерно совпадающую с пограничной зоной между РФ и Финляндией, далее идущую по части Прибалтики к границе Литвы с калининградским анклавом (за исключением Мемельской области) и по ней, через Восточную Польшу, спускающуюся к Карпатам и следующую по карпато-балканской дуге до побережья Черного моря, а от него – к Кавказу.

На Кавказе лимес российской цивилизации пролегает между Большим Кавказским хребтом и нагорьями Передней Азии – Малым Кавказом и северо-западным углом Иранского нагорья – до Каспия, далее Каспийским морем идет к Красноводску, следует по Копетдагу с его предгорьями, хребту Сафед-Кох, нагорью Хазараджат, Гиндукушу и через Памир выходит к Тибетскому нагорью. Северную границу Тибетского нагорья и границу Внутренней Монголии с собственно китайскими провинциями и с Маньчжурией можно признать продолжением российского лимеса.

Но в Северной Маньчжурии – в китайском Приамурье, – а также в Приморье и в Приамурье российском эта культурно-историческая и географическая структура едва ли не размыкается, попадая в особое пространство, не охваченное устойчивой, тысячелетней историей цивилизационного бытия (наиболее общепризнанные критерии этого цивилизационного бытия, понимаемого как определенная ступень и стадия развития общества, – наличие у тех или иных народов на тех или иных территориях произво-

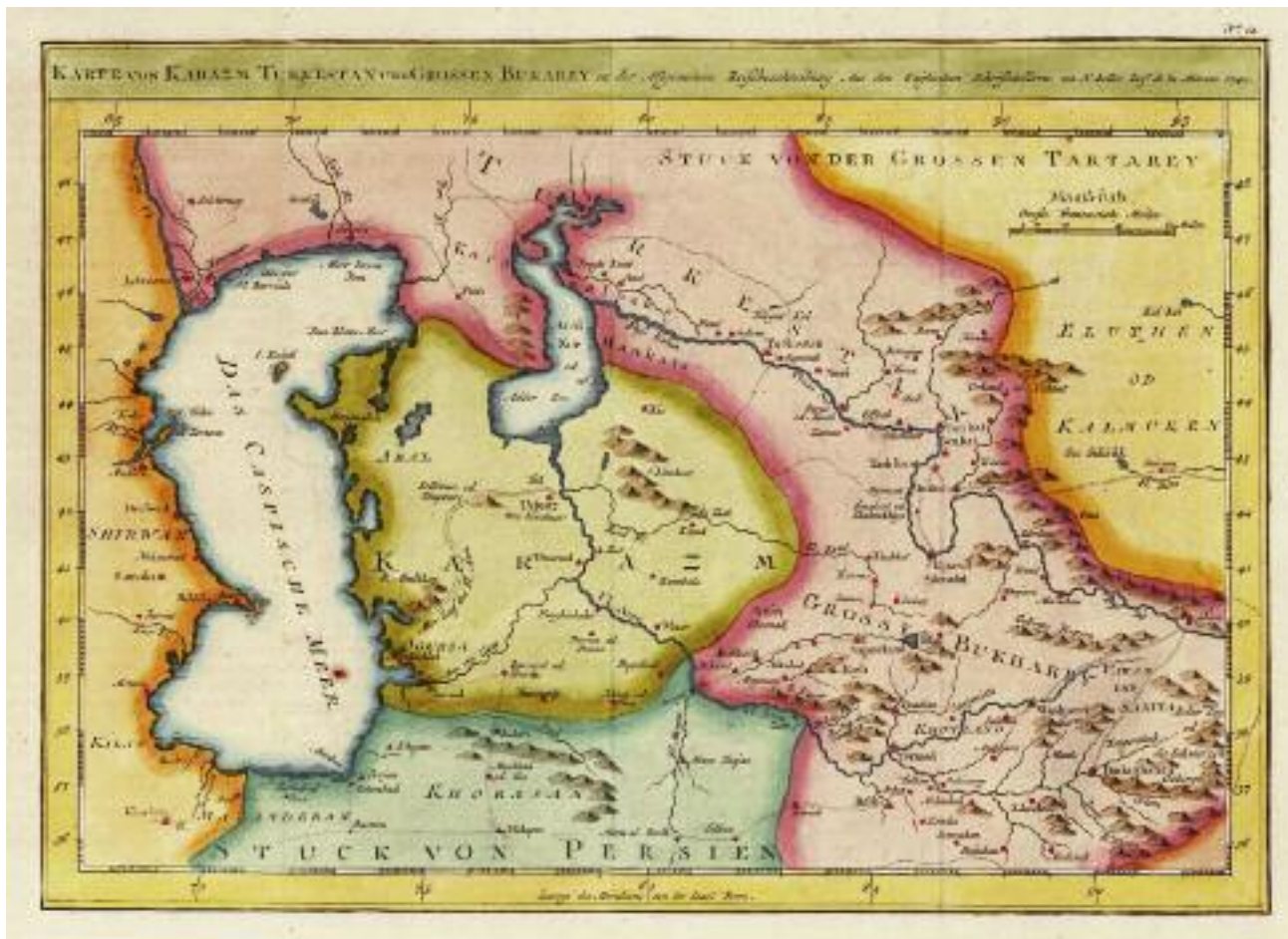

Фрагмент портолана 1570 года. Черное и Каспийское моря

дящего хозяйства как основы всей жизни общества, государственности, городов и форм письменности), которое я предлагаю называть варварской (или же осваиваемой) периферией цивилизованных обществ. Термины «варварство» и «варварская периферия» в данном и далее употребляемом мной контексте восходят: первый – к классификации Адама Фергюсона и Льюиса Генри Моргана (дикость – варварство – цивилизация), повторенной Фридрихом Энгельсом в его «Происхождении семьи, частной собственности и государства»; второй – к концепции Арнольда Тойнби. Эти термины означают исключительно отсутствие приведенных выше признаков цивилизационно-

го бытия в культуре некоторых народов до наступления Нового времени. Подчеркиваю и поясняю, что в таком понимании данные термины не выражают и не могут выражать какого бы то ни было уничижительно-расистского отношения к этим народам, содержащегося в оттенках общеупотребительного смысла понятия «варварство», восходящего к античной (греко-римской) эпохе.

К лимитрофным землям российско-евразийского мира можно отнести Кольский полуостров, Карелию (вместе с устьем Невы), страны Прибалтики, западные Белоруссию и Украину, Молдову, Валахию, Северную Болгарию, Крым, республики и автономии Северного →

Карта Средней Азии 1749 года

→ Кавказа, Краснодарский и Ставропольский края, Туркмению, основную часть Узбекистана, афганский Туркестан, Таджикистан, Южную Киргизию, Кашгарию и Джунгарию, большую часть Халха-Монголии и всю Внутреннюю Монголию, Приамурье, Приморье, Сахалин, Курилы, Камчатку, Чукотку.

При этом в отношении Кольского полуострова, Приморья, Приамурья, Курил, Сахалина, Камчатки, а также Чукотки ситуация осложняется тем, что данные территории, выступая как лимитрофные, одновременно с этим являются и частью варварской периферии цивилизованных обществ Большого Евразийского континента – пояса земель, которые лишь включаются в цивилизационное бытие.

Также отметим, что Камчатка и Чукотка являются соединяющим звеном и одновременно барьером между российским и североамериканским цивилизационным месторазвитием.

Лимбом можно считать северо-западные области Российской Федерации, примыкающие к Белому морю, Карелии и Прибалтике,

Приднестровье, центральные и восточные регионы Украины и Белоруссии, а также прилегающие к ним области РФ вплоть до северных и восточных районов Тверской и Московской областей, восточной части Тульской области, лежащих к востоку от Дона районов Липецкой и Воронежской областей, территории между Нижним Доном и Волгой, Казахстан, исключая крайние северные его регионы, часть северо-западных и северо-восточных районов Узбекистана, Северную Киргизию, Горный Алтай, Туву, южные и центральные районы Бурятии и Забайкалья, северо-западные и северные области Халха-Монголии.

Всё остальное относится к ядру, платформе российской цивилизации. Однако весьма существенная часть этой платформы является массивом, принадлежащим к поясу земель варварской периферии. Это – обширная область территорий малоосвоенных, в цивилизационном плане только колонизируемых и находящихся на «трудных» – как правило, северных, если не приполярных и даже заполярных, – про-

странствах Большой Евразии: Русская Арктика, большая часть Сибири и Дальнего Востока.

Освоенные районы платформы российского цивилизационного мира также определенным образом структурированы. Они принадлежат к двум крупным историко-этнографическим и природно-географическим бассейнам, которые можно было бы назвать метакультурами российско-евразийской цивилизации, – Сибирскому и Восточноевропейскому – по географическому расположению последнего на Восточно-Европейской (Великой Русской) равнине.

Демаркирует метакультуры российской цивилизации Уральский хребет. С запада к нему примыкают земли, которые имеют значительное число сибирских природно-культурных черт, а с востока – территории, обладающие множеством восточноевропейских особенностей. Эти переходные земли образуют сплошной меридиональный пояс, составляющий стержень, позвоночник, костяк России. В целом его границы можно определить от Волги до Ишима с запада на

Карта Китая 1632 года

восток и от северных берегов Каспийского и Аральского морей до Приполярного Урала с юга на север. Именно эти районы обеспечивают целостность и единство всего российского мира как такового. Полосу описанных выше территорий можно назвать внутренним лимитрофом российско-евразийской цивилизации.

Данная область играет в истории этой цивилизации особую роль. Так, Южный Урал является прародиной культурно-исторической общности арийских – индоиранских – племен. На протяжении всего периода истории человечества именно через этот ареал осуществлялись многообразные связи народов, а затем и государств Восточно-Европейской равнины с Сибирью, именно здесь пролегали их культурные, военные и торговые коммуникации.

Урал является своего рода осью симметрии природно-географических зон Восточно-Европейской равнины и Сибири и географическим центром российского субконтинента, а Южный Урал выступает как средоточие всего Урала в целом. Поэтому можно сказать, что Южный Урал – это центр российско-евразийского центра, наш цивилизационный Хартленд.

Таково, на мой взгляд, органиче-

ское строение российской части планеты.

Теперь о Европе. Но прежде всего необходимо отметить, что представление о коренной Европе как мире романо-германских народов давным-давно следует расширить и впредь говорить о ней как о кельто-романо-германской цивилизационно-культурной общности. Хотя сейчас кельтов в Европе наберется полтора – максимум два – десятка миллионов, основная область распространения романских языков и народов захватывает ареал обитания именно кельтских племен – Францию, Бельгию, значительную часть Испании и Португалии, северные районы Италии. Кроме того, если говорить только о европейском цивилизационном месторазвии, то в свое время кельты населяли Англию, Швейцарию, Южную Германию, Австрию, Люксембург, где их сменило германоязычное население. В областях на востоке, заселенных вместо кельтов славянами – как, например, в Чехии, – едва ли не целое тысячелетие преобладала германская культура. При этом латынь, на основе которой и сформировались романские языки, относится к италийской группе индоевропейской семьи, а италики в культурно-историческом плане весьма близки

к кельтам – настолько, что можно вслед за корифеями-лингвистами Антуаном Мейе и Фредериком Кортландом говорить о существовании (до определенного времени) итало-кельтской общности. Но даже критики этой гипотезы объясняют факты лингвистическо-культурного сходства между кельтами и италиками тесным взаимодействием их предков в течение длительного периода в рамках общего ареала.

Лимитрофные пространства европейского культурно-исторического мира – это Северо-Восточная Норвегия, Финляндия с Аландскими островами, лён Готланд, также, вероятно, архипелаг Моонзунд, возможно, Курземе (Курляндия), Жемайтия (Жмудь), совершенно определено Мемельская область и историческая прибалтийская Пруссия, этническая Польша вкупе с Данцигом-Гданьском, Словакия, Закарпатье, Венгрия, Трансильвания (вместе с Кришаной и Южным Марамурешем), Банат, Воеводина, Хорватия, Сицилия, Сардиния, Мальта, Балеарские и более мелкие острова Западного Средиземноморья, Южная Испания (Андалузия) и, возможно, Южная Португалия. В контексте лимитрофности можно поставить вопрос о Южной Италии (сами итальянцы говорят, что «южнее Рима начинается Африка») и даже о Корсике. Но Корсика является землей скорее лимбовой, нежели лимитрофной, тогда как Италия южнее Рима обладает многими чертами лимитрофа. При этом Северо-Восточная Норвегия и прилегающие к ней районы Финской Республики (историческая Лапландия) одновременно представляют собой и варварскую периферию европейской цивилизации, которая ее активно осваивает.

Особая статья для рассмотрения – балканский ареал, на землях которого переплетаются черты трех культурно-исторических миров: российского, европейского и афразийского. Поскольку мы говорим исключительно о двух первых, то оставим Балканы за рамками данной панорамы – дабы не усложнять общую картину, и без того непростую.

Лимбовые земли Европы составляют Северная и Центральная Норвегия, львиная доля Швеции, восточная часть Датского архипелага (острова между Сканди- ➔

Карта Сахалина 1885 года

→ навским полуостровом и южным побережьем Балтики), Восточная Германия, то есть большая часть бывшей ГДР и ее продолжение на территориях, переданных послевоенной Польше (исторические Силезия, часть Померании и Бранденбурга), Моравия, Чехия, Бургенланд, Верхняя и Нижняя Австрия, Каринтия, Штирия, Словения, Италия – за исключением ранее указанных, а также северных и северо-западных ее регионов (Ломбардии, Пьемонта, Валле-д’Аосты, внутренних районов Венето и Эмилии-Романьи), – средиземноморские области Франции, Центральная Испания, Каталония и основная часть Португалии.

Оставшиеся европространства – примыкающая к Бискайскому заливу Северная Испания, Франция и Австрия (за исключением обозначенных выше ареалов), ранее отме-

ченные районы Северной Италии, Швейцария, Лихтенштейн, Западная Германия (ФРГ в послевоенных границах до воссоединения немецкого государства вместе с Тюрингией), страны Бенилюкса, Ирландия, Великобритания, Ютландия, острова западной части Датского архипелага и Южная Норвегия с прилегающими к ним областями Швеции (Халланда, Вестра-Гёталанд, Верmland), а также Исландия – входят в ядро, опорный ареал, платформу европейской цивилизации.

Структура ее в типологическом плане сходна со структурой российско-евразийского мира.

Европу как цивилизацию образуют две метакультуры или, если угодно, субцивилизации, которые можно назвать германской и кельто-романской. Есть там и свой собственный внутренний лимитроф. Его составляют земли, пере-

ходные между кельто-романской и германской метакультурами. Через этот внутренний лимитроф пролегают коммуникации, стягивающие обе части европейской цивилизации, сшивающие их в единое целое. Он обеспечивает связность европейского культурно-исторического пространства и является позвоночником, цивилизационным хребтом Европы. В континентальную часть этого внутреннего лимитрофа можно включить Баварию, Зальцбург, альпийскую Австрию и итальянский Тироль, Лихтенштейн, Швейцарию, Баден-Вюртемберг и более северные прирейнские районы Германии вплоть до ее голландской границы, Эльзас, Лотарингию, Люксембург, Бельгию, Нидерланды (исключая Фрисландию). Следует отметить, что области «европозвоночника», которые тяготеют к Рейну – от Северной Швейцарии до морского побережья Бельгии и Голландии, – занимают в его составе особое и очень важное место, играют уникальную роль. Они являются центром европейского центра, средоточием всего внутреннего лимитрофа Европы в целом, а после Второй мировой войны выступают осью евроинтеграционных процессов. Весьма закономерно, что именно там располагаются различные структуры ЕС: его штаб-квартира (Брюссель), Совет Европы, Европейский суд и Европарламент (Страсбург).

Эти «нанизанные» на Рейн территории целесообразно выделить в отдельную область в рамках внутриевропейского лимитрофа и обозначить их как цивилизационный Хартленд.

В качестве особого сегмента внутреннего лимитрофа Европы следует рассматривать Британию – остров, где происходят борьба, взаимовлияние и синтез кельто-романской метакультуры и метакультуры германской. Исторически Британия с ее регионами – Англией, Шотландией и Уэльсом – играет роль плавильного котла для германских и кельто-романских форм и элементов культуры, является таким химическим реактором, в котором они друг с другом взаимодействуют, а также своеобразным барьером-мембраной между кельтскими Ирландией и более мелкими ост-

Карта Европы около 1640 года

ровными территориями (Гбридские острова, Мэн, Англси и т. д.) и германскими континентальными и полуостровными землями, выходящими фасадом на Северное море, – Скандинавией, Нижней Саксонией, Ютландией и Фрисландией.

Выступая отдельными, самостоятельными культурно-историческими мирами, российско-евразийская и европейская цивилизации входят составными частями в более высокую таксономическую единицу – метацивилизацию. Метацивилизации представляют собой систему из двух связанных друг с другом в историко-культурном плане цивилизаций. Такая связка предполагает религиозные и/или политические, экономические, собственно культурные, антропологические, языковые и т. п. контакты и взаимодействия между ними, интенсивность и глубина которых заметно превосходят интенсивность и глубину контактов каждого из членов той или иной метацивилизационной связки

с другими культурно-историческими мирами. В данном случае можно говорить о метацивилизации христианства, но более точным для этого идеального, то есть мыслимого, культурно-исторического конструкта будет все-таки название «метацивилизация Севера». Таким образом, Россия и Европа являются структурными элементами метацивилизации Севера.

Лимитрофные пространства, разделяющие (но не в меньшей степени и связывающие) европейскую цивилизацию с российской в данном контексте выступают внутренним швом, внутренним лимитрофом метацивилизации Севера. В него входят Лапландия, Карелия, Финляндия, Ингрия, государства Прибалтики, Калининградская область, Польша (исключая Восточную Померию, Восточный Бранденбург и Силезию), Западная Белоруссия, Западная Украина (Вольтынь, Галичина, Закарпатье), Словения, Венгрия, Воеводина, Банат,

Трансильвания, Молдова и Буковина.

Если когда-нибудь начнутся и наберут размах интеграционные процессы, в той или иной степени и форме соединяющие Россию с Европой (что, говоря по правде, крайне сомнительно), то их центром тяжести, главным рабочим полем станет именно европейско-российский лимитроф. В этом случае неизбежно встанет вопрос об общих для интегрируемых пространств метацивилизации Севера структурах и органах, которые будут размещаться опять-таки на землях российско-европейского лимитрофа. Учитывая историко-культурные и прочие особенности различных территорий данного ареала, полагаю, что наилучшим местом для размещения этих структур и органов окажется Калининградская область, которая как будто специально – умышленно и нарочно – создана для того, чтобы выступать фокусом интеграции Европы с Россией.

Дмитрий ДЕ КОШКО:

«Мы живем в реалиях тотальной и непрекращающейся информационной войны атлантистов против России»

Интервью французского журналиста и общественного деятеля

Дмитрия Борисовича де Кошко

альманаху «Развитие и экономика»

– Дмитрий Борисович, в настоящее время вы являетесь одним из немногих журналистов на Западе и тем более во Франции, кто откровенно и прямо поднимает такие неудобные темы, как русофобия и информационная война, которую крупнейшие мировые СМИ ведут против России. За это злые языки называют вас агентом Путина и утверждают, что вы отрабатываете специальное задание Кремля по созданию во Франции другого – позитивного – образа российского президента. Скажите, пожалуйста, как специалист, хорошо разбирающийся в нынешних информационных технологиях, неужели прием по дискредитации целой страны через шельмование ее первого лица по-прежнему дает наилучший пропагандистский

эффект – гораздо более действенный, чем, скажем, высмеивание каких-то черт национального характера?

– По большому счету в информационных войнах мало что изменилось по сути, кроме их технологического оснащения. Один из основных и отработанных приемов таких войн, причем прием в общем-то довольно обычный, – идентифицировать всю страну с ее лидером, которого предварительно надо как следует ошельмовать. Этот прием блестяще описан у Оруэлла в его антиутопии «1984». Американцы постоянно пользуются подобным приемом. Наглядный пример – как они поступили с Саддамом Хусейном. Или – еще раньше – с панамским диктатором Норьегой, недавно скончавшимся. Сначала Норьега, как и в свое время Сомоса, был «их

сукиным сыном», а потом вдруг в одночасье – когда они перестали в нем нуждаться – превратился, как говорится, в pineapple face, или ананасовое лицо. И такие двойные стандарты никому не мешают, к ним все уже привыкли и воспринимают как должное, потому что признают за американцами право объявлять, кто хороший, а кто плохой. И это подкрепляется всей мощью американской пропагандистской машины и в том числе Голливудом. Россия в этом смысле серьезно отстает от Америки.

– В плане ведения пропаганды на весь мир?

– В плане ведения глубокой и всесторонне проработанной пропаганды, построенной на последовательном внедрении в массовое сознание определенных ценностей. Американцы четко сформулировали свой культурный бэкгра-

унд, который коммерчески привлекателен, он очень хорошо повсюду продается по вполне доступной цене. А в основе этого бэкграунда – обожаемый повсеместно в мире американский об-

раз жизни. Конечно, не бедных американцев, которых всё-таки немало. И поэтому понятно, что именно американцам решать – где добро, а где зло. Добро, естественно, всегда на их стороне.

Американская информационная политика, тот мейнстрим, который они задают всему миру, строятся на тех же основаниях. Весь процесс информирования мировой аудиторией о том, что и где →

Суверенная и более сбалансированная позиция де Голя в отношении СССР в той или иной степени сохранялась и после его ухода. И потом эта позиция была обусловлена прошлым. Мы были союзниками в обеих мировых войнах – и это накрепко сидит в памяти французов. Поэтому русофобия у нас не такая, как, скажем, в Англии и Германии

→ происходит, – это сплошь пропаганда со свойственными ей приемами передергивания и подмены фактов, их нарочито предвзятой интерпретации. Вообще выбор предметов, сюжетов, то есть повестка дня – мы говорим адженда, – самое важное. А это контролируют мировые агентства печати – здесь самые главные англосаксы – и главные редактора СМИ, которых обычно назначили олигархи или люди, связанные разными интересами или убеждениями с американо-атлантистской средой. Несомненно, тут понятие свободы информации становится относительным, так как другую информацию или ракурс невозможно нигде продвинуть, разве что в Интернете вместе с иногда не очень профессиональной информацией. Мировой аудитории через глобальные американские СМИ транслируется определенный образ России и ее лидера, и вы сами прекрасно видите, насколько эти образы далеки от действительности. Между прочим, точно так же было и при Ельцине, который был принят на Западе, но

которого представляли как полоумного пьяницу. Русофобия и тогда никуда не исчезла, она продолжала, как и в советское время, задавать тон и акценты подачи информации о России. Но при Советском Союзе русофобия рядилась в одежды антисоветизма и антикоммунизма. И мы – потомки белой эмиграции первой волны – всегда чутко улавливали разницу, где заканчивается антикоммунизм и начинается русофобия. Правда, не все эмигранты. К сожалению, и сегодня еще есть такие, кто не очень разбирается и думает, что и в современной России имеет дело с большевиками... Но всякий раз, когда мы понимали, что сталкиваемся с русофобской пропагандой, мы однозначно демонстрировали ее неприятие. Это, кстати, разительно отличало нас от послехельсинкских эмигрантов третьей волны, которые с готовностью поддакивали любым русофобским выпадам – лишь бы понравиться, лишь бы как-то встроиться в западный мир и получить хорошо оплачиваемую работу.

– Вы имеете в виду эмиграцию третьей волны во Францию?

– Да, сюда был наплыв, только часто не напрямик, а из Вены и из Израиля. Настоящих диссидентов было не так много, и среди них, конечно, встречались очень ценные люди. Но не все эмигранты этой волны оставались затем во Франции: «джинсовая интеллигенция», как мы называли вполне определенную их часть, уезжала в свою землю обетованную – Америку.

– А культурный разрыв между первой и второй волнами эмиграции был таким же ощутимым?

– Он существовал. Но тут и причина понятна: многие попадали в плен или увозились на работу в Германию еще совсем молодыми людьми, которые не успели сформироваться, осознать свою культурную идентичность. И при этом они в большинстве своем были из совершенно другой социальной среды, нежели представители белой эмиграции – дворяне или предприниматели. Кто-то из них примыкал к власовцам, чтобы просто-напросто выжить. Убежденных власовцев было не так уж и много. А вообще значительная часть власовцев впоследствии прикнула к антигитлеровским освободительным движениям. Так было в Греции и Югославии. У нас многие сражались в рядах французского Сопротивления. А вот превозносимые сейчас на Украине бандеровцы – в основном с Западной Украины – до конца служили рейху и стремились любой ценой доказать свою нужность хозяевам. У нас в провинции Дордонь – мне рассказывали люди оттуда – до сих пор вспоминают их бесчинства и то, что эти «военные с востока, но не немцы» вели себя намного хуже немцев.

– То есть, по вашему мнению, третья волна разительно отличалась от второй?

– Когда пошла третья волна, то мы сначала считали, что те, кто покинул СССР по политическим убеждениям, составляли в ней около трети. Но на самом деле диссидентов было намного меньше, а подавляющее большинство ринулось на Запад в поисках материального достатка и красивой жизни. Эти люди в массе своей к

тому же еще и не отличались высокими моральными принципами. Мы – потомки эмигрантов первой волны – сперва очень радушно их принимали, но затем раскусили. Эта «джинсовая интеллигенция», с одной стороны, обливала грязью всё русское – подчеркиваю, не советское, а именно русское, все советские пороки они выводили из якобы исторически ущербной русской натуры. А с другой стороны, они сами на каждом шагу демонстрировали собственную моральную ущербность – не брезгли даже кражей икон в наших православных храмах. Конечно, ничего, кроме презрения к себе, эти люди потом уже не вызывали. Хотя кому-то и удавалось устраиваться штатными русофобами.

– **Вести пропагандистскую работу с советской аудиторией?**

– Да, на разных «голосах», которые вещали на СССР.

– **А разве Франция занималась этим? Из европейских стран монополистами здесь были Англия и ФРГ.**

– Франция тоже, но до известной степени. Суверенная и более сбалансированная позиция де Голя в отношении СССР в той или иной степени сохранялась и после его ухода. И потом эта позиция была обусловлена прошлым. Мы были союзниками в обеих мировых войнах – и это накрепко сидит в памяти французов. Поэтому русофобия у нас не такая, как, скажем, в упомянутых Англии и Германии. Но она присуща определенной среде – к сожалению, самой влиятельной, – и это неоспоримый факт. Но заметьте, на последних выборах из всех 11 кандидатов в президенты только двое были явными русофобами – социалист Амон и победивший в итоге Макрон. Но и то Макрону хватило прагматизма пригласить Владимира Путина в Париж еще даже до выборов в Национальное собрание. Если вернуться к тому, с чего мы начали, то одна из любимых тем наших русофобов и путинофобов – это стремление приписать Путину желание восстановить Советский Союз. Они без конца цитируют его знаменитую фразу из послания Федеральному Собранию 2005 года, в

Си Цзиньпин, Нарендра Моди и Владимир Путин на саммите G20 в Гамбурге

Я наблюдал за саммитом G20 в Гамбурге, но так и не заметил, что Путина воспринимают как изгоя. А разве Китай и Индия – это такая уж незначительная часть человечества? Конечно, Россия – европейская страна, и эти игры с санкциями вредят всем нам, европейцам

которой он назвал распад СССР «крупнейшей геополитической катастрофой века», но при этом игнорируют другое его высказывание: «Кто не жалеет о распаде Советского Союза, у того нет сердца; кто хочет воссоздать его в прежнем виде, у того нет головы». И уж совсем забывают о том, что Путин в данном случае свойственной ему ироничностью просто употребил парфраз слов Черчилля: «Кто в молодости не был социалистом – у того нет сердца, кто в зрелости не стал консерватором – у того нет ума». А то, что в России масса проблем, – кто же с этим спорит? И то, что коррупция становится неизбежной всякий раз, когда власть в центре пытается навести порядок, – это тоже всем хорошо известно и давно описано в гоголевском «Ревизоре». Но эти проблемы должны решать сами россияне, а никак не американцы, немцы, англичане или французы. Я уже не говорю о том, что одно дело – содержательно говорить о проблемах, а совсем другое дело – использовать их в качестве своего

рода зацепок в информационной войне. Одно дело – пытаться сообща искать выход из этого многовекового коррупционного заклятия России, воспитывать новую элиту, которая не будет настолько озабоченной взиманием своей статусной ренты, а другое дело – повторять как мантру, что пока Путин у власти, никаких позитивных подвижек не дожидаться. Но кто бы это говорил? Что, неужели во Франции идеальная демократия? Разве у нас грубо не попирается мнение большинства? В 2005 году 55 процентов участвовавших в референдуме по Конституции Евросоюза высказались против. Но это не помешало Саркози через два с половиной года пойти на поводу у наших толстых кошельков и всё-таки подписать Лиссабонский договор, который по факту вводил в действие некое подобие этой несостоявшейся Конституции. Также всем ясно, что наш нынешний парламент вообще никак не представляет мнения избирателей и общества. И после этого упрекать Россию в том, что там нет демократии и ➔

США хотят продавать в Европу свои углеводороды, а тут им конкуренцию составляет Россия.

Значит, Россию надо как можно основательнее дискредитировать в глазах европейцев, привлечь их симпатии на свою сторону, внедрить в их сознание мысль, что аморально покупать углеводороды у России и вообще иметь с «этой страной» какие-либо отношения

→ всем заправляют олигархи? Или возьмем другой штамп, который активно насаждают западные СМИ: мол, Путин сейчас стал изгоем для всего цивилизованного мира, он изолирован, с ним общаются вынужденно – но при этом строго дозированно и всячески давая ему понять свое место. Я наблюдал за саммитом G20 в Гамбурге, но так и не заметил, что Путина воспринимают как изгоя. А разве Китай и Индия – это такая уж незначительная часть человечества? Конечно, Россия – европейская страна, и эти игры с

санкциями вредят всем нам, европейцам.

– Хорошо, а возможно ли в принципе превратить СМИ из инструмента пропаганды в то, чем им надлежит быть уже по одному их названию, – в институты объективного и беспристрастного информирования общества?

– Такие попытки предпринимались неоднократно в мировой практике. Инициаторами тут принято считать французских журналистов, которые в 1918 году приняли деонтологический кодекс – «Хартию

поведения». Тогда это была естественная реакция на использование СМИ именно как инструмента пропаганды во время Первой мировой войны всеми сторонами конфликта. Французские журналисты посчитали неэтичным использовать СМИ в качестве информационного оружия в мирное время. Этот деонтологический журналистский кодекс затем неоднократно пересматривался и уточнялся, он стал международным. ООН приняла ряд решений по защите представителей СМИ в горячих точках, но несколько лет назад американцы добились отмены иммунитета для журналистов в зонах военных конфликтов – теперь они рассматриваются как обычные участники противостояний, и их можно безнаказанно убивать.

– Расскажите, пожалуйста, подробнее про деонтологический кодекс журналистов.

– Повторю, этот кодекс создавался для того, чтобы облегчить обществу доступ к объективной информации. Ведь если нет тако-

го доступа, то общество не может функционировать как демократическое и гражданское. То же самое можно сказать и о рыночной экономике: она эффективна только в условиях конкуренции, для которой, в свою очередь, необходима непредвзятая информация. Именно информация, а не коммуникация. Принципиально важно разделять эти два понятия – «информация» и «коммуникация». Если вы как журналист занимаетесь сбором, обработкой и трансляцией информации, то вы не знаете наперед, что именно будете писать. Если же вы работаете в пространстве коммуникаций, то вам заранее известно, какие мысли, идеи, мнения следует внедрить в умы читателей. Занимаясь передачей информации, вы обращаетесь к умам людей, к их рациональности. А все коммуникативные приемы основаны на обращении к подсознанию, к чувствам и эмоциям. А значит, чтобы воспринять информацию, человек должен быть соответствующим образом подготовленным, ему для этого требуется определенный набор знаний, опираясь на которые, он окажется в состоянии воспринять полученную информацию и составить на ее основе собственное мнение. Понятно, что для коммуникативных практик знание не просто обязательно, а даже порой вредно, ибо создает критический фон, препятствующий эмоциям возобладавать над рассудком. Поэтому нетрудно догадаться, почему сейчас повсеместно в мире снижается уровень и качество образования, дающего знания, и напротив – накачивается сфера масскультуры, рекламы, сетевой субкультуры, где главным объектом воздействия оказывается мир эмоций. Но, конечно, всё еще осложняется тем, что для подачи информации – именно информации – журналистам приходится использовать и приемы коммуникации, то есть вызывать эмоции и страсти, чтобы их читали, чтобы покупали их газеты и журналы, чтобы не переключали телевизор с их передачи на другую программу. Одна из сложностей нашей профессии – именно сохранять баланс между допустимым и искажением. Это очень трудно.

Русофобия Наполеона III (на портрете) – как, впрочем, и вся внешняя политика – была следствием его англомании и совершенно не отвечала интересам Франции. И это несмотря на то, что в национальной памяти французов историческая обида на русских за катастрофу на Березине ничтожно мала по сравнению с многовековой обидой на извечных конкурентов-англичан

– Вы имеете в виду падение качества образования, в том числе в развитых западных государствах?

– В них в первую очередь! Например, сейчас во Франции история больше не преподается в хронологической последовательности. И многие считают, что это делается преднамеренно – чтобы дезориен-

тировать и обезличивать людей начиная с детского возраста. Более того, сама информация сейчас всё больше становится коммуникацией, так как передается и воспринимается преимущественно на чувственно-эмоциональном уровне, и платные информационные сетевые ресурсы способствуют этой мутации. Ведь если заголовок →

Уильям Квиллер-Орхардсон. Наполеон на борту «Беллерофона». Около 1880 года

Все французские партии – это преданные атлантической олигархии административные аппараты, главная задача которых – проводить нужные решения через электоральные процедуры, в том числе держать двери широко раскрытыми для американского и китайского бизнеса, не забывая при этом и особые связи с Саудовской Аравией и Катаром. И тут опять парадокс и двойные стандарты: эти государства сыграли немалую роль в распространении ваххабизма и являются врагами арабского национализма, на который опирался де Голль и который именно тормозил исламизм

→ материала не «цепляет», то никто и не захочет заплатить, чтобы прочитать его целиком, а значит, информационный бизнес просядет. Вот почему сегодня заголовки даже в весьма уважаемых информационных интернет-изданиях ничем не отличаются от развязных и крикливых анонсов соцсетей. И это обольщение, возведенное в ранг единственной и непререкаемой информационной политики, имеет под собой понятные материальные интересы. США хотят продавать в Европу свои углеводороды, а тут им конкуренцию составляет Россия. Зна-

чит, Россию надо как можно основательнее дискредитировать в глазах европейцев, привлечь их симпатии на свою сторону, внедрить в их сознание мысль, что аморально покупать углеводороды у России и вообще иметь с «этой страной» какие-либо отношения. Последние санкции США против России просто явно направлены на то, чтобы заставить европейцев покупать американский сланцевый газ. Смотрите, как Трамп «переключил» Польшу на американские углеводороды с дальнейшим прицелом на Румынию, Болгарию и даже Прибалтику и Молдавию.

В этом проекте кроме коммерческой имеется еще и явная политическая составляющая – создать таки наконец то самое «Междуморье», о котором мечтают польские ультранационалисты и которое нужно американцам в качестве буфера между Западной и Центральной Европой, с одной стороны, и частью Восточной Европы, то есть Россией, – с другой. В скобках обозначу еще один пример двойных стандартов западных политиков. Европейцы по экологическим соображениям выступают против добычи сланцевого газа, сочувствуют американцам, у которых из-за скважин возникли серьезные проблемы с питьевой водой. И в Европе разработки сланцевого газа запрещены, несмотря на, казалось бы, очевидную экономическую выгоду от его получения. А вот у американцев все готовы покупать сланцевый газ, закрывая глаза на вред для экологии!.. Американцы опасаются возникновения в Европе любых альянсов с участием России. Больше всего они боятся сближения Германии и России. Поэтому США всячески поддерживают русофобские настроения в так называемой Новой Европе и,

как я уже сказал, пытаются превратить ее в «Санитарный кордон-2». Хотя та же Прибалтика должна быть благодарна именно России за бескровное обретение суверенитета в 1991 году. Но вот только на пользу ли это пошло самой Прибалтике? Половина ее населения за постсоветские годы эмигрировала на Запад в поисках хотя бы каких-то перспектив. И это не блажь: экономика Евросоюза – кроме Германии – ориентирована не на реальные отрасли, а на финансовую сферу, поэтому деиндустриализация происходит и во Франции, которая является несопоставимо более развитой, нежели Прибалтика.

– Как вы сказали, хотя русофобия во Франции слабее, чем в Англии и Германии, она всё же имеет место. Какой у нее исторический «стаж»? Можно ли считать, что ее родоначальником стал Наполеон III – идеолог Крымской войны именно как показательного наказания России силами объединенной Европы и покровитель польской антироссийской эмиграции?

– Думаю, что русофобия во Франции появилась намного раньше. В прошлом году в России вышел перевод книги швейцарского автора Ги Меттана «Запад – Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. Почему мы так любим ненавидеть Россию?» Так что русофобия во Франции началась не с Наполеона III, а с Карла Великого. Но и Наполеона III можно воспринимать как знаковую и рубежную фигуру в этом отношении. Его русофобия – как, впрочем, и вся внешняя политика – была следствием его англомании и совершенно не отвечала интересам Франции. И это несмотря на то, что в национальной памяти французов историческая обида на русских за катастрофу на Березине ничтожно мала по сравнению с многовековой обидой на извечных конкурентов-англичан. Потому-то в эпоху Третьей республики настолько естественно и органично сложился русско-французский союз.

– Любопытно, что уже в советское время носителями русофобской идеологии во Фран-

В центре – лидер Национального фронта Марин Ле Пен

Логика предвыборной кампании была проста: максимально накачать негативный образ Национального фронта, предельно его демонизировать, чтобы потом – на фоне этой впечатляющей электоральной драматургии – провести нужного кандидата, который к тому же еще будет выглядеть и консенсусной фигурой, объединяющей все, так сказать, «здоровые силы»

ции были в основном левые – несмотря на, казалось бы, социалистическую природу СССР.

– Тут не всё так просто. Левая традиция во Франции имеет давнюю историю. И нужно различать наших левых: коммунисты – это одно, а социалисты – совсем другое. Коммунисты симпатизировали Советскому Союзу – да и то тут не всегда всё было гладко и однозначно. Скажем, Морис Торез и Жорж Марше заметно отличались друг от друга, в Советском Союзе это хорошо понимали и делали соответствующие выводы. А что уж на этом фоне говорить про социалистов! Социалисты всегда выступали жесткими и непримиримыми оппонентами коммунистов внутри Франции и, соответственно, неизбежно оказывались в числе критиков СССР. После войны американцы стали активно опекать французских социалистов, особенно после того, как проевропейски настроенный

де Голль пришел к власти и учредил Пятую республику. Бывший премьер Четвертой республики социалист Ги Молле был одним из наиболее непримиримых критиков конституционной реформы де Голля. Я думаю, что определенную роль в накачивании русофобии французских социалистов сыграла и часть масонства – еще с XIX века левые активно вступали в ложи и налаживали там политические межпартийные связи. Кстати, англомания Наполеона III тоже имела под собой во многом масонскую подоплеку.

– Наполеон III был масоном?

– Я не знаю, состоял ли он сам в масонстве, но в его окружении масоны занимали очень влиятельные позиции.

– Странно. По общепринятому мнению, расцвет французского масонства начался как раз после падения Второй империи – с утверждением Третьей республики. →

→ – Расцвет – возможно. Но еще раз повторю: его плотно окружали масоны – достаточно посмотреть персоналии. К тому же при Наполеоне III была проведена масштабная реконструкция Парижа: трущобы, известные нам по знаменитому фильму «Парижские тайны» с участием Жана Маре, были уничтожены. Естественно, не по моральным соображениям, а ради обеспечения безопасности режима: на узких улочках было очень удобно соорудить баррикады. Эта реконструкция потребовала колоссальных инвестиций, в нее как раз и вложились крупные английские предприниматели. Так что связи с англичанами у Наполеона III были очень прочными. Неспроста ведь он после своего низложения жил и скончался именно в Англии.

– А чем подогревается сегодняшняя французская русофобия?

– Главным образом незнанием и непониманием России, каких-то специфических черт национального поведения россиян. Но важно другое – такие незнание и непонимание всячески поощряются теми, кто заправляет медийной политикой. У нас не принято посылать в Россию корреспондентов, которые обладают хотя бы каким-то знанием страны: считается, что они будут передавать необъективную информацию – слишком доброжелательную в отношении России и слишком непонятную для среднестатистического французского обывателя. Поэтому посылают либо абсолютных дилетантов в российских реалиях, либо уже сформировавшихся русофобов. У нас есть пул экспертов по России, которые допущены до французских СМИ, среди них немало и русских, но все они выступают в одном ключе – резко критически – и различаются лишь по степени своей русофобии. Правда, иногда допускают и сторонников хороших отношений между Францией и Россией – например, меня. Но после каждого такого выступления на меня сыплетесь шквал обвинений: дескать, де Кошко – путинский агент, штатный пропа-

гандист. Ни тем ни другим я – наверное, к сожалению, – не являюсь. И так со всяким, кто высказывает мнение, не согласующееся с информационным мейнстримом, определяемым американцами и их европейскими единомышленниками. Французские СМИ находятся в руках атлантистской

В политических кругах Макрона (на фото) в шутку прозвали Дитя Века. Это игра слов с отсылкой к ежемесячной неформальной встрече французских олигархов, крупных политиков и ведущих журналистов в отеле «Крийон» на площади Согласия, рядом с резиденцией американского посла

олигархии. Причем прежние привычные идеологические размежевания по партиям сейчас не играют никакой роли. Социалист Оланд проводил откровенно правую политику. Его вообще можно назвать самым атлантистским из всех французских лидеров. Он был неплохим аппаратчиком, занимался интригами в своей Соцпартии. Но у него не было стратегического политического проекта для Франции, кроме вассальной зависимости от НАТО. Потому-то Миттеран и не давал ему никакого министерства. Уже будучи депутатом Национального собрания, он стал участвовать в американской программе «Молодые лидеры». Этот атлантизм у социалистов, как я сказал, еще с Ги Молле. И всё это время социалисты проводили правую политику. Да сейчас вообще партии – это по

преимуществу административные машины, идеологии тут никакой нет уже давно. Потребность в идеологии, вкус к идеологии сохранили единицы. Например, Жан-Люк Меланшон вышел из Соцпартии, несмотря на карьерные перспективы, потому что он действительно левый по своим убеждениям и потому что он интеллектуал. Яркий интеллектуал и Жан-Пьер Шевенман. В России вышла его книга «1914–2014. Европа выходит из истории?» Они действительно достойные политики, и оба считают, что сегодня главное – это обеспечение суверенитета Франции. Но это исключения из правила. Тенденция же сейчас однозначная: все

французские партии – это преданные атлантистской олигархии административные аппараты, главная задача которых – проводить нужные решения через электро-ральные процедуры, в том числе держать двери широко открытыми для американского и китайского бизнеса, не забывая при этом и особые связи с Саудовской Аравией и Катаром. И тут опять парадокс и двойные стандарты: эти государства сыграли немалую роль в распространении ваххабизма и являются врагами арабского национализма, на который опирался де Голль и который именно тормозил ислаимзм.

– Правильно ли я понял вашу мысль, что в настоящее время вместо прежних идеологических разделений главное размежевание французской политической элиты проходит по вопросу о суверенитете страны?

– Совершенно верно. И отношение к России напрямую определяется тем, как решается этот центральный вопрос. Те, кто мыслит стратегически и во главу угла ставит не атлантистские, а национальные интересы, – за союз или, во всяком случае, за хорошие отношения с Россией. Но эти силы ужасно разрозненны. К тому же по-прежнему немаловажное значение имеют и партийные ярлыки: например, после общения с ультраправыми трудно найти общий язык с левыми.

– Мы вплотную подошли к большому вопросу о недавних президентских выборах во Франции. Как вы прокомментируете и предвыборные расклады, и итог кампании?

– Логика была простая: максимально накачать негативный образ Национального фронта, предельно его демонизировать, чтобы потом – на фоне этой впечатляющей электоральной драматургии – провести нужного кандидата, который к тому же еще будет выглядеть и консенсусной фигурой, объединяющей все, так сказать, «здоровые силы». То есть повторяется сценарий, когда соревновались Ширак с Ле Пеном. Вот почему Национальный фронт получил такую медийную раскрутку. Та же

схема использовалась при де Голле против коммунистов, а после него – против левых. Миттеран после распада Советского Союза перевернул эту схему – теперь против правых.

– Если Марин Ле Пен – всего лишь электоральный проект и не более того, то зачем с ней встречался Владимир Путин 24 марта?

– Марин Ле Пен представляет интересы небогатой части населения, которая страдает от безработицы и от конкуренции со стороны иммигрантов. Причем это именно та часть населения, которая больше всего проникнута чувствами и ценностями патриотизма по экономическим причинам – потому что в нее входят много мелких предпринимателей и производителей, которые в первую очередь испытывают на себе все негативные последствия любых социальных неурядиц. Ну и потому что, как говорил Жан Жорес, единственное богатство у бедных – это родина. Поэтому обвинения Национального фронта в фашизме несправедливы, несмотря на то, что среди его членов были и есть фашисты. Фашизм возник тогда, когда классовая борьба была довольно острой и требовалось с

его помощью оторвать рабочие массы от социализма. Сейчас во Франции рабочее и – шире – народное движения в полном упадке, поэтому в фашизме нет объективной необходимости. Так что олигархическая элита рассматривала Марин Ле Пен как всего лишь спарринг-партнера той фи-

Саркози (на фото) – это совершенно беспринципный политик, без какой бы то ни было идеологии. И, видимо, его беспринципность стала уже вопиющей и бросающейся в глаза на фоне беспринципности других. Когда он призывал к нормализации отношений с Россией, он просто хотел забрать себе голоса всех тех, кого волнует проблема суверенитета Франции

гтуры, которую предстояло вывести в победители. В противном случае она вряд ли получила бы такую поддержку в СМИ. Из нее делали чучело, чтобы обыватели смотрели, боялись и в итоге проголосовали за того, за кого нужно. И как показала президентская кампания, нужная фигура оказалась даже не из какой-то партии с политическим стажем, а из новообразованной партии «Вперед, Республика!» Вот вам убедительное доказательство того, что партии в классическом смысле этого понятия –

именно как субъекты политической борьбы – уже более не существуют. Люди, за редким исключением, идут в партии на работу, а не по убеждению. Было 19 тысяч кандидатов на место кандидата от новой партии Эммануэля Макрона, потому что знали, что он должен выиграть и что шансы для

новых проходимцев есть, так как аппарат партии еще новый. Но на этот раз кандидат был выбран не партией, а непосредственно олигархией с одобрения Вашингтона. Саркози и Олланда выбирали так же, но хотя бы для видимости делали это через соответствующую партию. В политических кругах Макрона в шутку прозвали Дитя Века. Это игра слов с отсылкой к ежемесячной неформальной встрече

французских олигархов, крупных политиков и ведущих журналистов в отеле «Крийон» на площади Согласия, рядом с резиденцией американского посла.

– Какие другие проходные фигуры рассматривались?

– Одно время говорили о выходе во второй тур Ле Пен и Саркози. Однако не было уверенности в том, что Саркози сможет так же уверенно переиграть Ле Пен, как Ширак – ее отца. Довольно серьезно воспринимался и вариант Жюппе – за ним стояли американцы и арабы Залива. Это умный политик, но однозначно ставленник олигархии, несмотря на то, что во время своего премьерства при Шираке он регулярно апеллировал к голлизму. Во время коррупционного скандала в середине нулевых он закрыл собой Ширака и был осужден за незаконное субсидирование за государственный счет партии «Объединение в поддержку республики». После этого – чтобы на какое-то время исчезнуть из публичного пространства – он читал лекции в Монреале. Я его хорошо помню, когда он работал в парижской мэрии под началом Ширака. Однако слабым местом Жюппе, как я уже сказал, ➔

Пригороды Парижа уже превратились в самые настоящие гетто, где некоторые из мигрантов промышляют торговлей наркотиками и крадеными автомобильными запчастями. Это серая экономика, порожденная безработицей. Много молодых людей вовлечены в нее

→ была его зависимость от американцев и арабов. Поэтому у него вряд ли получилось бы понравиться одновременно и Израилю, и арабским монархам. Но главное – у Жюппе уже не было собственного партийного аппарата, который у него перехватил Саркози после коррупционного скандала. Да и потом – при всей очевидной инфляции идеологических различий, о чем я уже говорил, – Жюппе занял априорно проигранный в наших условиях центристскую позицию. Единственный раз – на президентских выборах 1965 года – центрист Леканюэ сумел в первом туре занять третье место после де Голя и Миттеррана и получить 15 с лишним процентов голосов. Это самый высокий показатель у центристов, такого больше не было, потому что правые обычно голосуют направо, левые – налево, и центристам ничего не остается. Собственно, так и получилось: он проиграл праймериз Фийону, которого уж никак не назовешь центристом. Правда, на этот раз и Макрон сыграл якобы в центре. В этом ему помог Байру – центрист из правых, который уже стареет и не мог пропустить ока-

зию, которую ему давал Макрон. – **Фийон обошел на праймериз и Саркози, взяв тем самым реванш за умаление последним роли премьера и фактическую передачу функции управления правительством в руки президентской администрации. Фийон как премьер тогда, конечно, натерпелся.**

– Ну, Саркози – это совершенно беспринципный политик, без какой бы то ни было идеологии. И, видимо, его беспринципность стала уже вопиющей и бросающейся в глаза на фоне беспринципности других. Когда он призывал к нормализации отношений с Россией, он просто хотел забрать себе голоса всех тех, кого волнует проблема суверенитета Франции. Как я уже сказал, обеспокоенные перманентными нарушениями суверенитета страны со стороны атлантистов расположены к России. Поэтому здесь для Саркози был чистый расчет – и не более того. – **И почему в итоге победил Макрон?**

– Я уже сказал, кто и как выбрал Макрона. СМИ его поддерживали просто до неприличия, устроили ему мощнейшую пиар-кампанию. Причем правые голосовали

за Макрона, ибо были уверены в том, что он правый, социалисты – так как посчитали его более или менее левым – всё-таки он был министром и советником у Олланда, – а все остальные – потому что их убедили: мол, вот человек новый, беспартийный. А так как политические партии за последние годы были очень сильно дискредитированы, то те, кто не хотел голосовать за Ле Пен, проголосовали за Макрона. Конечно, не надо забывать и о крайне низкой явке на избирательные участки, и то, что неопределенность программы позволяет Макрону делать то, что он захочет. Точнее, то что ему будет дозволено его покровителями. Хотя такое положение может и поменяться: Макрон – прагматик с сильно развитым нарциссизмом. Но его очевидная слабость в том, что многие из тех, кто отдал ему свой голос, на самом деле голосовал не за него, а против кого-то – как правило, против Ле Пен, но не только против нее. К тому же за него реально проголосовали только 50 процентов избирателей, а для президентских выборов такой показатель явно недостаточен.

– **Сегодня во Франции одна из самых острых проблем – это мигранты. Такое впечатление, что власти делают всё для того, чтобы подчинить ценности и культурный мир коренных французов поведенческим привычкам мигрантов.**

– Это совершенно осознанная политика. Наплыв мигрантов – колоссальный: порядка 40 тысяч ежемесячно в ЕС, а летом еще больше. Но это общая статистика Евросоюза, а значительный поток мигрантов идет именно во Францию. Многие из них хотят попасть в Англию и оседают на севере страны – в Кале, в так называемой Джунгли, которую периодически разрушают. Наше общественное мнение накалено, но задействованы колоссальные пропагандистские мощности, чтобы убедить французов принять ситуацию как данность и не противиться ей. А между тем пригороды Парижа уже превратились в самые настоящие гетто, где некоторые из мигрантов промышляют торговлей наркотиками и краде-

Моя семья относилась к потомкам белых эмигрантов. Точнее, конечно, не белогвардейцев, а представителей новой российской бюрократии, выдвинувшейся при Столыпине, – специалистов-технократов. Мой прадед – Иван Францевич Кошко (на фото) – был сначала пензенским, а затем пермским губернатором

ными автомобильными запчастями. Это серая экономика, порожденная безработицей. Много молодых людей вовлечены в нее. Милые парижане более зажиточных районов – которые охотно выступают против «расизма» и за «толерантность» к мигрантам – уже считают, что небезопасно оказаться в этих местах. И действительно, в некоторых местах столичная золотая молодежь, которая приезжает в пригороды покупать наркотики, подвергается нападениям со стороны обитателей этих гетто, у нее отбирают деньги и купленные наркотики. Происходят и криминальные разборки между оптовиками и торговцами в розницу, случаются разбойные нападения на местных жителей или случайно оказавшихся в этих районах. Но если этот криминальный бизнес прикрыть, то эти безработные моло-

дые мигранты, которые привыкли к неплохим доходам от серой экономики, начнут терроризировать и обкрадывать уже непосредственно жителей этих пригородов, в которых всё острее и острее встает вопрос о качестве образования и воспитания. Дети избирателей Макрона не ходят в государственные школы в этих пригородах, а у детей избирателей Ле Пен выбора нет.

– Скажите, пожалуйста, несколько слов о себе. Вы – потомок древнего боярского рода, ведущего свою историю от Фёдора Кошки, сына боярина Андрея Кобылы, служившего Ивану Калите и Семёну Гордому. Из этого рода – через Фёдора Никитича Романова, ставшего патриархом Филаретом, – вышла последняя царская династия. После революции ваши родственники оказались в эмигра-

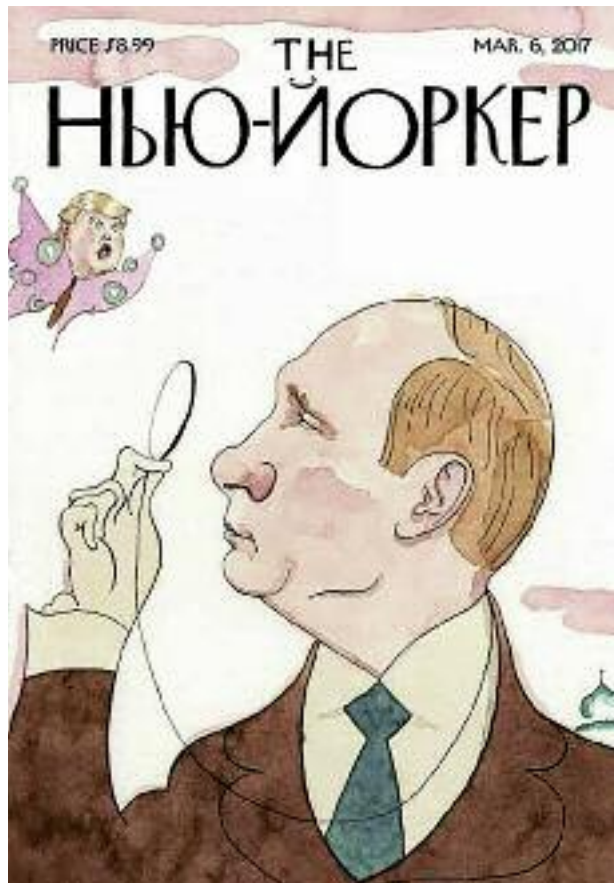
Младший брат моего прадеда – Аркадий Францевич (на фото) – известный криминалист, возглавлял уголовный розыск Российской империи

ции, вы уже родились во Франции. И вместе с тем у вас прекрасный русский язык. Это заслуга ваших родителей?

– Скорее бабушек. Обе мои бабушки были живы, когда я родился, и они со мной разговаривали по-русски. Да и родители в основном общались в русской среде – с представителями первой эмиграции. Еще совсем маленьким я застал живыми известных деятелей революционного движения Чернова и Церетели, а в студенческие годы – и представителей анархистов и даже коммунистов. Вообще эта первая эмиграция была довольно пестрой: она объединила людей с разным политическим прошлым, которые до эмиграции находились по разные стороны баррикад. Здесь были и монархисты, и либералы, и революционеры. Помню бывших петлюровцев – один из них чинил →

→ мне велосипед и подарил шка- тулку с трезубцем. Были пред- ставители национальных движе- ний – армяне, грузины. Застал я и махновцев. Словом, белая эмигра- ция на самом деле была далеко не только белой. Хотя моя семья от- носилась к потомкам именно бе- лых эмигрантов. Точнее, конечно, не белогвардейцев, а представителей новой российской бюрократии, выдвинувшейся при Сто- льпине, – специалистов- технократов. Мой пра- дед – Иван Францевич Кошко – был сначала пензенским, а затем пермским губернатором. Его младший брат – Ар- кадий Францевич – из- вестный криминалист, возглавлял уголовный ро- зыск Российской импе- рии. Курьезно, но факт: мои здешние злопыхате- ли, которые никак не мо- гут смириться с той пози- цией, которую я отстаи- ваю во французских СМИ, пытаются дока- зать мои связи с россий- скими спецслужбами тем, что я – правнук Аркадия Францевича: он – отец моего дедушки, а Иван Францевич – моей ба- бушки. И в этом – в луч- ших сталинских тради- циях признания винов- ным за «прегрешения» предков – меня обвиняла газета Libération. – **От вашей родословной мы снова перешли к информационной войне...** – А куда от нее денешься? Мы жи- вем в реалиях тотальной и непре- кращающейся информационной войны атлантис- тов против Рос- сии. Всё, что говорят предстали- тели России, – это всегда под во- просом. И даже преподносится соответствующим образом: дес- кать, русские утверждают. Про американцев же говорится со- всем иначе: тот или иной предста- витель Госдепа объяснил, разъ- яснил и так далее. Вот она, инфор- мационная война, – на уровне слов и терминов, чтобы эффективнее внедрять в сознание требующие- ся взгляды, мнения, смыслы. Объ- ективная информация никому не

нужна – нужна правильно препод- несенная информация, ее источ- ник неважен – хотя бы даже чей- то фейсбук. Вот, например, тоже распространенный прием: слить псевдоинформацию какому-ни- будь СМИ и потом повторять ее до тех пор, пока она не превратит- ся в непререкаемую истину. Это

Смотрите, как сегодня используются The Washington Post и The New York Times в раздуваемой кампании о якобы имевшем место влия- нии России на исход амери- канских выборов. Какая глупость! Что, за каждым американским избирателем стоял русский?

методика Геббельса, которая взя- та на вооружение американцами. Вспомните, как начиналась кампа- ния о фейковом оружии массово- го поражения Саддама Хусейна в The Wall Street Journal. Смотри- те, как сегодня используются The Washington Post и The New York

Times в раздуваемой кампании о якобы имевшем место влиянии России на исход американских выборов. Какая глупость! Что, за каждым американским избирате- лем стоял русский? А всё же по- вторяют, пишут как о чем-то истинном и доказанном и – в соот- ветствии с этим геббельсовским приемом – строят на та- ких воспроизводимых с высокой частотой утвер- ждениях всё новые и но- вые выводы. У вас в Рос- сии на телевидении, в многочисленных ток-шоу идут дебаты, высказы- ваются противоположные мнения. Да, конечно, воз- можно, мелькающие там время от времени агрес- сивные бандеровцы или поляки-русофобы – это подсадные утки, но они отстаивают определен- ные отличные от преобла- дающих в российском об- ществе мнения, и диалог происходит – хотя бы так. Правда, как правило, слишком шумно и слиш- ком часто, на мой взгляд. А здесь – нет. Одни и те же говорят одно и то же, и французские телезри- тели не имеют даже види- мого выбора из различ- ных точек зрения. Везде и без перерыва: «Путин – агрессор», «Путин на-

пал на Украину», «Путин пред- ставляет опасность для Европы». И эта беспробудная русофобия проявляется не только в политике, но и в экономике. Когда несколько лет назад Mittal приобретала активы Arcelor, она наняла специа- льное пиар-агентство, которое распространяло информацию, что ее конкурент – «Северсталь» – это мафиозная и бандитская струк- тура. Зачем это делалось – понят- но: надо было быстро и по деше- веке заполучить интересный для Mittal концерн Arcelor. И она вы- играла, но против интересов Франции и рабочих Arcelor. У «Северстали» был промышлен- ный проект, который гарантиро- вал рабочие места – потому что это было нужно «Северстали». А у Mittal был финансовый проект, и надо было выжать из приобре-

таемых активов по максимуму, а затем просто уволить рабочих.

– Но ведь подобные приемы из арсенала большого бизнеса внешне-национальны и используются не только против России и ее интересов.

– Да, это так. Какие грязные ухищрения были предприняты, чтобы продать нашу стратегическую компанию Alstom американцам! И почему-то нет ни одного журналистского расследования этой сделки. О каком суверенитете Франции можно после этого говорить – его и близко нет, атлантисты всё прибрали к своим рукам и, чтобы еще больше ослабить французскую идентичность, жестко насаждают эту опустылевшую всем политкорректность. Подумайте только, христианская реклама в метро – это, оказывается, неполиткорректно, а поздравления с Рамаданом – совершенно естественно и нормально. Наши министры ездят на ифтар в мечети, причем они не являются мусульманами. Видимо, они раздражают американскому послу, который регулярно объезжает французские пригороды, где проживают мигранты-мусульмане. Американцы всячески поддерживают мигрантские общественные организации, громко кричат о правах мигрантов и о недопущении ксенофобии. И даже инструктируют лидеров мигрантских общин, как противодействовать якобы неправомерным и незаконным акциям французской полиции. Вы только представьте себе: американцы учат мигрантов, как им сопротивляться французской полиции, в то время как в США сколько темнокожих американцев были убиты полицейскими, действовавшими якобы в полном соответствии с инструкциями о применении оружия!

– Вы – один из создателей франкоязычного сайта «Стоп, русофобия!» Но это вы и ваши единомышленники-французы. А насколько слышны во Франции голоса российских СМИ? – К сожалению, не очень слышны. RT – самый мощный и раскрученный российский ресурс инновационного развития – сделан с расчетом на американский вкус и на американскую манеру подачи и восприятия

О каком суверенитете Франции можно говорить – его и близко нет, атлантисты всё прибрали к своим рукам и, чтобы еще больше ослабить французскую идентичность, жестко насаждают эту опустылевшую всем политкорректность. Христианская реклама в метро – это, оказывается, неполиткорректно, а поздравления с Рамаданом (на фото) – совершенно естественно и нормально

новостной информации. А у французов своя манера, поэтому у нас популярность RT не такая, какой могла бы быть при адресной работе с нашей зрительской аудиторией. Началось вещание RT во французском сегменте Интернета, но если бы не Макрон с его нападками на RT и Sputnik, то мало кто вообще бы знал об этих передачах. Я и сам не знал! И это неправильно, потому что практически вся Африка выпадает из аудитории RT. И по интенсивности, и по мощи воздействия российские СМИ явно уступают американским, что понятно, если вспомнить, какие колоссальные средства тратят США на проведение информационной политики, отражающей их интересы. Там работает целая информационная индустрия. С российской стороны тоже бывают удачные акции, но это происходит от случая к случаю и делается, как правило, талантливыми журналистами типа корреспондентки RT Гаяне Чичакян. Ее виртуозные вопросы на брифингах в Госдепе вызывают восхищение. Но, увы, как индустрии, как системы российского присутствия в информационном пространстве Запада вообще и

Франции в частности нет. Такое присутствие не выстраивается одиночками. На информационной войне всё точно так же, как и на войне настоящей, – подвиги одиночек не заменят четкой и слаженной работы всей армейской машины целиком.

– Дмитрий Борисович, спасибо вам за интересное и содержательное интервью. Природа массовых фобий, влияние этих фобий на образы национальных идентичностей, конфликты таких идентичностей, а также целенаправленное формирование стереотипов для их употребления в технологиях информационного воздействия – всё это имеет непосредственное отношение к той тематике, которой посвящен журнал Focus, а именно, к коммуникациям и конфликтам цивилизаций. Вы многое сказали о морфологии такой давней, со стажем болезни западной цивилизации, как русофобия. И чем больше будет подобного рода откровенных и объективных диагнозов, тем скорее эта болезнь может быть излечена. Во всяком случае, хотелось бы надеяться именно на благоприятный исход этой болезни. 📌

Карен
СВАСЬЯН

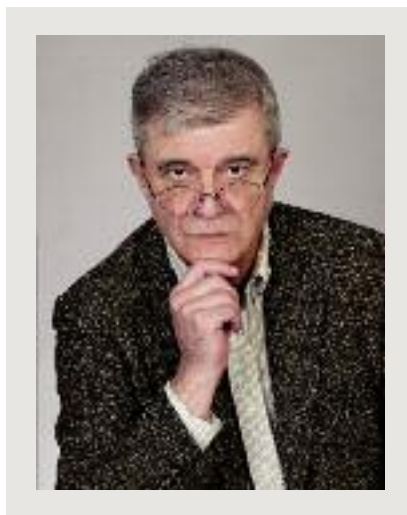
Христос перед Пилатом. Мозаика 520-х годов из равеннской базилики Сант-Аполлинаре-ин-Классе

Нужно было научиться труднейшему: не просто воздавать Богу Богово и, параллельно, кесарю кесарево, а так, чтобы при этом не заменять Бога кесарем, а кесаря собой – в отредактированной версии стояния Иисуса перед Пилатом, где римский прокуратор видит уже не молодого мечтателя и чудака, а соперника, способного при случае отлучить его и унижить хождением в Каноссу

ХРИСТИАНСТВО И ПОЛИТИКА

К истории католического воцерковления Бога

Т 1
о, что христианство, едва выйдя из катакомб и упав во власть, быстро и энергично начало осваивать политические техники и технологии, было столь же неизбежно в текучей логике момента, сколь и пагубно в перспективе уже ближайшего будущего. Нужно было научиться труднейшему: не просто воздавать Богу Богово и, параллельно, кесарю кесарево, а так, чтобы при этом не заменять Бога кесарем, а кесаря собой – в отредактированной версии стояния Иисуса перед Пилатом, где римский прокуратор видит уже не молодого мечтателя и чудака, а соперника, способного при случае отлучить его и унижить хождением в Каноссу. Поздний ницшевский гибрид «римского цезаря с душой

Карен Араевич Свасьян – доктор философских наук, с 1993 года живёт в Швейцарии, где занимается лекторской и издательской деятельностью при Forum für Geisteswissenschaft Zürich, автор многочисленных книг на русском и немецком языках

Христа» дополняется здесь фигурой Vicarius Filii Dei (наместника Сына Божьего) в цифровой транскрипции трёх шестёрок. Ещё раз: случилось то, что, с одной стороны, не должно было случиться, а с другой, не могло не случиться, и от этого парадокса, сообщающего ей невыносимую двойственность, Римская церковь так и не смогла оправиться за всё время своего существования. Первым знаком и сигналом перемен стало её обособление на фоне прочих церквей и наделение ею себя статусом исключительности, легитимность которого она будет обеспечивать уже задним числом легендой о так называемом Константиновом даре. В богословском отношении значимость Рима была ничтожна до такой степени, что отсутствие римского епископа на Никейском соборе в 325 году вообще осталось

незамеченным. Тем заметнее проявлялся его административный талант: способность к аппаратным играм, в которых юрист всегда одерживал верх над гностиком и решал в конце концов сам, что можно и чего нельзя знать. «Здесь царили не мечтательство и произвол, – замечает Гарнак, – а порядок, послушание и повинование; всякий элемент энтузиазма казался изгнанным. Христианская община Рима, хотя она и была греческой общиной, приняла в себя уже характерные черты римлян и ощущала себя общиной столицы мира». Сила и суть Римской церкви лежали не в экзегезе, а в умении выбирать единственно нужные толкования среди множества прочих и так, камень за камнем, выстраивать несокрушимую твердыню догматики. Толкователи лишь множили толкования, но последнее слово принадлежало не им, а аппарату: именно чиновники решали, что есть ортодоксия, а что гетеродоксия, что канон, а что ересь, что от Бога, а что от дьявола. Можно, без всякой соли, предположить, что за боговдохновенностью текстов, собранных уже в середине XIX века аббатом Минем и образующих так называемую *Patrologia latina*, а равно и за богопротивностью текстов, сохранённых в цитатных клочках у поносивших их апологетов, стоял не сам Бог, а некто N.N. как Его самозванный и безымянный тестаментарий: то ли столоначальник, то ли нотариус, без заверения которого ни одно откровение Божье не имело бы ровно никаких шансов считаться подлинным и действительным. Старый топик деяний Бога, совершённых через франков (*Gesta Dei per Francos*), дублируется здесь деяниями Бога, совершёнными через клерков (*Gesta Dei per clericos*), причём если простодушных франков на деяния сподвигал сам Бог, то у смиренных и набожных клерков дело обстояло с точностью до наоборот, хотя сами они даже в дурном сне не признались бы себе в этом.

2

Не признались бы они себе и в том, что описанное у Оруэлла «мыслепреступление» берёт своё начало не в тоталитарных режимах XX века, а в раннем христианстве, которое, в свою очередь, переняло его из римского права. По сути, это всё тот же закон об оскорблении величества (*crimen laese maiestatis*), имевший силу, хотя и в различных импликациях понятия, как во времена Республики, так и в период

Сила и суть Римской церкви лежали не в экзегезе, а в умении выбирать единственно нужные толкования среди множества прочих и так, камень за камнем, выстраивать несокрушимую твердыню догматики

Империи. Если субъектом величества в республиканском Риме выступал народ и, соответственно, оскорбить величество значило оскорбить народ, то уже с Тиберия место народа занимает персона самого императора. В эдикте Феодосия от 10 января 381 года, узаконившем Никейский символ веры, субъект фигурирует уже не в прежнем телесно-зримом виде, как это и отвечало бы канону античной эйдетики, а в одухотворённо-абстрактном: носителем величества оказывается здесь уже не личностное, а понятийное: обязательная для христианского мира формула вероисповедания, оскорбить которую можно не иначе, как ересью и инакомыслием. Можно говорить о неслыханном во всех смыслах сдвиге сознания, если учесть, что ещё у Павла ересь не только была лишена всяких негативных коннотаций, но даже поощрялась («Ибо надлежит быть и разномыслиям (в оригинале – ересям. – К.С.) между вами, дабы открылись между вами искусные» (1 Кор. 11:19), а Климент Александрийский всего за полтора столетия до Феодосия употреблял слово в его исконном значении: одной из множества школ (*Stromata* 7, 15). Значимость этого сдвига трудно переоценить. Наконец, придя в себя после долгих философских пиршеств, поняли, что грех – это не выходки и дурачества бунтующей телесности, а *reccatum intellectuale*, грех познания.

Идеи Платона, ставшие у Августина мыслями Бога, вдруг во мгновение ока потеряли свою беспризорность и ребячество и обнаружили такую смертельную серьёзность, что стоять перед ними с тех пор можно было не иначе, как навтыяжку, и с готовностью провалиться сквозь землю. Конечно, за преследованием инакомыслия таился страх перед мыслью, но ведь страхась мысли и запреща её, лишь признавали её значимость и исключительность. Никакой грех, никакая фривольность не могли тягаться с мыслью по степени опасности и риска; сред- ➔

В борделе. XV век

Никакой грех, никакая фривольность не могли тягаться с мыслью по степени опасности и риска; средневековый студент предавался блуду с не меньшим рвением, чем своим непосредственным занятиям

➔ не вековый студент предавался блуду с не меньшим рвением, чем своим непосредственным занятиям, о чём ещё в 1225 году сокрушался кардинал Жак де Витри: «В одном и том же доме верхний этаж занимали школы, а нижний бордели. Наверху магистры читали свои лекции, а внизу девки предлагали свои постыдные услуги». Это – сквозь пальцы и с грехом пополам – подлежало суровому порицанию; об отлучении или святом костре тут не могло быть и речи.

3

Наверное, при сопоставлении вещей интереснее, а главное, продуктивнее искать различие в случае сходства и сходство в случае различия. Скажем, сравнивая церкви, Католическую и Протестантскую. Не составляет труда увидеть их в точке разлома и противопоставленности. Гораздо труднее обнаружить в них признаки близости и родства – скажем, по образцу Шпенглера: «Учёный мир Запада сконструирован по образцу католической церк-

ви. Особенно в протестантских областях». Другим таким пунктом оказываются практики преследования инакомыслящих, успешно унаследованные протестантами у ненавистного им Рима. Наверное, тем и другим даже в голову не могло прийти, насколько они одинаковы на более глубоких уровнях восприятия. Известно, что последней каплей терпения Лютера стала усиленная продажа индульгенций, преискурант которых украсил бы любой сатирический журнал. К примеру, в списке Тетцеля отпущение грехов шло по нисходящей: содомия 12 дукатов, ограбление церкви – 9, колдовство – 6, а отцеубийство и вообще за бесценно – 4. Можно было даже открыть депозит и уплатить за некоторые грехи вперёд, до их совершения. Что любопытно, так это то, что в перечне не нашлось места для ереси или даже просто безбожия. До такой креативности не додумался никто: отпустить ересь или безбожие за наличный расчёт или по предоплате. (Допустив, что в ценнике они стоя-

ли бы выше содомии.) Конечно, содомит или отцеубийца по степени опасности не шли ни в какое сравнение с инакомыслящим. Инакомыслие – всё равно, католическое или протестантское – было недопустимо вообще. В память и во исполнение старого языческого закона об оскорблении величества в христианской редакции: мысли, застывшей однажды в догме, как в гипсе, и грозящей отлучением и костром любому, кто осмелился бы помыслить её иначе. В остальном толерантность средневекового мира не знала границ. Блуд, пьянство, чревоугодие, все мыслимые и немыслимые извращения, скопированные, казалось бы, со страниц Боккаччо, Аретино и Рабле, воспринимались в фильтре смеха и острословия. Доставалось даже папам, да так, что лютеровское *des Teufels Sau, den Babst* («чёртова свинья папа») нисколько не выделялось на общем фоне обценностей. Нужно просто – наугад и навскидку – вспомнить несколько образчиков свинства, чтобы не оставалось никаких сомнений в том, что в этом королевстве подгнило уже не что-то, а всё: скажем, папу Юлия II, сифилитика и содомита, о котором Ульрих фон Гуттен сказал как-то, что он взял бы небо штурмом, если бы там наверху ему заперли дверь, или папу Льва X, о котором говори-

Лукас Кранах Старший.
Мартин Лютер. 1526 год

**Лютер восстановил церковь,
напав на неё; по существу,
протестантизм воспроизво-
дил старые католические
практики реконвалесценции**

ли, что он, проживи чуть дольше, продал бы Рим, Христа, себя и не оставил бы после себя даже суммы, достаточной для того, чтобы оплатить свечи на собственное погребение.

4

Против этого юмористического христианства с его абсолютно коррумпированным и потерявшим всякое чувство реальности Богом и восстала смертельная немецкая серьёзность. Ницше (а до него Якоб Буркхардт) вынес приговор: «Лютер видел порчу папства, в то время как налицо было противоположное: уже не старая порча, не *rescatum originale* (первородный грех, лат. – К.С.), не христианство восседало на папском престоле! Но жизнь! Но триумф жизни! Но великое Да всем высоким, прекрасным, дерзновенным видам!.. И Лютер снова *восстановил церковь*: он напал на неё...» То, что отпущение содомского греха за 12 дукатов могло оказаться триумфом жизни, едва ли укладывается в серьёзность. Даже в немецкую серьёзность. Но основная мысль проста и ясна: Лютер действительно восстановил церковь. Это было вывернутое наизнанку переживание Дамаска. Он услышал не: «Почто ты гонишь Меня?» – а: «Почему ты думаешь,

что Я гоню тебя?» Религиозный опыт Лютера, не сводимый ни к догме, ни к ереси, – это опыт свидетеля, перенесшегося вдруг из евангельской топки в блудный и душный Рим образца 1510 года и остолбеневшего от «мерзости запустения». Die feine gläubige Stadt ist zur Hure geworden («славный набожный город стал шлюхой») – это первое, что он мог выкрикнуть, придя в себя. Лютер восстановил церковь, напав на неё; по существу, протестантизм воспроизводил старые католические практики реконвалесценции – вроде кляунийской реформы, когда разлагавшийся институт монашества был спасён путём усиления аскетизма и целибата, или крестовых походов, обрызгавших полумёртвое христианство живой водой эзотерики, принесённой с Востока и оживившей его взрывами эйфории и энтузиазма. Поскольку ко времени Лютера запустение переросло в деформацию, оживление могло прийти не иначе как в форме протеста и бунта; Реформация, столь значительная и неповторимая в элементе негодования и возмущения, обнаружила все черты абсурдного вырождения,

стоило ей только переключиться с волны протеста на волну созидания. «Лютер, – резюмирует Гарнак, – подарил своей церкви христологию, которая по схоластической бессмыслице оставила далеко позади себя томистскую». В конце концов протестантизму, в чистом адекватном виде, суждено было прожить ровно столько, сколько продлился сам протест; по мере утихания протеста его деградация протекала в гораздо более уродливых формах, чем то, против чего он так неистово протестовал и с чем так страстно боролся. С ним случилось худшее, что вообще могло случиться с религией: он потерял свою религиозную идентичность (трансцендентность), так и не приобретя мирскую. Доточил себя до исчезновения и стал лихтенберговским ножом без рукоятки и с отсутствующим лезвием. Самоупражнение протестантизма – факт, с какого-то момента ставший необратимым: от Давида Фридриха Штрауса с его подогнанной под мещанский уровень и вкус «Жизнью Иисуса» до современного Бультмана, с таким же слепым рвением мифологизирующего науку, с каким он демифо- ➔

Последней каплей терпения Лютера стала усиленная продажа индульгенций, преискурант которых украсил бы любой сатирический журнал. К примеру, в списке Тетцеля отпущение грехов шло по нисходящей: содомия 12 дукатов, ограбление церкви – 9, колдовство – 6, а отцеубийство и вообще за бесценнок – 4

Индульгенция. 1487 год

→ логизировал религию. Итог в 1921 году подвёл священник (священник!) Фридрих Гогартен: «Из всех самонадеянностей человека наиболее чудовищной является та, которую по обыкновению называют религией. Самонадеянность её в том, что она рассчитывает прийти к бесконечному от конечного, силами конечного, и хочет преодолеть абсолютную противоположность между Творцом и тварью силами твари».

5

Лютер снова восстановил церковь. Не новую, как ему казалось, протестантскую, а всё ту же, единственную, из которой он вышел и на которую напал. Он просто не смог убить её, а не убив, сделал её лишь сильнее. По сути, Реформация оказалась реанимацией: в грубом варианте – пощёчиной, приведшей церковь в чувство, а в более учтивом – своего рода кардиостимулятором при острой сердечной недостаточности. Выше были уже отмечены случаи регенерации Римской церкви в периоды её опасного и чреватого столбняком расслабления. Просто случай Лютера, в отличие, скажем, от клюнийского движения, представлял собой не попытку взять себя в руки, а разрыв и отделение, в чем не было ничего удивительного, если учесть, что степень распада и разложения церкви к тому времени достигла максимальной отметки и только слепой мог рассчитывать на оживление этого нового Вавилона изнутри. Ситуация была хуже некуда: папский нунций Джироламо Алеандер сообщал из Вормса 8 февраля 1521 года, что девять десятых немцев скандируют «Лютер!», а оставшаяся десятая часть, хоть и равнодушна к Лютеру, но кричит: «Смерть римскому двору!» По-видимому, нужно было попасть именно в такой тупик, чтобы прийти в себя и притвориться непогибшим. Самое интересное: они наверняка даже не поняли, что же всё-таки произошло на самом деле. Лютер был для них не больше чем нечестивцем: неотёсанным и наглым немцем, посягнувшим на гуманизм и на радости жизни. Неотёсанность и наглость заключались в том, что он, попирая такт,

Антонио Фабрес. Бенедикт XV. 1916 год

Эмиль Людвиг в разговоре с Муссолини в 1932 году привёл слова, сказанные ему папой Бенедиктом XV после Первой мировой войны: «Это Лютер проиграл войну». После Ялты и Потсдама можно было бы добавить: «На этот раз окончательно»

приличие и здравый смысл, принял христианство всерьёз, то есть отнёсся к нему не так, как это водится среди цивилизованных людей, а по-мужицки. Простое соображение, что, оказавшись среди хриstopродавцев, он мог же ведь принять сторону Христа и читать историю Павла не как филолог и полигистор, а как очевидец, едва ли приходило в голову. Случай Лютера открывает, пожалуй, первую страницу в тяжёлой и дрящейся по сей день истории одного конфликта: между немецким и западным (французским, английским) способом восприятия и понимания себя и мира. Нужно будет вспомнить череду непримиримых полемик: Бэкона с Парацельсом, Лейбница с Кларком, Гёте с Ньютоном, вплоть до позднего противостояния, запечатлённого Мёллером ван ден Бруком и Вернером Зомбартом в формуле «герои и торговцы», чтобы понять, что конфликт, начавшийся с духовного, должен был продолжиться в

грохоте пушек и ковровых бомбардировках. Впрочем, он и не продолжился, а с самого же начала протекал параллельно: на страницах книг и на полях сражений. Эмиль Людвиг в разговоре с Муссолини в 1932 году привёл слова, сказанные ему папой Бенедиктом XV после Первой мировой войны: «Это Лютер проиграл войну». После Ялты и Потсдама можно было бы добавить: «На этот раз окончательно». Удивительно, что борьбу против Лютера, начатую Римом, подхватили впоследствии сами протестанты, целясь уже не в частности вероисповедания, а в *суть*. Западный леволиберализм лишь перенял у католического консерватизма благородную задачу избавления

человечества от германской напасти. И если Леон Блау, «пилигрим Абсолютного», писал в 1916 году, что «безнаказанность Германии была бы доказательством несуществования Бога», то ему с другого конца вторил либеральнейший Горацио Боттомли, основатель *Financial Times* и издатель журнала *John Bull*, требовавший уничтожения немцев, даже живущих в Англии и имеющих английское гражданство, потому что: «Вы не можете натурализовать противоестественный скот – человеческого недоноска – исчадие ада. Но вы можете истребить его».

6

Ещё раз: Реформация не убила Римскую церковь, но вынудила её лишь собраться с силами и тем самым продлила ей жизнь. Ответом на виттенбергский молоток стала тотальная мобилизация католицизма под знаком решительной перестройки и переформатирования. Можно было бы, не без крупицы соли, сказать, что если Реформация и удалась, то как раз в том, что она сохранила то, что силилась уничтожить. Реформированной оказалась сама Римская церковь – под девизом и знаменем Контрреформации. По меткому сравнению одного старого немецкого автора, протестантизм преобразил прежний беспечный деспотизм Католической церкви в деспотизм недоверчивый. Тридентский собор очистил большой организм от шлаков сотен и сотен

лет, а главное: церковь снова стала собранной, серьёзной, похожей на себя, опасной, прежней. Вдруг мигом сдуло ренессансную ветренность и ребяческую игру в древности и повеяло затхлым духом былой аутентичности. Наверное, в сердце отцов-основателей Контрреформации стучался пепел ещё недавно сожжённого их предшественниками во Флоренции Савонаролы, хотя Игнатий Лойола запретил даже упоминание этого имени. Нужно было восстанавливать церковь, не критикуя её, а запрещая всякую критику. С 1554 года действует цензура – индекс запрещённых книг, куда вошли сочинения не только ненавистных протестантских авторов, но и, среди прочего, Данте, Петрарки, Боккаччо, Лоренцо Валлы, Николая Кузанского, Эразма. Тогда же запрещается изображение нагих тел. Папа Пий V велит какому-то художнику облачить в одежду фигуры Сикстинской капеллы. Престарелый Бартоломео Амманати осуждает безнравственность своих скульптур; Орландо ди Лассо в старости сокрушается о непристойности своих обценных контрафактур и завершает жизненный путь покаянным циклом *Lagrine di San Pietro* с посвящением папе Клементу VIII – «в знак моего особенного почтения» (*per mia particolare devotione*); Тассо после 1581 года собственноручно передаёт инквизиции свою поэму и просит о цензуре. Но главное и решающее событие: в 1540 году, за несколько лет до собора, официально утверждается возникший незадолго до этого орден иезуитов (некий аналог *deep state* в структуре церкви), который с такой свирепой энергичностью берётся за дело, что Тридентский собор, топчущийся на месте в бесплодных спорах, уже в скором времени поражает решительностью и непримиримостью поставленных задач. Переход от ренессансной телесности к барочной пневматике в шуме и ярости религиозных войн и избиений разыгрывался как рокировка жажимостей – чувственной и сверхчувственной. Если Ренессанс стирал всякую грань между язычеством и христианством – так что, к примеру, Никколо Пизано мог слегка отретушировать античное изображение Диониса, чтобы включить его в ком-

Питер-Пауль Рубенс. Чудеса святого Игнатия Лойолы. 1618–1619 годы

Главное и решающее событие тотальной мобилизации католицизма: в 1540 году, за несколько лет до собора, официально утверждается возникший незадолго до этого орден иезуитов, который с такой свирепой энергичностью берётся за дело, что Тридентский собор, топчущийся на месте в бесплодных спорах, уже в скором времени поражает решительностью и непримиримостью поставленных задач

позицию «Поклонения волхвов» в Пизанском баптистерии, а для иног учёного монаха обычным делом было зажигать лампаду Божьей Матери под бюстом Платона, – то барокко стало Ренессансом католицизма, центр тяжести которого соответственно переместился из язычески скомпрометированной Италии в более резистентную

Испанию – ту самую, о которой Эмиль Чоран обронил однажды запоминающееся слово: «Будь Бог циклопом, его глазом была бы Испания». Конечно, силой, волей и душой перехода был иезуитизм, в котором Католическая церковь обрела своё второе дыхание, свой эликсир молодости, свой портрет Дориана Грея, вбирающий в себя →

Фриц Айхенберг. Иллюстрация к «Великому инквизитору» Федора Достоевского

Потребовалась организующая сила, потребовался аппарат, каковым и стали церкви, сначала каждая по себе, а позже все под одной, Римской, которая единственно и решала, что правильно, а что нет, – причём не только за паству, которой надежало правильно верить в Бога, но и за Бога, который и Сам должен был быть правильным, чтобы можно было правильно же в Него верить

→ все грехи и безобразия остающегося подозрительно невинным оригинала. Католицизм в иезуитизме был не только заспиртован и сохранён, но и стал вездесущим, всюдным, глобальным, буквально кафоличным, как бы во исполнение слов корнелевского Сертория: «Рим больше не в Риме, он всюду

там, где я» (Rome n'est plus dans Rome, elle est toute où je suis). Отныне Римская церковь была там, где были иезуиты, а иезуиты были всюду, зримо и незримо, в исповедальнях и на университетских кафедрах, в кулуарах власти и на круглых столах, среди парижских интеллектуалов и у дикарей

Тасмании: проповедники, философы, миссионеры, мистики, военные, стратеги, тактики, учителя, естествоиспытатели, советники, духовники, утешители, подстрекатели, отравители, шахида, гуманисты, злодеи, ангелы, демоны, черти – на все случаи жизни. Цель была: охранение и сохранение церкви, и цель оправдывала средства. Или, как элегантно выразился однажды историк церкви (и друг Ницше) Франц Овербек: «Не то чтобы господство сатаны вступило в силу с иезуитов, но и не так, чтобы они были совсем невинны в том, что о них могли так думать». Просто они ради Бога продавали душу дьяволу, по сути, покупали дьявола, чтобы он служил Богу. Беда в том, что охраняемым и сохраняемым был мертвец, как мертвецом был и сам охранник (*perinde ac cadaver* – «будь послушен, как труп», орденских установлений), – тот и другой в знаке неслышанных слов: «Предоставь мёртвым погребать своих мертвецов».

7

Готфрид Бенн в одном письме 1948 года корректирует тему «Заката Европы»: «Гибель Запада лежит не в его духовной слабости, которую можно повсюду наблюдать, а в собачьем пресмыкательстве его интеллигенции перед политическими целесообразностями». Можно добавить, что гибели Запада предшествует гибель христианства, *finis christianismi*. Имя и причина этой гибели – социализация и политизация мистерии через сведение вертикальной глубины человеческого в одномерность бюргерского и буржуазного. Наверное, самые ранние симптомы этого заметны уже в Деяниях апостолов, когда осенённые Святым Духом ловцы душ разошлись по миру, проповедуя благую весть. Механизм политизации прост как запертая дверь. Нужно лишь не искать её там, где её нет и не может быть. А нет и не может быть её в главном. Если – в память о бессмертном авторе «Краткой повести об антихристе» – знать, что главное в христианстве не христианство, а Христос. История христианства – всего целиком, за редкими и редкой силы исключениями, – история растянувшегося на тысячелетия гефсиманского сна, в котором лунатиче-

ские сновидцы страстно и страдальчески просыпают тайну своего первородства. Важно понять: настоящее начало христианства, то, в чём оно всегда остаётся настоящим и никогда не становится прошедшим и прошлым, – это момент, когда нет ещё никакого христианства, а есть единственно *факт, событие, мистерия* одного неспящего человека, пришедшего к спящим и заповедовавшего им не спать. (Паскаль говорит о дьявлении до конца мира агонии Иисуса и о том, что нельзя всё это время спать.) Когда потом очнувшиеся на мгновение и осознавшие случившееся апостолы вынесли мистирию в пространство публичности, это стало началом христианства в собственном смысле слова. Начало христианства – начало христианского движения, расходящегося как круги по воде. Чтобы движение не приняло аморфный и хаотичный характер, потребовалась организующая сила, потребовался *аппарат*, каковым и стали церкви, сначала каждая по себе, а позже все под одной, Римской, которая единственно и решала, что правильно, а что нет, – причём не только за паству, которой надлежало правильно верить в Бога, но и за Бога, который и Сам должен был быть правильным, чтобы можно было правильно же в Него верить. Как раз это и объяснял Великий инквизитор своему загадочному и молчаливому пленнику, который, по-видимому, оттого и молчал, что ему нечего было возразить на услышанное, а нечего было возразить оттого, что он был не Тот, каковым его восприняло помрачённое сознание Ивана Карамазова. Помрачённое до того, что ответом на страшные и смертоносные аргументы инквизитора стал опереточный поцелуй в уста, после чего пленнику было указано на дверь. «Ступай и не приходи более... никогда, никогда!» – «Пленник уходит». (Так, в переводе на русский, *Gott ist tot* («Бог мёртв»)) Ницше и *Dieu se retire* («Бог удаляется на покой») Леона Блуа.) Потому что некоему мастеру порчи и мировому мерзавцу удалось уткнуть мистирию смысла, начавшуюся с: «Вот, Я делаю всё

Допустимо всё что угодно, даже безбожие, если оно «нужно», а «нужно» оно там, где с его помощью легче и быстрее достигают «нужного». Сент-Бёв (на фото) выразительно охарактеризовал ситуацию, сказав, что «можно быть очень хорошим католиком и в то же время едва ли христианином»

новым», в знакомый до боли акцент: «*Кадры решают всё*».

8

Абсолютный (свободно по Кьеркегору) парадокс христианства: невозможность христианской политики на фоне безудержно политизируемого христианства. Это даже не противоречие в определении, а просто невозможность априори, допустив, что нелепее христианского политика мог бы оказаться разве что христианский физик или, скажем, христианский хирург. Шефам христианского протокола заблагорассудилось сузить круг возможностей своего Бога до неприлично немногих точек приложения, вроде поэзии, музыки, живописи, архитектуры или армии спасения; в остальном располагал уже не Он, а Его умудрённые житейским и прочим опытом ньюсмейкеры и спичрайтеры. Один иезуит-математик признался другу Галилея во время суда над последним, что, сохрани тот с ними, с

отцами-иезуитами, добрые отношения, он жил бы в славе и осыпанный почестями и писал бы что вздумается, даже о вращении Земли. Тридцатью тремя годами раньше это могло бы быть сказано и о Джордано Бруно – правда, с небольшой поправкой: вместо «жил бы в славе» просто «остался бы в живых». Назвать это цинизмом значило бы ломиться в открытую дверь; точнее было бы говорить о политике, в силовом поле которой решают уже не догмы и не ереси, а «*добрые отношения*». Догмы и ереси в политическом дискурсе христианства функциональны, а не субстанциальны, и описываются как зависимые переменные от заданных значений. Допустимо

всё что угодно, даже безбожие, если оно «нужно», а «нужно» оно там, где с его помощью легче и быстрее достигают «нужного». Сент-Бёв выразительно охарактеризовал ситуацию, сказав, что «можно быть очень хорошим католиком и в то же время едва ли христианином», а Шарль Моррас сжал её до чеканной формулы: «Я атеист, но я католик». Нет сомнений, что эта релятивизация понятий столь же невозможна в абсолютном элементе религиозного, сколь она единственно возможна и даже неизбежна в абсолютном элементе политического. Политика растворила в себе религию по той же схеме, по какой логическая форма мысли в схоластике растворила в себе содержание мысли (предмет). Отточив мыслительный аппарат до совершенства, залюбовались им до умопомрачения. То же повторилось впоследствии и в естествознании, так и не осознавшем, до какой степени оно воспроизводит теологическую структуру в самом своём – классическом ли, релятивистском или квантовом – существовании. Подобно тому как физика, вместо того чтобы исследовать природу, сама занимает место природы, так и религия вытесняет Бога своими понятиями и представлениями, выдавая их за самого Бога. Карл Баллмер сказал об этом в простых и предостерегающих словах: «Человечеству грозит опасность легко выжить из ума на чахло мифе о Боге. Оно разучилось общению с *Богами*. Боги не обыватели. Есть уважаемые Боги, которые не ➔

Караваджо. Обращение на пути в Дамаск. 1600-1601 годы

Главное верить в Бога – всё равно, есть ли Он или Его нет. Это и обеспечивала во все времена церковь, не видя собственной палки о двух концах, на одном из которых миром управлял Бог, а на другом Богом управляла церковь. Когда, наконец, немногие, трезвые и ответственные, спохватились и забили тревогу, выяснилось, что решение всё-таки есть.

Правда, единственное и к тому же невозможное.
Идя в Дамаск, прийти в Каноссу

→ придают никакого значения тому, католики ли они или протестанты. Дистанция между Богами <...> и христианскими обывателями больше, чем себе представляют. Дистанция между Богом и бюргером в любом случае больше, чем себе представляют». Особенно, если представляющий не просто бюргер, а ещё и философ или теолог кантовского изготовления, для которого Бог – это частный случай вещи в себе, а вещь в себе – полезная и целесообразная фикция, в которую лучше (полезнее) верить, чем не верить. Советовал же оккультный психотерапевт Юнг своим неверующим пациентам верить в Бога, чтобы не заболеть. В кантовской редакции: чтобы быть моральными.

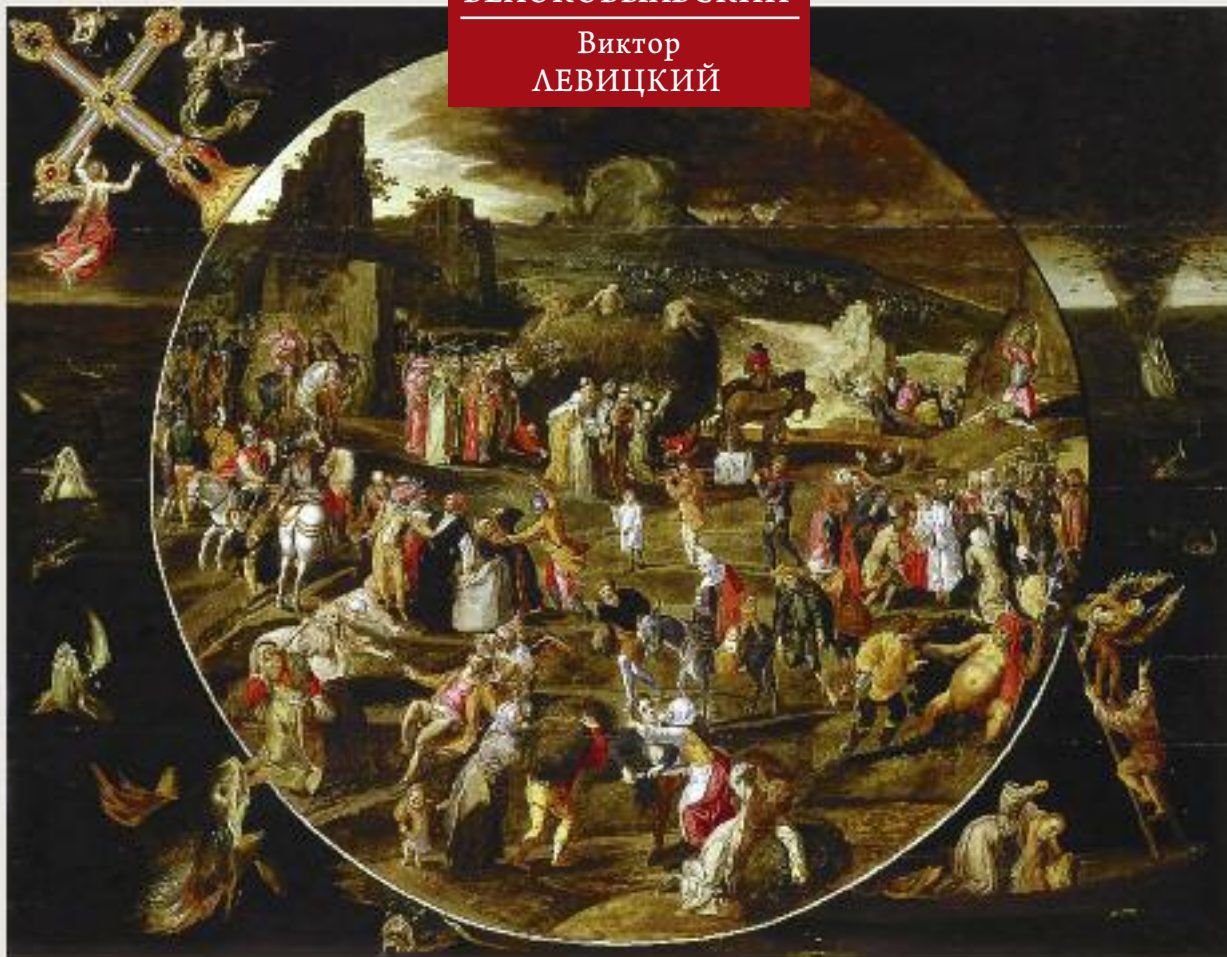
Мы моральны не потому, что верим в Бога, но мы верим в Бога, потому что мы моральны. Или иначе: мы верим в Бога не потому, что Он есть, но Он есть, потому что мы в Него верим. Главное верить в Бога – всё равно, есть ли Он или Его нет. Это и обеспечивала во все времена церковь, не видя собственной палки о двух концах, на одном из которых миром управлял Бог, а на другом Богом управляла церковь. Когда, наконец, немногие, трезвые и ответственные, спохватились и забили тревогу, выяснилось, что решение всё-таки есть. Правда, единственное и к тому же невозможное. Идя в Дамаск, прийти в Каноссу. Деполитизировать себя, чтобы увидеть себя, говоря языком феноменологии, в

своей допредикативной очевидности, в том, что было (есть!) до всякой церкви и с чего сама она началась однажды. Говоря прямее: если началом исторического и загнавшего себя в тупик христианства была невозможность (тертуллиановское *certum est quia impossibile est* – «это несомненно, ибо это невозможно»), то стать христианином (по Гёте: «каким его хотел бы иметь Христос») можно – во все времена и поверх всех конфессий и кадров – не иначе как входя в невозможное и живя в невозможном. Парадокс христианства: начавшись с невозможного, оно только и делало, что приспособлялось к возможному, пока, в конце концов и с другого конца, не попало в невозможное, только уже не в прежнее (тертуллиановское, изначальное и несомненное) невозможное, а в самое обыкновенное и банальное, называемое тупиком. Потому что если деполитизация христианства (как возвращение к началу, или факту, событию, мистерии Христа) вообще возможна, то уже не на фоне *sola fide* («только верю») и паскалевского «безумия креста», а в элементе абсолютно трезвого сознания и знания, от которого во все времена предостерегали отцы, понеже знание о Боге невозможно либо от дьявола. Даже Карлу Барту, этому последнему великому учителю церкви, уже в наши дни понадобилось исписать девять тысяч страниц «Церковной догматики», чтобы поведать, что *знать о Боге может только сам Бог*. Ставрогин у Достоевского ухитрился уместить эту многословную догматику в одном-единственном «подлом выражении»: «Чтобы сделать соус из зайца, надо зайца; чтобы уверовать в Бога, надо Бога». Подлое выражение провоцирует более подлый вопрос: как сделать соус из зайца, которого невозможно поймать? Или проще: которого нет. Чтобы избежать ответа на этот вопрос, каковым мог бы быть только никакой ответ, христианство предпочло воздавать Богу не покрытое мраком неизвестности Божье, а хорошо известное и могущественное кесарево – в преддверии будущих бунтов, свержений с тронов и насаженных на пики голов. **Р**

Базель, 17 марта 2017 года

Александр
БЕЛОКОБЫЛЬСКИЙ

Виктор
ЛЕВИЦКИЙ

Школа Гиллиса Мостарта. Аллегория мирского тщеславия. Вторая половина XVI века

УКРАИНА И РОССИЯ в эпоху постсекулярных идеологий

Вопрос о роли предельных философских обобщений остается открытым. С одной стороны, взгляды подобные теориям «конца истории» или «столкновения цивилизаций» настолько абстрактны, что не могут быть однозначно верифицированы – как, впрочем, и фальсифицированы – конкретными эмпирическими фактами. Однако с другой стороны, именно вокруг таких метакоцепций формируются стратегии глобальных культурных изменений. В этой области эвристический, организационный, а возможно, и мобилизационный потенциалы историко-философских построений трудно переоценить. И именно здесь – в сфере понимания глобальных трансформаций миросистемы в первые десятилетия XXI века – наблюдаются

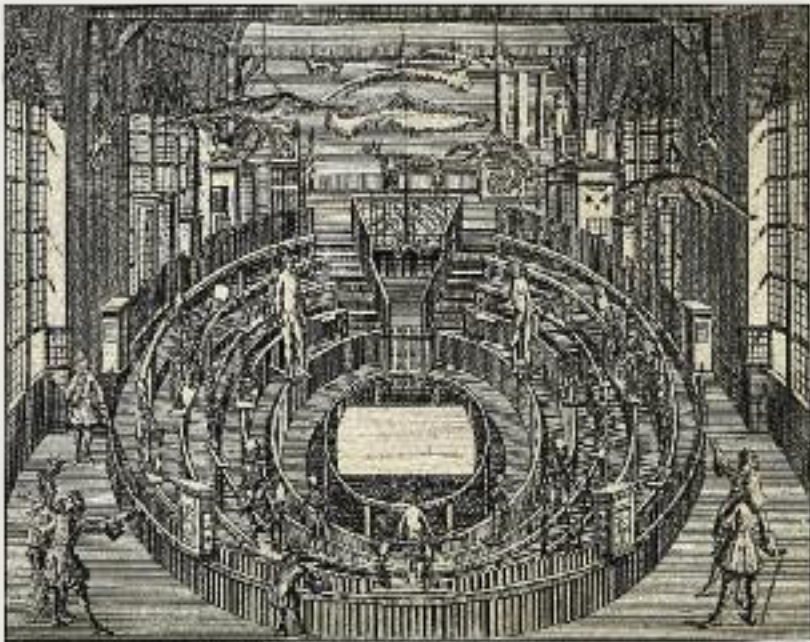

Александр Владимирович
Белокобыльский –
доктор философских наук,
профессор, директор Киевского
отделения Украинского института
стратегий глобального развития
и адаптации

Виктор Сергеевич
Левицкий –
кандидат философских наук,
директор Украинского института
стратегий глобального развития
и адаптации

Анатомический театр в Лейдене. Гравюра XVIII века

В науке зародился подход, который разительно отличается от религиозного и традиционного: мы стремимся подчинить природу и изменить окружающий мир. Вера в существование подлежащего изучению, целенаправленному изменению и покорению мира, а также осуществляющего это изучение/изменение/покорение человека/общества и составляет сущность того универсального проекта развития человечества, который сформировался в границах западной цивилизации

→ ся определенные теоретические проблемы. Действительно, трудно указать такой взгляд на события последних лет, который смог бы объединить в одной схеме и «крестовый поход», почти объявленный Бушем-младшим против исламского терроризма, и кризис мирового порядка, сложившегося после Второй мировой войны, и проблемы Европы, и тотальную радикализацию политической атмосферы в мире, и наблюдаемый в разных частях земного шара религиозный ренессанс.

Еще один ключевой вопрос – о том, допустимы ли в области подобных метакоцепций технологии оптимизации этой ситуации. Иначе говоря, открытия в области конструктивистской функции человеческого интеллекта, сделанные в прошлом веке, позволяют предположить, что артикуляция именно «оптимистичных» аттракторов, в направлении

которых может развиваться система, способно сыграть позитивную роль в том случае, если предложенная теория окажется эвристичной и будет воплощена в жизнь.

Собственно, ниже и предлагается попытка ответа на вопрос, каким образом понимать происходящие с нами и нашими странами перемены, который дан в свете предположения о том, что технологии оптимизации все же допустимы.

Мир первичной секуляризации и мир секуляризации вторичной

Причину утраты Европой – а возможно, и западной культурой – роли цивилизационного гегемона следует искать не в экономических или даже политических циклах новейшего времени, а в более масштабном историческом контексте.

Если взглянуть на историю Европы, то именно на рубеже I и II ты-

сячелетий нашей эры произошли кардинальные изменения, приведшие к рождению через несколько столетий новой, как мы говорим сегодня современной, Европы. Эти изменения – формирование нового типа города, рождение университета и схоластической теологии, а также светского пространства общественных отношений и легитимаций – стали следствием невиданной ранее унификации европейской культуры, объединенной вокруг христианского учения, литургии и проповеди. Европа поступательно превращалась в более или менее светское культурное пространство, со временем распространившееся на части Америки, Азии и Австралию. Собственно, экспансионистское расширение светского культурного пространства, сегодня обобщенно называемого Западом, и следует считать глобализацией.

Необходимо обратить внимание на то, что секуляризация как целенаправленное и практически полное выхолащивание религиозных смыслов из культуры – а не рационализация религии, то есть нормальный этап в становлении любой развитой религиозной традиции, – как это было показано украинским религиоведом Русланом Халиковым, произошла в человеческой истории лишь однажды и именно в средневековом латинском христианстве. В отличие от «нормальных» трансформаций религиозных традиций, происходивших в разные времена и на разных континентах, в процессе которых существовавшие религии изменялись или порождали новые религиозные движения, в Европе появился новый – нерелигиозный – тип культурного бытия.

Светская западная цивилизация сформировала секулярное понимание себя и мира, и этим она различалась с традиционным обществом, которое имело мифологические представления о мире и человеке, их прошлом и будущем. Светские представления сложились в результате рациональной «зачистки» христианского мировоззрения от религиозных и мифологических элементов. Вплоть до сегодняшнего дня западный человек верит – причем практически религиозно – в существование материального мира, появившегося в результате Большого взрыва, в историю и прогресс, не за-

мечая некоторой неестественности и бездоказательности этого «символа веры». Однако именно с воплощением в жизнь подобных постулатов было связано взрывоподобное развитие научного знания, а также знания технологического. Следует заметить, что технологический прогресс, следствием которого и стала индустриальная цивилизация, был связан не только с научными открытиями, но и со сменой способа видения мира. Именно в науке зародился подход, который мы практикуем до сегодняшнего дня и который разительно отличается от религиозного и традиционного: мы стремимся подчинить природу и изменить окружающий мир. Вера в существование подлежащего изучению, целенаправленному изменению и покорению мира, а также осуществляющего это изучение/изменение/покорение человека/общества и составляет сущность того универсального проекта развития человечества, который сформировался в границах западной цивилизации. Именно бытие в этом современном проекте символизировало для Европы культуру – в отличие от религиозного варварства. Против последнего был объявлен «крестовый поход», получивший название Просвещения. «Крестоносцы разума», благодаря сплоченности и технологической вооруженности, сметали на своем пути архаичные и разрозненные ряды своих религиозных оппонентов и расширяли ареал западного общества.

«Сперматические логосы» агрессивно расширяющегося пространства новой светской культуры – невиданная ранее историческая перспектива, новая система пространственно-временных координат, представления о децентрализованном профанном географическом устройстве мира, человечестве и т. д. – зарождались в среде школьных/университетских интеллектуалов, которые создавали специфический слой новой элиты, равномерно распространенный по всей территории новой цивилизации. В этой интеллектуальной общности на почве античных философских теорий и вызревали рафинированные рационализации христианского универсума, секуляризовавшие метафизическое ядро мышления и реальности, а также постепенно распростра-

Деталь Университетской церкви Пресвятой Богородицы в Оксфорде

Две идейные среды секуляризации – сообщество западных интеллектуалов, сплотившихся в конце концов вокруг разбросанных по территории континента университетов, и Западная и Центральная Европа как пространство, для которого университетская мысль имела формообразующие влияние

нявшиеся на все культурное пространство.

В подобной новой реальности выстраивалась вся жизнедеятельность средневекового европейца, и именно эта реальность под влиянием секуляризации европейской мысли постепенно изменялась в реальность секулярную. Присущие ей культурные смыслы распространялись вместе с экспансией «Новой Европы», одним из категорических императивов которой – религиозных по своей природе – было требование распространения евангельской вести. В отличие от других христианских культур, западное христианство – вместе с наукой, национальным государством и машинным производством – создало ценностно-смысловой универсум, в котором религиозные смыслы имели подчиненное значение. Именно здесь впервые в истории рационализация религиозной традиции переросла в отрицание культурной

значимости религии, то есть в секуляризацию.

Следует подчеркнуть, что секулярные тенденции, заносимые отсюда в другие культурные ареалы вместе с экспортом технологий, теорий, идей, могли закрепиться на новой почве и даже дать ростки, но они всегда приходили из одного центра – из культуры уникальной, или первичной, секуляризации, которую и представлял собой латинский Запад. Две идейные среды секуляризации – сообщество западных интеллектуалов, сплотившихся в конце концов вокруг разбросанных по территории континента университетов, и Западная и Центральная Европа как пространство, для которого университетская мысль имела формообразующее влияние, – кажется, совпадают с современными топосами, в которых, по мнению Питера Бергера, остается релевантной классическая теория секуляризации. (В одной из своих лекций →

→ Бергер высказался следующим образом: «Где же тогда светскость разместится на этой карте? Я бы сказал, в двух местах. Во-первых, есть тонкая, но влиятельная прослойка интеллигенции – в более широком смысле это люди с высшим образованием западного типа, особенно в области гуманитарных и социальных наук. Они представляют собой светский Интернационал, члены которого могут встречаться в любом государстве. Опять же, я не могу сейчас рассуждать о том, почему этот вид образования имеет эффекты секуляризации (подозреваю, что это главным образом из-за едкого понимания относительности убеждений и ценностей). Но я хотел бы отметить, что этот специфический *Internationale* помогает объяснить кажущуюся правдоподобность (благообразие) теории секуляризации среди многих западных интеллектуалов: когда они едут, скажем, в Стамбул, Иерусалим или Нью-Дели, они почти везде встречаются с другими интеллектуалами – людьми, во многом похожими на них, – и они могут прийти к выводу, что та или иная культурная общность точно отражает культурную ситуацию за пределами, – действительно роковая ошибка! (Нужно ли добавлять, что было бы столь же ошибочно считать, что, скажем, гарвардское научное сообщество отражает место религии в американской культуре?) Существует также, во-вторых, географическое исключение пульсирующей вездесущности религии в современном мире – Западная и Центральная Европа. Это, я думаю, самая большая часть света, где старая теория секуляризации продолжает быть эмпирически подтверждаемой. Вопрос в том, почему это так трудно».)

Эта часть Европы была местом рождения секулярной культуры, точнее, была и есть собственно секулярной культурой, для которой все другие культурные миры – не более, чем поле распространения секулярной реальности. С этой точки зрения Европе как миру уникальной, или первичной, секуляризации противостоит весь мир, на который распространяются секулярные смыслы и связанные с ними практики. Это – мир секуляризации вторичной, или производной.

В отличие от того уникального культурного пространства, кото-

рое сформировалось в результате секуляризации христианского универсума в рамках «Новой Европы», культуры мира вторичной, или производной, секуляризации можно объединить в одну группу скорее условно. Значительную часть этих субуниверсумов составляют культурные миры, никогда не входившие (или входившие весьма условно) в контакт с западным миром. Составлявшие их жизненный мир мировоззренческие горизонты не содержали элементы, характерные для христианского мировосприятия в его религиозном и секуляризованном видах. Эти культуры постепенно усваивали представления о мировой истории, прогрессе, науке, человечестве, мировом порядке и т. д. вместе с импортом западных технологий, инфраструктуры, социальных отношений.

Впрочем, культуры вторичной секуляризации все же не отказываются полностью от своих «досекулярных» приоритетов. И здесь необходимо указать на принципиальное различие двух типов культур мира вторичной секуляризации. Культуры, которые организовывали свою деятельность в социальных реальностях, принципиально отличных от западной, усваивая западные образцы, не слишком при этом отклонялись от собственных ориентиров общественной жизни. Совсем другую картину демонстрирует другая часть мира вторичной секуляризации. Распространение секулярного пространства на культуры, чье развитие происходит в тесном взаимодействии с миром первичной секуляризации, было более конфликтным. Там, где исторически существовало определенное количество людей, получивших образование в западных университетах, наличествовало, соответственно, и сообщество носителей секулярного мировоззрения. Эти люди, оставаясь представителями своих культур, начинали мыслить западными категориями, в том числе и когда осознавали или даже отстаивали собственную идентичность. В их среде постепенно сформировались оригинальные варианты тех культурных регулятивов, о которых говорилось выше (история, цели прогресса, представления о мировом порядке, обществе, самих себе). Постепенно на границах мира пер-

вичной секуляризации были сформированы альтернативные проекты глобального развития, противостоявшие модерному проекту.

Некоторые отрезки границы западной цивилизации оставались более или менее устойчивыми на протяжении столетий. Именно здесь, на востоке и юге Европы, в диалоговой-сосуществовании, заимствуя и переосмысливая западные новации, формировались религиозные ответы на западную экспансию. Речь идет о православном и исламском мирах, которые во многом повлияли на становление западного варианта христианства и самой западной культуры, однако оставались до поры до времени несекуляризованными. Россия исторически играла роль одного из центров мира вторичной секуляризации, а территория Украины на протяжении веков оказывалась по обе стороны границы между двумя мирами.

После идеологий: эпоха религиозно мотивированных глобалистских проектов

Секулярное мышление и опирающаяся на него культура занимали центральное место на мировой арене до тех пор, пока внутренняя логика их развития и экспансии не привела к явлению десекуляризации – возвращению религий, религиозных сообществ и идентичностей в геополитику. Рассмотрим последствия секуляризации смыслового ядра европейского культурного опыта – того, что в литературе называют совокупностью категорий культуры, матрицей культурных смыслов, ценностно-смысловым универсумом и т. д. При всем различии указанных терминов речь в первом приближении идет о мировоззренческом фундаменте мышления культуры. Секуляризация этого мышления и тех онтологических схем, которые использовались им для структурирования реальности, привела к рождению естественнонаучного мировоззрения, а оно, в свою очередь, – к разрыву между «дочеловеческой» и человеческой историей. В религиозном нарративе история мира и общества представлялась неразрывной и на всем своем протяжении зависевшей от Бога. В новой реальности история происхождения «естественного» порядка мироздания превратилась

Гаспар Фоссаги. Айя София в Константинополе, огреставрированная по приказу султана Абул-Междида. Литография 1852 года

в часть содержания понятия «природа» (и стала предметом заботы естественных наук), а историю общества так или иначе стали интерпретировать идеологии.

Идеологии представляют собой варианты секуляризации христианской парадигмы, привязанные к естественнонаучной онтологии современного универсума и заполняющие его трансцендентные «пустоты» (секулярная онтология отрицает существование трансцендентных сфер мироздания). Идеологии принимают на себя социально-легитимирующие функции, которые ранее органично «встраивались» в онтологию культурной парадигмы. Именно поэтому о каких бы идеологиях ни шла речь – либеральной, фашистской, коммунистической, – они всегда абсолютизируют те или иные стороны христианских представлений о должном на основе светских взглядов на природу. Перед нами «эрзац-религии» (термин Ульриха Матца), которые отрицают сакральные смыслы, так как замещают их, но подобно религиозной культурной парадигме обладают

**На востоке и юге Европы
в диалоге-войне-сосуществовании, заимствуя
и переосмысливая западные новации, формиро-
вались религиозные ответы на западную экспан-
сию. Речь идет о православном и исламском
мирах, которые во многом повлияли на становле-
ние западного варианта христианства и самой
западной культуры, однако оставались до поры
до времени несекуляризованными**

«ориентационным и мобилизационным потенциалом».

Идеологические построения наглядно объединяют утратившие сакральное значение онтологические конструкты – историю, реальность и прогрессирующий социум – в целостную систему. Находясь под определяющим влиянием идеологии культурной парадигмы, современный человек склонен воспринимать историческую реальность как вторичный, подчиненный идеологии продукт. Субъекты исторического действия, структурные элементы настоящего, цели и ценности исторически ориентированного разума, в конце концов, все культурные смыслы формируются в свете этого пара-

дигмального влияния. Критическая рефлексия (то есть мышление в соответствии с новыми стандартами рациональности), как восходящее солнце, растворяет марево «ночных» (мифических) видений: эсхатологическую историю, сотворенный мир, монархическое государство или идеал личного спасения. Культурное пространство погружается в секуляризованную историю, «населенную» мирно сосуществующими или борющимися между собой нациями, а привязанная к географическому пространству реальность расчерчивается границами демократических государств. Совершенство трансцендентных культурных смыслов, сосредоточенных →

Ефим Дешалыт. Штурм Зимнего дворца. Фрагмент диорамы

В новой реальности история происхождения «естественного» порядка мироздания превратилась в часть содержания понятия «природа» (и стала предметом заботы естественных наук), а историю общества так или иначе стали интерпретировать идеологии

→ в сакральном «надбытии» и принципиально предпосланных религиозному разуму, сменяется областью по необходимости (ввиду секулярных тенденций) имманентных разуму «критических дискуссий», позднее названных Карлом Поппером «Миром 3».

Идеологии, таким образом, представляли собой светские заместители религиозных гранднарративов, которые были «завязаны» на новую онтологию, но продолжали выполнять идентификационно-консолидирующую и мобилизационную функции в стремительно секуляризирующихся европейских сообществах. В отличие от религиозных доктрин – в частности, христианской – идеологии не опирались на канонизированную догматическую платформу, однако тот факт, что каждая из них наследовала христианскому гранднарративу, абсолютизируя тот или иной его аспект, превращал их

в достаточно устойчивые доктринальные комплексы, в центре которых находилось нефальсифицируемое метафизическое (по сути, религиозно-мифическое) ядро. Кроме того, в отличие от христианского вероучения, опирающегося в публичном пространстве на богослужения и проповедь, идеологии были связаны со сферой светской литературы и развивающихся средств массовой информации, бурное становление которых характерно для всей эпохи классического Модерна – со второй половины XVI века и вплоть до конца XX века.

Рождение новых средств массовой информации и коммуникации, допускающих, в частности, обратную связь между СМИ и реципиентом информации, а зачастую и меняющих их места, внесло коррективы в восприятие идеологий и религий. Из внешних и абсолютных приоритетов они превращаются в

постмодернистские прагматические парадигмы, позволяющие более или менее автономным субъектам реализовывать свои интересы и убеждения.

Границы религиозных и идеологических традиций размываются, человек по своему усмотрению может «собирать пазл» собственных представлений, зачастую не идентифицируя себя ни с одной из них. Всё большее распространение получает контрсекулярная религиозность, характерными признаками которой является антизападная направленность, пренебрежение религиозной традицией и аскезой, обостренное ожидание конца света. Эти тенденции, накладываясь на историческое противостояние между цивилизационным гегемоном – культурой первичной секуляризации (западный мир) – и его оппонентами из мира вторичной секуляризации, поступательно тормозят секулярную глобализацию, порождая альтернативные варианты мировой глобализации.

Контрсекулярная религиозность мобилизует значительные массы людей на борьбу против светской цивилизации и ее ценностей. Естественной средой для подобного мировоззрения выступает виртуальная

реальность с ее пренебрежением к конкретным территориям, этносам и их границам. Новейшие средства виртуальной коммуникации делают каждое сообщество потенциально глобальным, а идентификация человека как его представителя не требует физической включенности в общину.

Важнейшие атрибуты глобализации в сфере общественного сознания – релятивизация устойчивых религиозных и идеологических форм, включая и определяющие для западной цивилизации представления о человеке и мире, с одной стороны, и высвобождение «религиозной энергии», которая ранее направлялась по традиционным религиозным каналам обрядов, таинств, благочестия, с другой стороны, – повлекли за собой трансформации в сфере религии и идеологии как форм этого сознания. В давнем историческом противостоянии между секулярной и несекулярной культурами на основе открывшихся новых возможностей, в том числе технического порядка, к жизни были вызваны религиозно мотивированные идеологии, отрицающие гегемонию западной цивилизации.

На сегодняшний день можно говорить, как минимум, о трех таких идеологиях, предлагающих собственные проекты глобального развития. Это Исламский проект, Русский мир и Китайский проект сердцевинных ценностей. (Примечательно, что Джозеф Данфорд, самый высо-

При всем различии (даже религиозном – шииты и сунниты) центром всех мусульманских проектов является ислам (иногда его интерпретации, не поддерживаемые официальными религиозными структурами), противопоставляемый «бездуховному» Западу и претендующий на «спасение» всего человечества (путем исламизации)

Идеологии представляли собой светские заместители религиозных гранднарративов, которые были «завязаны» на новую онтологию, но продолжали выполнять идентификационно-консолидирующую и мобилизационную функции в стремительно секуляризирующихся европейских сообществах

копоставленный военачальник США, председатель объединенного комитета начальников штабов, 23 августа 2016 года, излагая док-

трину угроз «4+1» назвал главными угрозами России, Китаю, Ирану, Северную Корею и насильственный экстремизм. То есть в первую очередь страны, которые имеют собственные альтернативные

проекты развития, и оказались главными угрозами, при этом вооруженный терроризм был помещен на последнее место.) Несмотря на то, что они появились и развиваются на совершенно разных культурных основаниях, можно выделить некоторые общие черты этих проектов, среди которых:

- принципиальное отрицание универсальности западных ценностей и предписаний;
- понимание западных ценностей как инструмента подчинения и эксплуатации других культур;
- обращение к собственной истории и религиозным традициям в поиске собственных культурных ценностей и норм;
- использование для продвижения своего проекта западных технологий и методов (социальные сети, СМИ, оружие, think tanks и др.);
- открытая идентификация собственных проектов как альтернативы западной секулярной модели.

Исламский проект, в отличие от Русского мира и Китайского проекта, не представляет собой целостности. Внутри самого исламского →

Русский мир апеллирует к партикулярной культурной традиции и легитимному праву на продвижение собственных ценностей, оправдывая его важнейшей исторической ролью русского православия

→ мира происходит борьба за право представлять его в глобальной конкурентной борьбе. Сегодня выделяются, как минимум, четыре возможных претендента: Иранский, Арабский и Турецкий проекты, а также наиболее радикальная версия, представленная Исламским государством. При всем различии (даже религиозном – шииты и сунниты) центром всех проектов является ислам (иногда его интерпретации, не поддерживаемые официальными религиозными структурами), противопоставляемый «бездуховному» Западу и претендующий на «спасение» всего человечества (путем исламизации).

Русский мир также апеллирует к партикулярной культурной традиции и легитимному праву на продвижение собственных ценностей, оправдывая его важнейшей исторической ролью русского православия. Идею Русского мира поддержали президент РФ Владимир Путин и патриарх Кирилл, заявив о консолидирующей функции русского слова, русской культуры и русского православия. Проект Русского мира хотя и не имеет общечеловеческой универсальности, является по своей сути глобалистским и направленным в том числе на обширные территории вне России, связанные с ней исторически.

Китайский проект, инициированный и поддержанный КПК, апеллирует не только к коммунистическим ценностям, но и к традиционной конфуцианской аксиологии. В ноябре 2012 года в отчетном докладе ЦК на XVIII съезде КПК был официально представлен список «сердцевинных социалистических ценностных воззрений», опирающихся на принципы раннего конфуцианства. Следует отметить, что система таких ценностей рассчитана как на внутреннего потребителя, будучи призванной консолидировать нацию и успешно противостоять идеологической экспансии Запада, так и на внешних партнеров, в первую очередь на непосредственных соседей, по отношению к которым была объявлена политика «родственности» и «инклюзивности». Появление Си Цзиньпина на форуме в Давосе в 2017 году (он стал первым китайским лидером, посетившим Давос) свидетельствует о полноценном включении Китайского проекта в конкурентную борьбу глобальных альтернатив.

Украина и Россия: увидеть возможность будущего

Отношения между Украиной и Россией сегодня в силу объективных и субъективных причин находятся на низшем за два с половиной десяти-

летия уровне. Большинство из существующих в России интерпретаций российско-украинских взаимоотношений можно определить, используя параллель с дискуссией между славянофилами и западниками. Проблема заключается в том, что для обоих указанных идейных полюсов религиозная интерпретация российской истории и российской идентичности является определяющей. Так как выше идеология Русского мира была отнесена к ряду религиозно мотивированных идеологем постсекулярного мира, попытаемся хотя бы бегло указать на риски использования этой парадигмы в дальнейшем развитии отношений между Украиной и Россией.

Задумывая Русский мир как «бесценный ресурс» (слова патриарха Кирилла) в эпоху глобализации, его авторы недооценивают тот факт, что, расширяя религиозную духовную общность на русскоговорящие территории, они совершают несколько ошибок.

Во-первых, одна из наиболее обширных таких территорий – украинская – имеет собственную духовную традицию (украинское православие в значительной своей части было связано не с Московской церковью), которая даже в случае широкого использования русского языка опирается на национальную историю со всеми ее атрибутами (датами, монументами, праздниками), несовместимую с традициями Русского мира. Вынуждая своих адептов принимать иную интерпретацию истории, идеология Русского мира превращает их в своеобразный анклав, чуть ли не пятую колонну, которая в силу своей изолированности неспособна к полноценному развитию.

Во-вторых, религиозная интерпретация истории оставляет вне Русского мира огромное количество собственно россиян, которые живут в светской России, но не являются не только прихожанами Русской православной церкви, но и христианами. Идеология Русского мира с необходимостью радикализирует отношения между мусульманами и христианами Российской Федерации, притом что эти отношения и без того нельзя назвать безоблачными.

В связи с этим интересно вспомнить давний геополитический экс-

перимент, проведенный русским царем Алексеем Михайловичем при активном участии патриарха Никона. Рассчитывая не в последнюю очередь на распространение влияния Московской церкви на украинские земли, они инициировали печально известную церковную реформу, «подгонявшую» русскую культовую обрядность под новые греческие образцы, принятые в том числе и на территории Украины. Тогда вне церкви оказались тысячи и тысячи искренно религиозных людей, чувства и мысли которых не были приняты в расчет геополитиками XVII века. Ирония судьбы заключается в том, что именно в результате этой религиозной катастрофы образовались многие из русскоязычных диаспор, составляющих сегодня потенциальный объект идеологии Русского мира.

Представляется целесообразным, осознав необходимость перехода от классических идеологий секулярного общества к религиозно мотивированным идеологиям постсекулярной эпохи, перевести бытие новых идеологических образований в эксплицитное состояние. На сегодняшний день в подобных идеологемах слишком много имплицитных «примесей», которые объясняются религиозным происхождением указанных парадигм, а также их относительно недавним укреплением на авансцене истории. Внося коррективы в эмоциональный строй идеологической риторики, можно выработать сценарий развития международной политики, при котором историческая и культурная близость Украины и России из камня преткновения превратится в геополитический козырь.

Сегодня более оправданным было бы признание независимости украинской и российской историй, которые берут начало в пространстве и времени Древней Руси, но развиваются по собственным сценариям и под разными влияниями, хотя и тесно взаимодействуя – как в положительном, так и в отрицательном смысле.

Это позволит отойти от не подлежащей фальсификации религиозной риторики в исторических и политических вопросах и снять категоричность некоторых формулировок, а также перевести вопрос «от-

Оранта. Храм Святой Софии в Киеве. Мозаика начала XI века

Сегодня более оправданным было бы признание независимости украинской и российской историй, которые берут начало в пространстве и времени Древней Руси, но развиваются по собственным сценариям и под разными влияниями, хотя и тесно взаимодействуя

каза» от Украины из сферы экзистенциальных для бытия России вопросов в разряд практических и прагматичных – и Украина, и Россия имеют собственный путь, но их культуры во многом близки, и это должно сыграть свою роль в глобальной игре. Наконец, подобное мышление станет своеобразным предложением Западу переосмыслить значимость ценностных дискуссий и увидеть совместные цели перед вызовами современности. Предложенный подход отвечает реалиям нашего времени в части взаимного

отказа от украинского и российского национализма, взвешенной секуляризации истории, переходу на прагматический язык межгосударственного диалога.

Возможно, именно в попытке для начала помыслить допустимую нормализацию украинско-российских отношений, «визуализировав» желательный результат, а затем предложить сделать то же самое Европе в отношении наших стран – без обязательных победивших и побежденных – и находится ключ к разрешению сегодняшнего кризиса.

Даниил КРАМЕР:

«Культура – это непосредственный способ физического выживания нации»

Интервью композитора, педагога, продюсера и джазового
исполнителя, народного артиста России

Даниила Борисовича Крамера

альманаху «Развитие и экономика»

– Даниил Борисович, вы являетесь известным музыкальным экспериментатором, легко переходящим устоявшиеся и общепринятые жанровые границы...

– А я вообще убежденный противник границ, я не очень понимаю, зачем они в принципе нужны. Я в данном случае говорю даже не о музыке. И кстати, идея Евросоюза наглядно показывает, что можно обходиться без границ, не теряя национальной идентичности и даже, может быть, не теряя собственных денег, ничего не теряя. Границы – это же просто выдумка правителей...

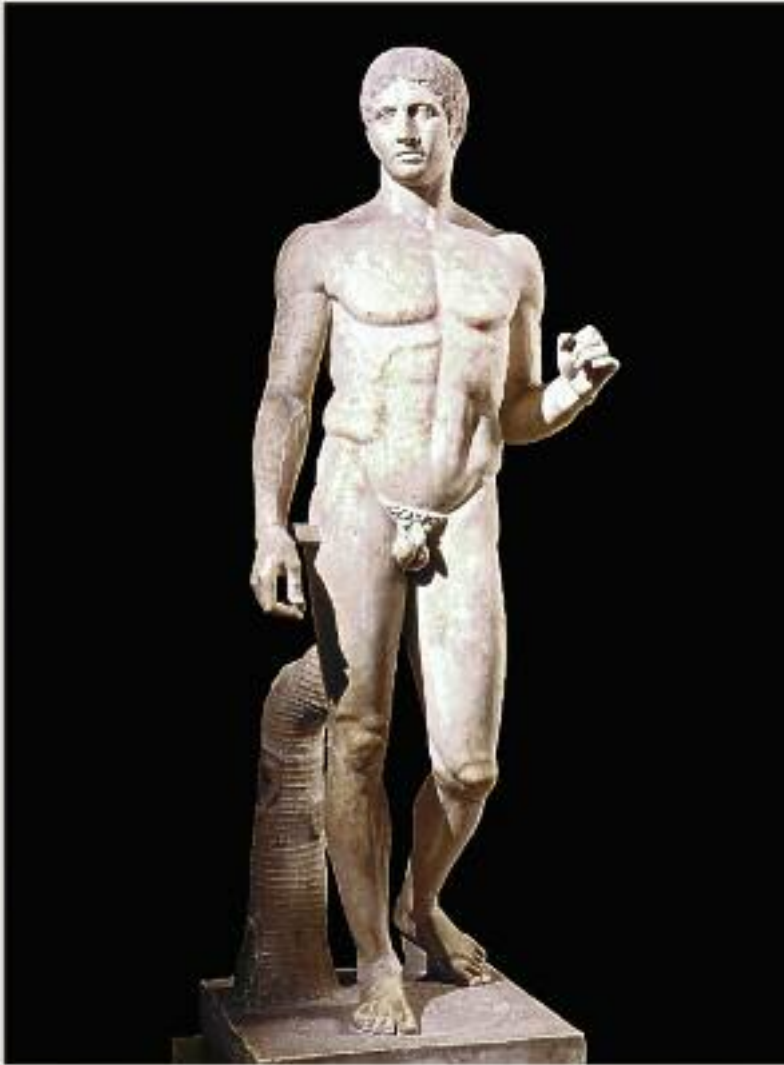
– Ну, как же! Границы проводят элементарное различие: вот это – мое, а это – твое.

– Нет, это в природе так. Границы выдуманы природой для того, чтобы каждое животное имело ареал существования и могло его защи-

щать. Человеческие границы – это наследие животного мира, это ареал существования, который приходится защищать. Но ведь человек кое-чем отличается от животного – в частности, мозгом. Я не утверждаю, что у животных нет разума – мне не дано это знать. Но если он у них есть, то он явно другой, чем у нас. У человека свой разум и свое видение, у него есть и то, что называется интеллектом, цивилизованностью, абстрактным мышлением. Поэтому, на мой взгляд, человечество вполне может обходиться без границ. Конечно, те, кто сейчас видит потоки беженцев, скажут: «Ты что, с ума сошел? А как же справляться с этим?» Справляться с этим просто: не надо превращать полмира в сырьевой придаток другой половины мира, и тогда не будет никаких беженцев, не будет и

конфликтов. Скажу откровенно, когда я слышу призывы бороться с ИГИЛ и с террористами, я пожимаю плечами. Военные акции против террористов, которые я наблюдаю, напоминают мне крем против прыщей: может быть, прыщ залечить удастся, но причину появления прыщей устранить не получится. Причина не в людях, которых надо убить с помощью ракет большой дальности и точности. Да, с террористами надо бороться, потому что это чудовищно – убивать ни в чем не повинных людей. Но точно так же чудовищно убивать ни в чем не повинных людей и по другую сторону. То есть сводить всё к ареалу существования – это недопустимое упрощение, это попытка затолкать человека в животный мир. Или даже в мир насекомых – у них ведь тоже имеются свои арена- ➔

Древние греки говорили, что понятие меры исключительно важно. Они даже говорили, что есть мера самой меры. Мера определяет всё: что бы вы ни взяли, если превышена мера, то любая самая хорошая вещь, или понятие, или действие обратится в свою противоположность. Из этой истины проистекает беда всех революций, из нее же проистекает и беда политиков

→ лы. Мы, например, недалеко ушли от муравьев – у этих насекомых существуют рабовладельческие отношения. Есть такой вид муравьев – они нападают на других муравьев, забирают их яйца и складывают в своих муравейниках. И когда из этих яиц появляются молодые муравьи, их превращают в рабов. Но самое интересное, что родившиеся в такой «неволе» муравьи вырастают в полном убеждении, что так оно и должно быть, что они – естественные слуги своих господ.

– Что-то это муравьиное рабство напоминает.

– По-моему, тут всё понятно. Может быть, моя мысль звучит крайне глупо, но пока что наш современный мир по-прежнему вполне адекватно описывается выражением одного египетского фараона: мол, весь мир делится всего на две части – на тех, кто служит, и на тех, кому служат. Абсолютно любое государство построено пирамидально – будь то монархия или демократия. Другое дело, как строятся от-

ношения между низами и верхами, а также между основанием пирамиды и ее вершиной, с одной стороны, и средней частью пирамиды – с другой. Да, от таких отношений многое зависит, но сама суть пирамиды от них не меняется... А если вернуться к войне против терроризма, то, насколько я помню, Шеридан сказал, что на войне есть только одна правда – на ней убивают, – а всё остальное – вранье. Сунь Цзы тоже в свое время сказал: «Война – это путь обмана». И он был абсолютно прав – «путь обмана» во всех смыслах: надо обмануть противника, в каком-то смысле надо обмануть собственный народ, потому что он должен быть управляемым, ибо неуправляемый народ проиграет любую войну. И я прекрасно осознаю роль культуры в обеспечении четкой управляемости нации. Причем я не могу сказать, что я против такой роли культуры. Мне просто не нравится, как это делается – и не только в России. Мне нигде не нравится то, как это делается. Я отдаю себе отчет в том, что само понятие «государство» подразумевает насилие. Мы никуда от этого не денемся. В том числе и культурное насилие. Но весь вопрос в мере этого насилия.

– А что вы называется культурным насилием?

– Мы даже не замечаем, как нам это навязывается. А что, разве возникновение того, что называется патристическим искусством, нельзя назвать навязыванием? Любое повторение – это навязывание. Например, когда реклама повторяется восемнадцать раз в сутки по телевизору и вам практически вбивается в голову, что вы обязаны что-то купить. Если сто человек скажут вам, что вы сегодня пьяный, хотя на самом деле вы не выпили ни капельки, вы обязательно согласитесь и найдете себя, по крайней мере, не вполне трезвым. Если двадцать пять человек скажут вам, что вы сегодня плохо выглядите, вы в обязательном порядке пойдете к зеркалу посмотреть: «Да что со мной такое?» И скорее всего, если у вас есть хотя бы капля мнительности, уже после третьего человека вы подумаете: «Да, что-то со мной не так сегодня». Это я говорю только об одном способе навязывания. К тому же я по своей натуре центрист-объекти-

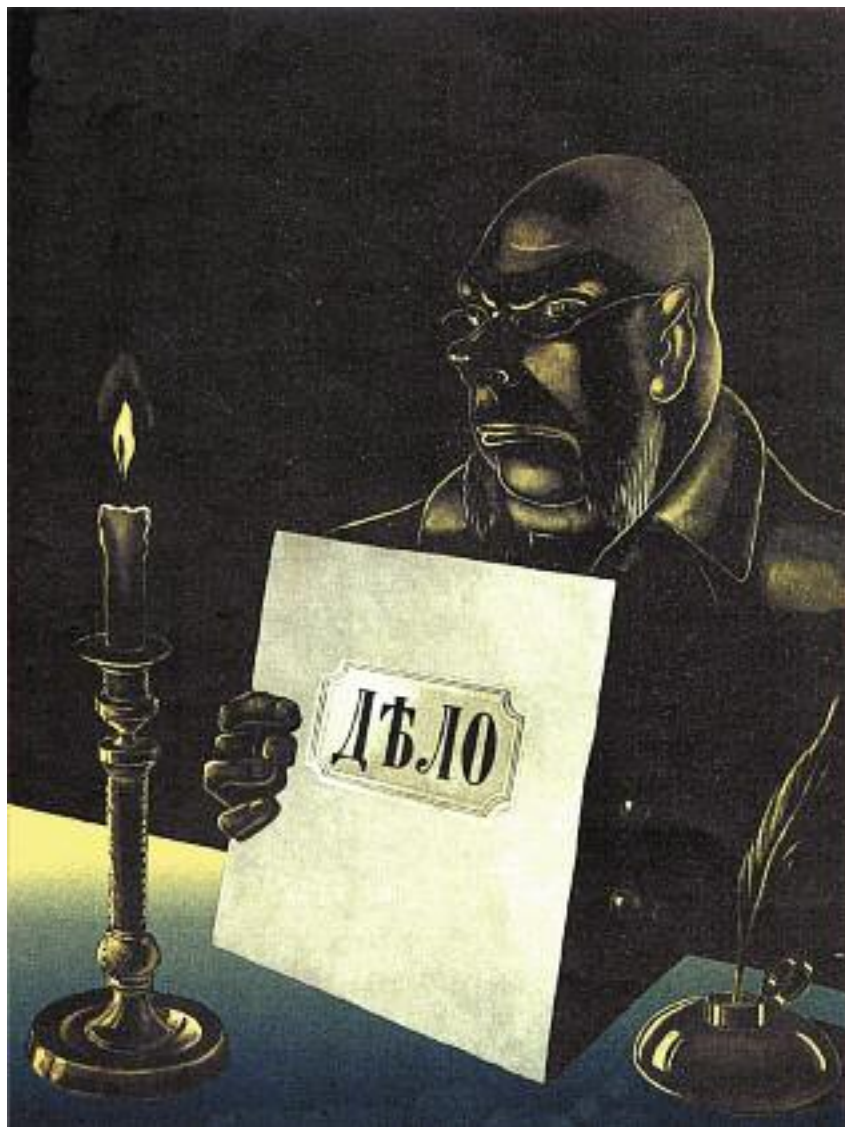
вист – человек, который не принимает ничьей стороны, кроме стороны истины.

– **А как это у вас получается?**

– Это не может получаться на сто процентов. Я стараюсь, чтобы это было так. Я не сказал, что у меня это получается. Я просто стараюсь принимать сторону истины, я нахожусь на ее стороне. Единственное исключение для меня лично из правил – это моя семья. Плохо ли, хорошо ли – но я буду на стороне своего ребенка, я буду на стороне своей семьи, и для меня здесь не будет вопроса, насколько такая позиция законна. Я этого никогда не скрывал. Что же касается всего остального, то, находясь в центре, легче видеть ошибки крайностей и легче понимать древних греков – а я ведь историк-любитель немножко, это одно из моих хобби. Древние греки говорили, что понятие меры исключительно важно. Они даже говорили, что есть мера самой меры. Мера определяет всё: что бы вы ни взяли, если превышена мера, то любая самая хорошая вещь, или понятие, или действие обратится в свою противоположность. Из этой истины проистекает беда всех революций, из нее же проистекает и беда политиков. Скажем, беда популистов не в том, что они говорят, а в том, что обещают сверх всякой меры, а если еще и стараются выполнить обещанное, то тут даже самые благие намерения превращаются в свою противоположность. Мы часто спрашиваем: «Ну, чем это плохо?» Да ничем, но превышена мера – и это стало плохо. Так происходит с лекарствами, с культурой, с наукой, с образованием, с бюрократией, с коррупцией – с чем угодно. А если мера нарушена в коррупции, то такая ситуация начинает угрожать уже самим основам государственности.

– **А возможно ли – по крайней мере, в культурной жизни – понять, где эта мера. Что тут можно предложить? Ну, помечтаем.**

– Да, именно помечтаем. Я давно уже придумал механизм, но он нереальный. И не потому, что его нельзя сделать – его можно сделать. А потому, что никто не захочет. Начну издали. Как я уже сказал, роль культуры в деле управления – особенно значимая. На мой взгляд, мы состоим из четырех вещей – из образования, из культуры, из их соче-

Плакат Николая Акимова к постановке драмы Александра Сухово-Кобылина «Дело». 1964 год

В нашей стране веками существовала и до сих пор существует порочная система, замкнутая на приемателя решений. В результате каждая ошибка обречена стать глобальной. А любой чиновник просто оказывается муравьем в муравейнике, обслуживающем матку. Но так нельзя

тения и из природной предрасположенности. Из них три поддаются коррекции, одна не поддается – я имею в виду природную предрасположенность. Поэтому надо работать с первыми тремя, а четвертая иногда может действовать вопреки, но при этом во благо. Скажем, именно этим объясняется, почему ребенок, выросший в семье пьяницы или наркомана, может ненавидеть пьянство и наркотики. Это его природная предрасположенность, потому что во всех остальных случаях мы – это то, что вокруг нас. Мы опреде-

ляемся окружающей средой, и мы определяемся тем, в каком виде вокруг нас существуют образование, культура и их сочетание. Обращаю внимание на то, что сочетание образования и культуры я считаю ничуть не менее важным, чем само образование и саму культуру. И вот почему. Если вы создадите очень образованного человека, но бескультурного, то рискуете получить бездушного монетариста, который не будет понимать вообще, что такое чувства, и будет только считать. Если такой человек придет к управлению госу- ➔

Я попросил бы Господа, чтобы Он лишил нас
всего двух способностей – врать...

➔ дарством, он добьется голодных бунтов. И наоборот. Если вы создадите чрезвычайно культурного человека, но без образования, вы получите рефлексирующего, ни на что не способного интеллигента, который будет не просто бесполезен, но откровенно вреден для государства. Он станет всё время требовать помощи, на всё жаловаться, он не будет знать ни одного практического рецепта. Поэтому само сочетание образования и культуры является определяющим – но только тогда, когда есть реально хорошее образование и реально хорошая культура. Это я к тому, что при ЕГЭ не может быть хорошего образования – тестовая система образование разрушает аналитическое мышление и креативность, создает ни на что не спо-

собных зубрил. Может быть, опять же природная предрасположенность выделит из этих зубрил одного или двоих, которые сумеют преодолеть негатив ЕГЭ, но их могло бы быть не двое, а две тысячи. И это при нашей-то нехватке кадров! То же самое и с культурой. Культура является неотъемлемой частью всего. Без нее не будет ни эффективной экономики, ни сильной армии. А теперь давайте вернемся к вашему вопросу – о мере. Как определить меру – например, допустимую меру коррупции? Статистика показывает, что страх наказания останавливает порядка то ли пятнадцати, то ли двадцати процентов людей, а подавляющее большинство страх наказания не останавливает. То есть страх наказания не работает. Малоэффек-

тивны и правоохранные органы. К тому же, как это показывают открытые процессы, они сами подвержены коррупции. А это гораздо страшнее, когда нет доверия к тем, кто должен охранять закон. Так что же делать? Как-то во время одного интервью мне задали вопрос: «Если бы у вас была возможность, о чем вы попросили бы Господа Бога?» И я тогда ответил: «Я попросил бы Господа, чтобы Он лишил нас всего двух способностей – врать и завидовать, – потому что именно они лежат в основании всех бед». Если мы это поймем, если мы осознаем влияние образования, культуры и их сочетания, то мы неизбежно придем к выводу о необходимости того, что можно назвать воспитанием национального желания. Такое воспитание достигается именно точно выверенной мерой – в меру патриотизма, в меру классики, в меру ширпотреба. Как только эта мера нарушается, всё обращается в свою противоположность. Никто не против ширпотреба в культуре, никто не против ширпотреба вообще, но если ширпотреба станет слишком много, то он подомнет под себя всё остальное. То есть надо менять всё образование, всю культуру, всю политику телевидения – всё то, что основывается на рейтинге, потому что рейтинг, привязанный к получению прибыли, сводит на нет любое конструктивное начинание.

– И кто же, на ваш взгляд, должен выступить подобным всеохватным реформатором? Кто предложит сценарий пересборки образования, культуры, сочетания образования и культуры ради достижения некой эталонной меры? Кому вообще решать, где есть мера, а где ее нет?

– О, а вот и центральный вопрос. Я его ждал. Совершенно верно. К сожалению, в нашей стране веками существовала и до сих пор существует порочная система, замкнутая на приемателя решений. Если ошибается приематель, то ошибается вся система, причем без права на исправление допущенной ошибки. В результате каждая ошибка обречена стать глобальной. А любой чиновник просто оказывается муравьем в муравейнике, обслуживающем матку. Но так нельзя. Такая система неизбежно проиграет. По-моему, Кен-

неди сказал, что американцы проиграли русским за школьной партой – и это самый страшный проигрыш. Да, совершенно верно, тогда американцы проиграли нам, но сейчас мы по всем параметрам проигрываем им за школьной партой. Американцы смогли исправить положение за счет безумного притока мозгов. Но у нас такого притока мозгов нет. У нас идет отток мозгов, и я его вижу очень хорошо, когда играю концерты в научной среде.

– **А в искусстве у нас есть этот отток мозгов?**

– Конечно. Причем он не однозначен, а многозначен. И отток не только мозгов, но и денег.

– **В данный момент какова его траектория? Он увеличивается или уменьшается?**

– Мне не кажется, что он увеличивается, но у меня нет данных и о том, чтобы он уменьшался. А с какой стати ему уменьшаться, если, скажем, министр культуры может позволить себе в ответ на вопрос, что делать музыкантам, закончившим музыкальные учебные заведения, сказать: стоять в переходе. Что должны делать музыканты, если музыкальное образование каким-то потрясающим мудрецом названо дополнительным образованием, а мы с вами только что говорили о том, что это – системообразующий элемент жизни страны, в том числе ее обороноспособности. Превращение культуры в дополнительное образование – это фатальная ошибка, которая катастрофически скажется через какое-то время. Культура не бывает дополнительным образованием. От культуры нельзя отнять год обучения просто так. Культура – это непосредственный способ физического выживания нации, и те, кто этого не понимает, – это диверсанты, вольные ли, невольные ли, но они – диверсанты, разрушающие основу страны, в которой они живут и работают. Именно культура определяет идеологический уровень воюющей армии, и когда эта культура зиждется на «моем мармеладном» и на «гоп-стоп», а Министерство культуры поддерживает русский шансон – тюремную субкультуру, – о чем тут вообще говорить? Но опять же – я не против ширпотреба, я против нарушения меры. Я всё время это повторяю, чтобы не возникло ощущения, что

Джон Уотерхаус. *Circe Invidiosa*. 1892 год

...и завидовать, – потому что именно они
лежат в основании всех бед

Джошуа Белл в вашингтонском метро

А с какой стати оттоку мозгов уменьшаться, если, скажем, министр культуры может позволить себе в ответ на вопрос, что делать музыкантам, закончившим музыкальные учебные заведения, сказать: стоять в переходе

→ я вообще против попсы. Попса – это ширпотреб. Мы с вами тоже покупаем ширпотреб, мы не можем жить в стенах, расписанных Леонардо. Мы покупаем обои, это – ширпотреб. Более дорогой, менее дорогой – но ширпотреб. Весь вопрос в том, сколько этого ширпотреба. Я на протяжении всей своей жизни пытался понять, что такое мера. Искусство без меры не живет. Чувство меры воспитывает вкус. Частично неприятие попсы людьми от классики и от джаза как раз связано с тем, что попса не обладает этим самым вкусом... Ну, если и обладает, то далеко не на сто процентов. Хотя и в попсе есть исполнители, которых я люблю. Скажем, я люблю Фредди Меркьюри, я вообще очень люблю ансамбль Queen, я люблю Led Zepelin, люблю Барбару Стрейзанд. Есть российские эстрадные исполнители, которые мне нравятся, – почему нет? Я не живу одним Бетховеном или одним Оскаром Питерсоном.

– Хорошо, давайте теперь коснемся вашей непосредственной профессиональной сферы – джаза. Как вы считаете, состоялся ли феномен русского джаза или Утесов, Лундстрем и другие – это всего лишь одиночки, которые как-то воспроизводили западный стиль? Что такое русский джаз? Можно ли вообще так ставить вопрос?

– При определенных условиях такой вопрос поставить можно. Но для этого надо определиться в терминологии – что мы назовем русским джазом. Если мы назовем русским джазом исполнение джазовой музыки музыкантами из России, то да – русский джаз есть. Также если мы назовем русским джазом исполнение джаза с использованием элементов русской народной музыки или музыки композиторов российского происхождения, то да – такой русский джаз есть.

– Ну вот, например, то, что вы играли прошлым летом на кубинском вечере?

– Это не русский джаз. Это афро-кубинский джаз и кубинские романсы.

– Хорошо, а чисто русские мелодии, которые там были?

– Такие вещи можно было бы назвать джазом с элементами русской романсовой музыки. Я не рискнул бы в данном случае использовать термин «русский джаз». Все-таки то, что можно было бы обозначить как русский джаз, должно быть сложившимся полноценным стилем. На сегодняшний день, зная, что сейчас у нас происходит, я сказал бы, что формирование русского джаза началось. То есть российские джазовые музыканты стали играть джазовую музыку с использованием музыки российского кино, с элементами русских романсов, русских народных песен, с мотивами композиторов российского происхождения. Всё это вместе означает начало формирования чего-то, что можно будет, на мой взгляд, лет через пятнадцать-двадцать назвать русским джазом. Но сейчас я не сказал бы, что он есть. Он в процессе складывания, но этот процесс начался, и вполне возможно, что это будет вполне оригинальное и самодостаточное направление.

– Вернемся к тому, с чего начали и с чего сразу же свернули в политику – совершенно по-русски, между прочим. Вы легко переходите границы между классической музыкой и джазом, а не пытаетесь в принципе разрушить эти границы?

– Нет.

– Нет?

– Нет, ни в коем случае. У меня нет цели разрушения границ. У меня созидательная цель – сконструировать некое специфическое эсперанто, которое в то же время не было бы попыткой механического смешения существующих в мире языков.

– А зачем, для чего нужно это музыкальное эсперанто?

– Для меня это просто так же естественно, как для вас дышать. Поймите, музыкант, не являющийся ремесленником, играет – как слышит, у него нет того, о чем вы сказали, – нет задачи.

– То есть в принципе какая разница – джаз это или классика...

– Yes! Я просто так слышу, я владею всеми этими языками, для меня всё равно – на каком разговаривать. У меня руки сейчас захотели говорить вот так – и оказалось, что они

это могут. Я их не контролирую. Разве вы, говоря на родном для вас русском языке, успеваете себя контролировать – что и как вы сказали? А теперь скажите мне, что я успею проконтролировать, когда я импровизирую в быстром темпе – в среднем двенадцать-тринадцать звуков в секунду? То есть это как речь. Если язык для вас неорганичен, вы говорите на нем медленно, с акцентом или только заученными фразами. Именно так и разговаривают музыкальные ремесленники – сплошные заученные фразы.

– **Так разговариваю люди, которые языком не владеют.**

– Да, или владеют им плохо... Когда на пятидесятилетие меня спросили, какая фраза может быть эпиграфом всей моей жизни, я ответил – окуджавские слова: «Каждый слышит, как он дышит». Это правда: музыкант, если он настоящий музыкант, просто не сможет по-другому, он как чукча – что видит, о том и поет. Это не кокетство, это действительно так. Но из этого не следует, что мы ничего не выучиваем. Хотя одними и теми же заученными фразами можно и пошлый анекдот рассказать, и «Войну и мир» написать – язык-то один.

– **Это правда, что вы увлекаетесь ролевыми компьютерными играми?**

Искусство без меры не живет. Чувство меры воспитывает вкус. Частично неприятие попсы людьми от классики и от джаза как раз связано с тем, что попса не обладает этим самым вкусом...

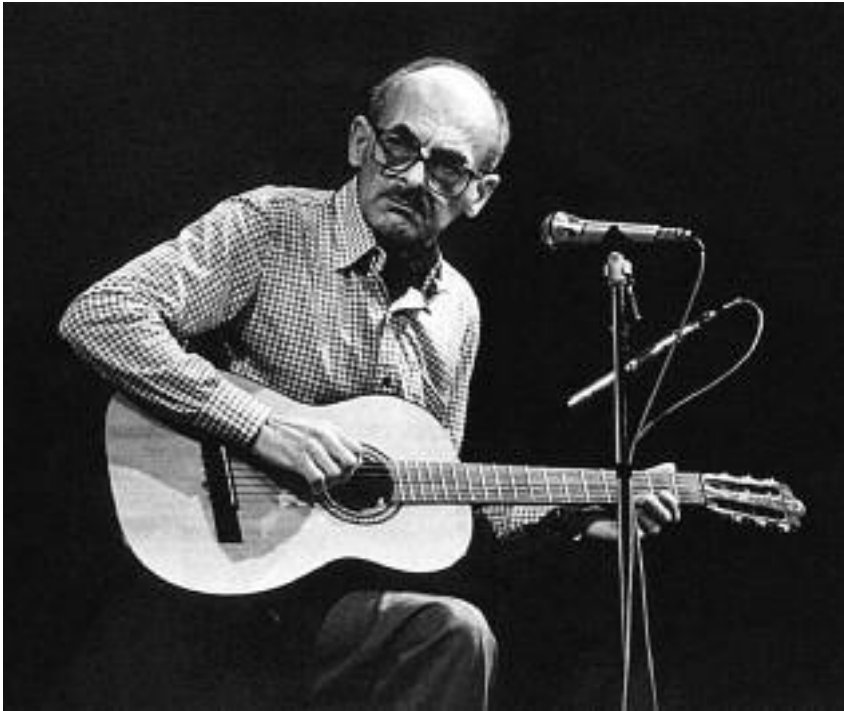
Ну, если и обладает, то далеко не на сто процентов. Хотя и в попсе есть исполнители, которых я люблю

– Да.

– **А что это для вас? Способ расслабиться? Способ по-другому увидеть мир? Что это?**

– Нет. Начну несколько издали. Музыкант не играет пальцами. Он даже ушами не играет, хотя иногда в консерватории говорят, что ты должен играть ушами – и это правильно. Точнее, и правильно, и неправильно. Музыкант играет душой. Если в душе пусто, нечем играть, то музыкант начинает играть просто ноты. Таких мы и называем ремесленниками. Мы отдаем должное уровню их ремесла, но за душу они не берут или берут неглубоко, а это одно и то же. Я бы даже предпочел, чтобы лучше вообще не брали, чем брали неглубоко, потому что когда такие вещи, как шансон, в большинстве своем воздействуют только на верхние ассоциативные ряды, глубинные ряды начинают атрофироваться. В результате полу-

чаются люди, которым неведомы глубокие серьезные чувства, а это очень плохо для страны, для нации – когда таких людей много... Но вернусь к ролевым играм. И так, музыкант играет душой. Именно поэтому через искусство, музыку, живопись, скульптуру душа занимается энергетическим обменом с вами. Это и есть суть искусства – энергетический обмен, передача эмоций, незаметное, но неизбежное изменение человеческой души. В ту или в другую сторону – зависит в данном случае от искусства. Есть музыканты – назовем их урбанистами, – которые играют музыку современности, музыку города. Я не против, но лично себя к ним не отношу. Я – музыкант, который не умеет играть реальность. Это просто мое личное свойство. Я умею играть фантазии, сказки, я умею играть природу, я умею играть эмоции – но я не умею играть быт, меня это не привле-

Когда на пятидесятилетие меня спросили, какая фраза может быть эпиграфом всей моей жизни, я ответил – окупжавские слова:
«Каждый слышит, как он дышит»

→ кает. И для меня всё время встает вопрос: чем же мне играть? Ведь для того, чтобы выйти на сцену, в моей душе что-то должно быть – то, что я сейчас передам сидящим в зале. Душа должна чем-то наполняться. Она должна наполняться моей семьей, любовью, тем миром, который вокруг меня. Поэтому у меня очень закрытый, ограниченный мир. Я стараюсь не пускать туда ничего из того, что мне не нравится. Мой быт уютный, мягкий, вкусный – он мне нужен именно таким. Собственно, мое зарабатывание денег нужно для того, чтобы поддерживать мой мир. Мне больше ничего не требуется. На самом деле, я могу себе позволить что-то, но мне этого не требуется. Мне требуются просто уют, вкусный кофе, хорошая беседа, хорошая природа, любовь моей семьи, без которой очень холодно. Мне было страшно холодно, когда не стало мамы. Как будто часть души ушла, и это не так просто восполнить. А поскольку я музыкант, это значит, что для меня душа – это не слова, а просто то, чем я играю. Поэтому неудивительно, что я увлекаюсь ролевыми играми. Для меня важно, что это небытовой, нереальный мир, в котором я могу делать не

то, что заставляет меня быт, в котором я могу чувствовать себя по-другому, действовать по-другому. А для меня уход от реальности жизненно необходим для того, чтобы я вышел на сцену. Вот, собственно, и всё. Можете называть меня человеком не от мира сего. В принципе это правда, потому что сей мир меня не очень, честно говоря, привлекает. Поэтому-то у меня не очень много друзей.

– Скажите, а для вас существует такое понятие, как Русский мир? Или Российский мир – в данном случае давайте опустим всю эту набившую оскомину возню вокруг обоих этих прилагательных. И если существует, то каким смыслом – опять же именно для вас лично – наполнено это понятие?

– Я еврей чистой крови, но я русский музыкант. Я говорю на русском языке – и говорю достаточно хорошо, в данном случае я имею в виду способность выражать свои мысли и доносить их до собеседника. Мои любимые писатели – Толстой и Чехов. Я не уехал из России, хотя у меня в России ни одного родственника нет, они все в Германии, Америке, Израиле. Но я не уехал из России – значит, я русский музыкант.

Что я понимаю под словом «русский»? Наверное, ощущение нации, к которой принадлежу. Мне не столь важно, что я еврей, хотя я чувствую свою принадлежность к евреям. Мне не столь важно, что я не православный, – я не принадлежу к какой-либо религии, хотя я необычайно верующий человек, я мистик, убежденнейший мистик. Человек искусства не может, на мой взгляд, не быть мистиком, потому что мы имеем с ней дело каждый день. Следовательно, не это является определяющим, хотя для некоторых, скажем, православие будет являться определяющим. Но мне кажется, что искренне верующий, как и искренний патриот, не будет кичиться этим и не станет выставлять свою веру напоказ. Это мое мнение, я никому его не навязываю. Мне думается, что относить себя к русским – это испытывать некое абстрактное чувство, которое заставляет тебя болеть за страну, называемую Россией. Хотя надо для начала разобраться в том, что ты подразумеваешь под понятием «страна». Я не скрываю, как много мне не нравится в нашей стране. Здесь пока что недостатков больше, чем достоинств. Но ведь когда твой ребенок болен, ты же не станешь его от этого меньше любить. Мне кажется, что очень ошибочно воспринимать всех, кто критикует страну или ее власти, как оппозиционеров. Меня всё время спрашивают: у вас мышление оппозиционера, вы в оппозиции? Что за глупость. Я никакого отношения к оппозиции не имею. Я отношусь ко всему, что меня окружает, именно так, как родитель относится к больному ребенку: любви не меньше, но хочется вылечить.

– А этот больной ребенок сейчас выздоравливает? Или же ему наоборот становится всё хуже и хуже?

– В протекании любой болезни существуют перепады. Случаются временные улучшения, а на следующий день снова становится хуже. Я не обладаю всеполнотой информации, мне крайне трудно судить о том, что сейчас происходит. Для меня нет понятия веры. Вспомню здесь Фому Аквинского, который сказал: «Вера есть абсурд». А кто-то дополнил эту мысль: «Вера есть абсурд, начинающийся там, где заканчиваются знания». Поэтому я не

могу верить в то, находится ли Россия на подъеме или в упадке. Я могу лишь точно знать либо одно, либо другое. Я могу судить только по фактам, которые вижу. А я вижу резкое увеличение военных расходов, что отражается на мне как налогоплательщике. Я вижу резкое ухудшение образования, что имеет отложенный эффект воздействия на мой народ. Я вижу резкое увеличение ширпотреба на телевидении, а желтизны – в газетах, обвальное снижение общего уровня культуры. Я вижу, что элита стремится сделать нацию как можно более управляемой – а значит, побаивается ее. Чего побаивается – не могу судить. Возможно, того, что нация станет менее управляемой и начнутся волнения. Я могу привести еще несколько негативных примеров. Но есть и примеры позитивные. Что бы ни говорили, но когда я приезжаю за рубеж, я вижу, что образ русского там, как правило, положительный. Это особенно заметно, если сравнить с тем, как было при Советском Союзе. Когда я, будучи советским гражданином, приезжал за границу, я откровенно чувствовал себя человеком второго сорта по всем параметрам. Сейчас я этого не чувствую – и уже давно не чувствую. Я не скажу, что мы плохо живем. Я знаю, как живут в Никарагуа, в Африке, в некоторых других странах. Мы – далеко не бедная страна. Мы достаточно хорошо живем, и у нас достаточно приличный уровень. Есть страны, которые живут намного хуже и при этом не теряют оптимизма. На протяжении всей своей более чем тысячелетней истории мы выживали в любом испытании и выходили из него только сильнее. Однако из этого утверждения автоматически не следует, что так будет и впредь. Может быть, когда-то и не получится выйти. Римская империя, например, погибла. Всякое может быть. Другое дело, что если абстрагироваться от чувства к России как к ребенку, то я, будучи объективистом, могу заметить: погибла Римская империя, а на ее месте возникло несколько других государств, цивилизация пошла дальше. Но всё же, как я думаю, можно говорить о том, что шансы выйти из непростой ситуации у нас имеются и на этот раз. Несмотря на мощнейший отток мозгов, наша наука существу-

Музыкант играет душой. Если в душе пусто, нечем играть, то музыкант начинает играть просто ноты

ет и даже на каких-то направлениях неплохо развивается. Проблема в том, насколько нам удастся уберечь все эти живые ростки от тотального и всеохватного бюрократизма. Один мудрый философ раннего Нового времени дал потрясающе точное определение смысла существования бюрократии: бюрократия развивается, чтобы удовлетворять потребности развивающейся бюрократии. То есть бюрократическое государство – это государство, в котором бюрократическая система работает сама на себя и больше ни на что.

– Ну, это кибернетическое определение системы – самовоспроизводство прежде всего...

– Поэтому и создаются конкурирующие системы. А у бюрократии нет конкурента, кроме нее самой. Какой выход? Национальное желание, о котором я говорил? Но это недостижимо, это – утопия, хотя к ней и следовало бы стремиться.

– А к ней придется стремиться хотя бы уже просто ради того, чтобы элементарно выжить. Мы не можем до бесконечности паразитировать на сырьевой ренте, на экстенсивном росте.

– А вы пойдите и докажите это олигархам. Кстати, олигархия – это прямое следствие экстенсивного развития. И прямое следствие коррупции. Если коррупция идет с самого верха, олигархия неизбежна.

– Мы подошли к очень важной теме – и жаль, что это произошло уже под занавес нашей беседы. Наша олигархия – это вышедший из подполья теневой советский капитализм, это своего рода переворот сверху.

– А переворота снизу и не бывает. Он всегда осуществляется сверху, даже если кажется, что его делают снизу. Поэтому слова о возмущении народных масс – это рассказы для глупцов. Я надеюсь, что к ним не отношусь.

– Спасибо вам, Даниил Борисович. Получилось так, что собственно о музыке мы говорили очень мало. Можно даже сказать, что совсем не затрагивали этой темы. Но именно после такого разговора обо всём – о политике, о философии, даже частично об этике – ваш музыкальный почерк становится гораздо более понятным и читаемым. Причем отнюдь не только для меломанов.

Великомученик Георгий со сценами жития. Двусторонняя икона. XIII век. Византийский и христианский музей, Афины

«Шедевры Византии»

Государственная Третьяковская галерея,
8 февраля – 9 апреля 2017 года

«Шедевры Византии» – третье событие перекрестного года России и Греции, организованное при участии Третьяковской галереи. Экспонируемые памятники датируются концом X – началом XVI века и дают представление о различных периодах византийского искусства и разных художественных центрах. Один из самых ярких экспонатов выставки – рельеф с образом великомученика Георгия со сценами жития. Он служит примером взаимодействия византийских и западноевропейских мастеров, положившего начало феномену мастерских крестоносцев – интереснейшей страницы в истории XIII века. Техника резьбы по дереву, в которой выполнена фигура святого Георгия, нехарактерна для византийского искусства и была, очевидно, заимствована из западной традиции, в то время как великолепное обрамление из клеим было создано в соответствии с канонами византийской живописи».

Из аннотации ГТГ к выставке

Базилика Сан-Марко в Венеции

«От Базилики Сан-Марко в Венеции до Софийского собора в Великом Новгороде»

Государственный Русский музей,
4 марта – 23 марта 2017 года

«На мультимедийной выставке “Византия в третьем измерении: Ватикан, Италия и Россия” впервые представлены 3D модели шедевров из Италии, Ватикана и России. Мобильное приложение “Виртуальный музей наследия Византии – MuByz” содержит в своей трехмерной коллекции наиболее важные произведения византийской архитектуры».

Из аннотации ГРМ к выставке

Валентина Кулагина. На оборону СССР. 1930-е годы

«Представьте себе Москву»

Музей дизайна, Лондон, 15 марта – 4 июня 2017 года
«Русская революция в плакатах – выставка, посвященная столетию русской революции, представленной в воображении нового смелого поколения архитекторов и дизайнеров Советской России 1920-х – начала 1930-х годов».

Из аннотации Музея дизайна к выставке

«Вермеер и мастера жанровой живописи»

Лувр, Париж, 22 февраля –
22 мая 2017 года

«Выставка организована совместно с Национальной галереей Ирландии (Дублин) и Национальной галереей искусств США (Вашингтон). На выставке представлены великие шедевры Вермеера и работы его современников – таких, как Геррит Доу, Герард тер Борх, Ян Стен, Питер де Хох, Габриель Метсю, Каспар Нетшер и Франс ван Мьерис».

*Из аннотации Музея Лувра
к выставке*

**Вермеер. Женщина, держащая весы. 1662-1663 годы.
Национальная галерея искусств, Вашингтон**

**Ханс Грундиг. Против атомной смерти.
1958 год. Государственный Эрмитаж**

«Лицом к будущему. Искусство Европы 1945–1968»

Государственный музей изобразительных искусств
имени А.С. Пушкина, 7 марта – 21 мая 2017 года

«Уникальный по своей масштабности проект продолжается второй год, и за это время выставка уже показывалась последовательно в Брюсселе и Карлсруэ. Несмотря на то, что состав экспозиции каждый раз претерпевал изменения, принципиальная концептуальная позиция остается неизменной – это взгляд на послевоенное искусство и культуру Западной и Восточной Европы как на единый художественный ландшафт, созданный усилиями мастеров разных стран, к каким бы политическим лагерям они ни относились. Представлены работы таких мастеров, как Герхард Рихтер, Георг Базелиц, Марк Шагал, Александр Дейнека, Пабло Пикассо, Ив Кляйн, Лучо Фонтана, Жан Дрюбюффе, Люсьен Фрейд, Фернан Леже, Франциско Инфанте-Арана, Жан Фотрие, Отто Дикс, Вадим Сидур, Армандо, Отто Мюль, Тадеуш Кантор и др.»

Из аннотации ГМИИ имени А.С. Пушкина к выставке

**Виктор Борисов-Мусатов. Автопортрет
с сестрой**

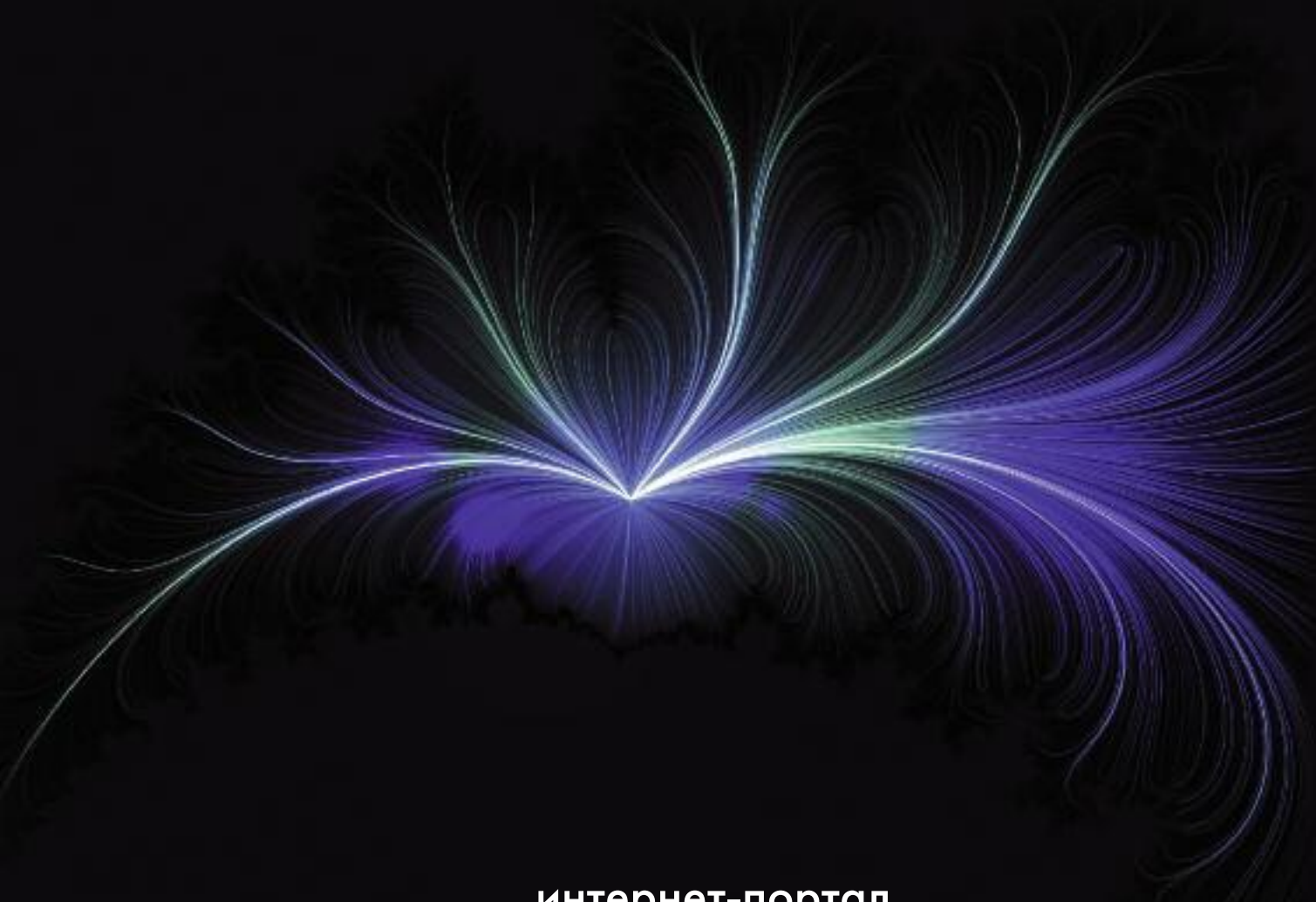
«Виктор Борисов-Мусатов и мастера общества “Голубая роза”»

Государственный Русский музей,
2 марта – 29 мая 2017 года

«Выставка представляет творчество В.Э. Борисова-Мусатова (1870–1905) – одного из ведущих мастеров русского символизма в контексте продолжения и развития его художественной программы в деятельности общества “Голубая роза”. Рядом с произведениями Борисова-Мусатова будут демонстрироваться работы Павла Кузнецова, Николая Крымова, Сергея Судейкина, Николая Сапунова, Мартироса Сарьяна, Петра Уткина, братьев Милиоти и других участников “Голубой розы”, первая выставка которой состоялась 110 лет назад, в 1907 году. Экспозицию составят около 80 живописных и графических работ из собрания Русского музея и частных коллекций Петербурга».

Из аннотации ГРМ к выставке

www.devec.ru

интернет-портал
«Развитие и экономика»